

Роман Анатолевич Глушков
Грань бездны
Серия «Грань бездны», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=593295
Грань бездны: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47266-6

Аннотация

Уже несколько веков люди на Земле – вымирающие аборигены. Она захвачена загадочными Вседержителями, построившими на ней свои базы – исполинские Столпы. С тех пор мир разительно изменился: пересохли реки, моря и океаны, истончилась атмосфера, а огонь превратился в неукротимый метафламм. Жить на континентах больше невозможно, и остатки человечества покоряют новый для себя мир – сухое океанское дно. Они пьют воду тающих полярных льдов и воюют за ценные ресурсы – хлам, которым засоряют планету Вседержители. С помощью него люди строят не только крепости и оружие, но и сухопутные корабли-бронекаты...

Шкипер одного такого бронеката Еремей Проныра Третий однажды нанимается для перевозки странного груза. Ему невдомек, что за этим грузом уже охотится могущественная Владычица Льдов. А тут вдруг новая беда: наниматель Проныры внезапно умирает на второй день пути! И теперь незадачливый шкипер вынужден сам распутывать клубок проблем, унаследованный от мертвого клиента...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	57
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Роман Глушков

Грань бездны

Люди и до ада доберутся. И освоят там богатейшие залежи серы.

Станислав Ежи Лец

Часть первая

Сундуки мертвеца

Глава 1

Увидеть на горизонте черный всполох – откровенно плохая примета. А когда это вдобавок происходит в самом начале долгого и опасного путешествия, можно запросто разувериться в его благополучном исходе. Некоторые перевозчики после такого знамения Вседержителей либо сразу повернули бы вспять, либо вовсе отказались бы от работы, наплевав на все контрактные обязательства. Шкиперы атлантических бронекатов – сухогрузов, буксиров, водоналивных танкеров и прочих, – народ суеверный, и я в этом плане не исключение. Но сегодня – не тот случай, когда вера в приметы могла бы заставить меня нарушить контракт. Впервые за последние пару лет трейлер моего «Гольфстрима» был загружен доверху, а наниматель выплатил мне не торгуясь ту сумму, какую я с него затребовал. Редчайшая по нынешним временам удача.

Как, впрочем, и природное явление, замеченное нами в это погожее утро, также было довольно редким. Первое утро нашего очередного рейса через Атлантику омрачилось зловещим знамением, что изрядно подпортило мне настроение, приподнятое после заключения удачной сделки.

Этот черный всполох, или, как их обозначают в документах и на картах – «биджи» («*black glow*»), – был самым грозным из всех, какие я наблюдал с моим нынешним экипажем, чей состав не менялся вот уже четыре года – тоже своеобразный рекорд в моей шкиперской практике. Солнце еще не показалось над возвышающимся на юго-востоке Гаитянским плато, когда раскинувшийся пред нами алеющий горизонт вдруг померк. Молниеносно – так, будто кто-то из Вседержителей выплеснул на багряную полосу восхода ведро черной краски. А вместимостью то ведро могло сравниться, пожалуй, с самой пуэрториканской Бездной...

Огромные шипастые колеса «Гольфстрима» издавали при езде много шума. Но донесшийся до нас со стороны всполоха характерный раскатистый треск перекрыл даже громыхание движущегося по камням буксира с прицепом. Я в этот момент стоял у штурвала и смотрел прямо по курсу, оттого и не проморгал сей уникальный по размаху и мощи атмосферный катаклизм.

– Стоп колеса! – вздрогнув от испуга, крикнул я через плечо копошащемуся в моторном отсеке Гуго де Бодье. Толстяк-механик, он же – бывший сенатор одного из северо-восточных атлантических городов – Аркис-Капетинга, – кинулся к рычагу экстренной остановки. А затем навалился на него всем своим упитанным телом и застопорил трансмиссию, отсоединив ее от маховика Неутомимого Трудяги. «Гольфстрим» как раз штурмовал пологий подъем, и Гуго пришлось вдобавок опустить тормозные башмаки, что также приводились в действие соответствующей автоматикой. И лишь когда колеса бронеката и трейлера были

надежно застопорены, де Бодье оставил в покое рычаги и, пыхтя, грузно вскарабкался ко мне на мостик, дабы уточнить, что стряслось. Сенатор – все мы его так и называли – был единственный из нас четверых, кто не успел заметить черный всполох, хотя вызванный им шум механик наверняка расслышал.

Объяснять ему ничего не потребовалось. Гуго хватило одного взгляда на горизонт, чтобы все понять без слов. Оставшееся после всполоха скопление метафламма – гигантского облака из миллиардов тонких, и острых как бритва волокон – исчезало, быстро растворяясь в воздухе. Через несколько минут на том месте, где только что бушевала смертоносная буря, не останется и следа. Стало быть, мощный выброс огня, который переродился в «би-джи», был кратковременным. А иначе беспросветно-черная туча все еще продолжала бы висеть над землей или того хуже – разрасталась бы вширь, если бы пламя усилилось.

– Святой Фидель Гаванский! Вот это шарахнуло! Да еще так близко от Аркис-Сантьяго! – воскликнула в воцарившейся тишине Долорес Малабонита – наш бортстрелок, впередсмотрящий и по совместительству моя последняя – пятая по счету – жена. Она, сенатор-изгнанник де Бодье плюс наш четвероногий друг – говорящий варан-броненосец Физз – вот и весь нынешний экипаж «Гольфстрима»...

В этом рейсе нас также сопровождал мой наниматель и хозяин груза, некий Томас Макферсон: сутулый, сухощавый, все время кашляющий старикан с дрожащими руками и морщинистым, покрытым пигментными пятнами лицом. «Дохлый, но щедрый» – так лаконично, не в бровь, а в глаз охарактеризовала его Малабонита. Точнее не скажешь: кем-кем, но скупердяем Томас и впрямь не был.

Только из-за его невероятной щедрости я раздобрился настолько, что разрешил ему взять с нами в рейс второго сопровождающего, хотя пассажирское место на «Гольфстриме» было оборудовано всего одно. Ладно, потеснимся, чего уж там. Приятель клиента должен был присоединиться к нам не сразу, а спустя три дня, на равнине Нэрс, у тамошнего Столпа. Макферсон не раскрыл нам личность этого человека, но заверил, что он – столь же добропорядочный джентльмен, как и сам Томас, и что его участие в нашем походе будет отнюдь не лишним.

Я пожал плечами: что ж, кто платит, тот и барин. А кто платит вперед, тот для меня – шкипера трансатлантического буксира Еремее Проныры Третьего – фактически святой. Причем гораздо более уважаемый святой, нежели для Малабониты – ее Фидель Гаванский. И подобным клиентам я готов во многом потакать – а вдруг судьба снова сведет нас на просторах подлунного мира? Работать с надежными, проверенными и платящими вперед клиентами для меня всегда сродни празднику.

Половину нашего гонорара Томас оплатил монетами, а половину – отборными ино-стальными листами, самый маленький из которых был размером с раскрытый шкиперский Атлас! При помощи этой иностали клепальщики Аркис-Сантьяго – города, где правит алькальд Сесар Железная Рука отец моей Долорес, и где старик Макферсон хранил доселе свои богатства, – могли бы провести капитальный ремонт корпуса «Гольфстрима». Но я планировал озадачить этой работой умельцев из другого города – далекой и загадочной крепости Гексатурм. Именно туда – в находящийся по ту сторону Срединного хребта Гексатурм – мы и направлялись. И щедро оплативший нашу поездку наниматель умолял меня поторопиться.

Какая нужда гнала его к склонам Великого Восточного плато, за шесть тысяч километров от Аркис-Сантьяго, я не спрашивал. Раз приспичило человеку перебраться на другой конец света вместе со всем своим богатством, значит, есть на то веская причина. Которая меня – перевозчика-наймита – касается постольку-поскольку. Равно как постольку-поскольку волнует меня и то, что хранится в громоздких герметичных контейнерах, коими забит наш трейлер.

Знатные, надо отметить, коробочки. Три десятка иностальных кубов, каждый – емкостью более восьми кубометров и весом от двух с половиной до трех тонн. Восемьдесят с лишним тонн непонятно чего, но там явно не черепахи панцири, не оружие и не иносталь. При погрузке я лично взвесил и обстучал все ящики: набиты очень плотно, до самого верха. А заперты так, что из них песчинка не просыплется. Похоже на сыпучий груз. Хорошо просушенная и упакованная для дальней транспортировки мука? Маловероятно. Во-первых, ее белый налет непременно остался бы на стенках контейнеров. А во-вторых, для перевозки какой муки наниматель будет сооружать столь дорогостоящую тару и отваливать не торгуясь горю превосходной листовой иностали?

И самое главное: на всех тридцати контейнерах я не обнаружил ни заклепки, ни болтика.

О чем это говорит? Правильно: ящички Макферсона собрали не люди, а Вседержители. Собрали по той же технологии, по какой был создан мой и прочие Неутомимые Трудяги – несколько тысяч существующих сегодня на Земле ДБВ – двигателей безостановочного вращения. Только тот, кто в силах повелевать огнем, может скреплять между собой железные детали без клепки и предшествующего ей муторного сверления. Человек давно так не может, ибо сегодня огонь – наш заклятый враг. Любой возникающий на планете источник горения мгновенно перерождается в метафламм и убивает окрест себя все живое на большом расстоянии. Как тот далекий черный всполох, что напугал нас при выезде из Аркис-Сантьяго. Как миллиарды других «би-джи», которые произошли до него и которые уродуют наш мир с тех самых пор, как Вседержители утыкали его своими гигантскими Столпами...

Соблюдение конфиденциальности клиента для нас – вопрос чести. Но выведать о нем кое-какую информацию у него за спиной не противоречит принципам Еремея Проныры Третьего. И тем паче грех не сделать это, когда алькальд, под чьей защитой Макферсон прожил долгое время, приходится мне родней. Точнее, тестем. Разумеется, я имею в виду алькальда Аркис-Сантьяго Сесара Железная Рука.

– Запутанная на самом деле эта история, мой друг, – отмахнулся он, когда я, выслушав деловое предложение Томаса, пришел к своему влиятельному тестю за мудрым советом. – Сеньор Макферсон появился у нас в городе три года назад вместе с таким же перевозчиком, как ты. Пьяница Хань – так вроде бы звали того шкипера...

– Как же, знаю его, – подтвердил я. – Правда, лично знаком не был. Старый китаец всегда причислялся к самым рискованным шкиперам Атлантики. И недаром. Поговаривают, ему доводилось проезжать по таким диким местам, где единственные ориентиры – это следы, оставленные змеями-колоссами и змеежорами. Жаль Ханя – гуляют слухи, что полтора года назад он пропал без вести, когда искал северный объездной путь вокруг Великого Западного плато.

– Воистину жаль, – согласился Сесар Железная Рука. – Хань, как и ты, тоже состоял у меня на особом счету. Однако не о Хане сейчас речь. В общем, привез он к нам Макферсона на своем буксире с севера, из долины Гаттераса. Ты бывал когда-нибудь у Столпа, что стоит на ее северной оконечности, сразу за Бермудскими горами?

– Проезжал пару раз неподалеку, и только, – признался я. – Поэтому с куратором тамошних Стервятников не знаком. Но слышал, что он – из молодых.

– Все верно, – кивнул алькальд. – Его зовут Пино Навахо, и он верховодит артелью совсем недавно. А до Пино там держал банк как раз Томас Макферсон. И, вполне вероятно, по сей день держал бы, кабы не юкатанская чахотка, что однажды серьезно его подкосила. Сеньор Томас начал терять силы и осознал, что вскоре так или иначе его власти придет конец. Но он не стал дожидаться, когда это произойдет, и сам передал бразды правления в руки молодого и горячего Навахо, пока тот не учинил в артели переворот. А Макферсон выбрал для себя добровольное изгнание и покинул долину Гаттераса. Пино это благородство так

растрогало, что он одарил старика иносталью, дабы он ни в чем не нуждался до конца своих дней. Томас был премного наслышан обо мне как о справедливом правителе и решил осесть в Аркис-Сантьяго. В чем я, естественно, не мог ему отказать. Богатый и мудрый горожанин – честь для любого города. И потому обидно, что сеньор Томас все-таки надумал нас покинуть. Я очень огорчился, когда узнал об этом. Ну да гладкой ему дороги. Как, впрочем, и вам тоже.

– Так, значит, контейнеры, которые он хочет переправить в Гексатурм, – это часть той пенсии, какую назначил бывшему куратору Стервятников его преемник?

– Да, Макферсон так мне и сказал. Хотя я сразу заподозрил: он явно что-то недоговаривает. А спустя год при нашей последней встрече с Пьяницей Ханем тот проболтался, что прежде, чем взять курс на юг, им с сеньором Томасом пришлось заехать на Великое Западное плато. И проторчали они в Брошенном мире якобы аж целые сутки. «Надо было забрать попутно кое-какой груз», – сказал тогда Хань. Но потом, очевидно, спохватился, что выдает чужую тайну, и сразу же примолк. Впрочем, для меня и этих слов было достаточно, чтобы догадаться, о каком грузе толкует Пьяница.

– Прошу прощения, сеньор. – Я недоуменно вскинул брови. – Вы случаем не оговорились? Макферсон и Хань, они что, действительно поднимались на Великое плато? Или вы имели в виду лишь его склон?

– Да, Пьяница сказал именно так: они взобрались на само Великое Западное, а не на склон, – уточнил Сесар Железная Рука. – И произошло это не так уж далеко отсюда: на Флоридском Клине.

– Любопытно. И чем же они там дышали? Ведь на тех высотах нет воздуха!

– Как я понял, эти двое не удалялись в глубь Брошенного мира. А на самом краю плато, по словам Ханя, атмосфера не так разрежена. Долго находиться там, безусловно, нельзя, но вытерпеть сутки лично ему было вполне по силам. Однако больному сеньору Томасу после того восхождения стало совсем худо. Правда, в Аркис-Сантьяго он, к счастью, оклемался и пошел на поправку. А теперь вот даже намерен дерзнуть пересечь Атлантику. Хочу, говорит, успеть на склоне лет повидать мир по ту сторону Срединного хребта, а то, дескать, за всю свою жизнь восточнее Столпа Пико и не выбирался...

Эх, лучше бы Макферсон и дальше сидел на своих сокровищах под защитой алькальда Сесара и его армии! Нет, понесла же нелегкая старого хрыча на другой конец света, и это в его-то возрасте и при его отвратительном здоровье!

Понесла, понесла, да не донесла... Не прошло и суток, как Томас оставил нашу компанию и отправился другой дорогой в совершенно другом направлении. Туда, куда суждено рано или поздно уйти всем нам и откуда уже нет и не будет возврата: в подземный рай Чистого Пламени. Туда, где горят миллионы костров, а на них духи великих поваров древности жарят, варят и коптят все те вкусности, о которых гласят легенды! Приготовленная на настоящем огне, а не в лучах полуденного солнца, восхитительная горячая пища Брошенного мира! Вся, какая только существовала во времена наших предков и о какой мы – их потомки – знаем лишь понаслышке. И каждый, кому из нас повезет попасть туда после смерти, будет ходить от костра к костру и вкушать старинные яства, пока не перепробует их все. То есть лет эдак через тысячу-другую. А потом отправится наслаждаться пищей Богов по второму кругу – райская жизнь, она ведь бесконечна.

А может, на совести Макферсона висели неведомые нам тяжкие грехи, и он не провалится в рай, а вознесется в небесный ад Иностали и Мрака. Там бедняге Томасу предстоит вечно блуждать по заросшему дебрями метафламма иностальному лабиринту, ища выход и не находя его. Тонкие волокна перерожденного огня изрежут тело страдальца до костей и несметное число раз пронзят его насквозь. А он, мучимый дикой болью, будет каяться и проклинать свою многогрешную жизнь, но так и не получит прощения от грозных Вседержителей...

Первый тревожный звонок, сигнализирующий о грядущей беде, прозвенел у меня в голове, когда мы остановились, потревоженные «би-джи», и уставились на восход. Зрелище было грандиозным, однако сидящий в пассажирском кресле Томас даже не приподнялся, чтобы взглянуть вместе с нами на далекий катаклизм. Нет, бывший куратор Стервятников не спал и смотрел сейчас туда же, куда мы. Вот только вид у него был при этом совершенно равнодушный, словно он наблюдал подобные явления ежедневно. Или же все его мысли были поглощены чем-то другим. Например, собственным плохим самочувствием. Такая догадка казалась ближе к истине, пусть даже лицо старика не выглядело страдальческим.

Мы отдалились от Аркис-Сантьяго всего на десяток километров, и мне не хотелось бы возвращаться назад из-за внезапно ухудшившегося здоровья нанимателя. Спустившись с мостика на палубу, я подошел к Томасу и обеспокоенно поинтересовался:

– Как себя чувствуете, мистер Макферсон? Что-то вы неважно выглядите.

– Со мной все в порядке, шкипер, – заверил меня старик, изобразив вялую и явно наигрannую улыбку. – Просто давненько не путешествовал на бронекатах, вот и укачало с непривычки. Ничего, скоро освоюсь, и все пройдет.

– Может, хлебнете немного кактусидра? – предложил я. – Уверен, он поможет вам взбодриться.

– Нет, благодарю вас, – отказался Томас. – Но если вас не затруднит, дайте лучше обычной воды.

Я не стал перепоручать его просьбу Гуго и Малабоните и предпочел обслужить клиента собственноручно. Будь Еремей Проныра Третий богатым хозяином водоналивного танкера, он давно завел бы себе прислугу на все случаи жизни. Но пока мне приходится бороздить пустоши Атлантики на стареньком, отцовско-дедовском буксире, я не могу позволить себе подобную роскошь. Вот и приходится порой взваливать на себя не подходящие для шкипера обязанности. Ничего не попишешь – издержки мелкого бизнеса. К тому же из всей моей команды я был единственный, кто не страдал избытком гордости. Даже говорящий варан-броненосец Физз, доставшийся мне в наследство от отца вместе с «Гольфстримом», и тот в компании бывшего сенатора де Бодье и дочери алькальда Сесара стал поглядывать на меня с заносчивостью. Чего при прежних наших экипажах за Физзом точно не наблюдалось.

Пока я ходил к баку за водой для Макферсона, облако метафламма на горизонте окончательно рассеялось, а солнце наконец-то высунулось из-за Гаитянского плато.

– Как думаете, что это все-таки было? – спросил меня Томас, отхлебнув из поднесенной ему фляжки и указав рукой на восток.

– Хермо по хурсу, шхипер! Поперекись! «Пи-тши!» «Пи-тши!» Хрус не састрохофан! – прошипел ему в ответ разлегшийся на крыше рубки Физз. Взярошив все свои фосфоресцирующие по ночам чешуи, он грелся в первых солнечных лучах и походил сейчас на большой обломок кактуса-бритвенника. Болтал ящер, как и всякая мало-мальски разумная говорящая живность, обо всем, что слышал и запоминал. Но сейчас замечание Физза пришлось весьма кстати, и Макферсон улыбнулся ему уже не вымученно, а вполне искренне.

– Очевидно, где-то между нами и Нэрским Столпом случилось извержение раскаленного газа, – предположил я. – И судя по количеству метафламма – довольно крупное извержение. Даже от грозowych молний черные всполохи мельче и слабее. Но, думаю, выброс не затронул поселение Стервятников Сенегальца Фаруха и ждущего нас там вашего друга.

– Будем на это надеяться, – прокашлявшись в очередной раз, молвил старик. – И на то, что мы непременно доберемся дотуда за обещанные вами два дня.

– Осмелюсь спросить: мсье Макферсон чего-то опасается? – любопытствовал из рубки слышавший наш разговор механик. Подобно Томасу, он тоже пребывал с утра в скверном настроении, правда, по другой причине.

Услыхав позавчера, как быстро наш наниматель согласился на заломленную мной цену, Гуго впал в ужас. Он, как и я, понял, что мы здорово продешевили и старик наверняка мог бы отстегнуть нам куда большую сумму. Редко, очень редко нам доводилось так оплошать. Но сказанного назад не воротишь. И если я уже успел смириться со своей промашкой, то де Бодье до сих пор мне ее не простил.

Чтобы восстановить свое честное имя, ему – пойманному некогда с поличным сенатору-взяточнику – требовалось выкупить у властей Аркис-Капетинга свое имущество. Все, какое он отдал в залог, дабы не угодить в тюрьму. Найти же иной, более благородный и доходный способ заработка, лишенный всего, кроме свободы и жизни, пятидесятилетний Сенатор не сумел. Он всегда был политиком, а не воином, но о политической карьере ему с подмоченной репутацией пришлось забыть. Второй страстью Гуго – неразрывной страстью – являлись вино и женщины, а третьей, как ни странно, – изобретательство. Когда он не пропадал в кабаках и борделях, то непременно разгадывал какую-нибудь техническую головоломку или собирал очередной механизм, пусть даже заведомо бесполезный. Пытливый ум де Бодье регулярно нуждался в подобной стимуляции, вот почему судьба и привела его в итоге на борт «Гольфстрима».

Изгнанник-сенатор мог бы переквалифицироваться в инженера и путешествовать по свету в качестве наемного работника. Но такой метод возврата арестованного имущества выглядел для него слишком уж ненадежным и хлопотным. Чего нельзя сказать о службе у трансатлантических перевозчиков. Она тоже была рискованной, зато приносила стабильный доход и позволяла откладывать сбережения на будущее. К тому же хорошие механики у нас всегда были востребованы, и здесь у Гуго имелось куда больше шансов сколотить нужный ему капитал. Оттого и страдал несчастный де Бодье, когда позавчера я по глупости не позволил ему сделать еще один шаг к его заветной цели. И, вероятно, весьма существенный шаг, если прибросить, насколько мы продешевили...

– Всю свою жизнь я чего-нибудь да опасуюсь, мсье де Бодье, – уклончиво ответил Макферсон на вопрос механика. – Как наверняка и все вы – при вашей-то опасной работе? Так что одним опасением больше, одним меньше...

И с кряхтением привстал из кресла, после чего в который раз за утро обернулся на далекие стены Аркис-Сантьяго, которые еще не скрылись из виду за скалами и дырчатыми «монументами» камнеила; из-за постоянного выветривания каждый из них обладал уникальной, причудливой формой, а вместе они образовывали целые окаменелые леса.

– Раз уж мы говорим об опасности, мистер Макферсон, то сейчас она, скорее, будет поджидать нас впереди, а не сзади. Разве только почтенный алькальд Сесар отправит за нами погоню, чтобы еще раз попробовать уговорить вас не покидать эти чудесные края, – заметил я. Суровая озабоченность, с какой Томас глядел на оставленный им город, выдавала, что пассажира снедает не только тоска по брошенному дому, но и некая тревога.

– Сеньор наниматель волнуется по иной причине, – заключила вдруг Долорес. Уверенность в ее голосе дала понять, что она догадывается о чем-то таком, о чем пока не догадываюсь я. Так и оказалось. – Возможно, сеньора беспокоит дон Балтазар Риего-и-Ордас, который должен со дня на день явиться в Аркис-Сантьяго со своей Кавалькадой? И не поэтому ли сеньор Томас так торопится убраться подальше отсюда?

– Неужто и впрямь сам дон Риего-и-Ордас? – Гуго от неожиданности выпрямился, как будто упомянутый Долорес человек вдруг материализовался собственной персоной прямо на шкиперском мостике.

– О чем это ты толкуешь, Моя Радость? – любопытствовал я у Малабониты, тоже впервые услышав эту прелюбопытную новость. – Алькальд Сесар ожидает посланника самой Владычицы Льдов, а я только сейчас об этом узнаю?!

– Потому что тебе и не положено было об этом знать! – отрезала Долорес, но до разъяснений все же снизошла: – В депеше от дона Риго-и-Ордаса, которую отец получил на прошлой неделе, имелась настоятельная просьба, чтобы известие о приезде Кавалькады оставалось в тайне и было доведено лишь до ближайшего окружения алькальда. А ты, *Mio Sol*, есть всего-навсего муж его седьмой и отнюдь не самой любимой дочери!

Истинная и в чем-то даже горькая правда...

Три самые старшие сестры Долорес были выданы замуж за вожakov ближайших к Аркис-Сантьяго артелей Стервятников. Четвертая и пятая дочурки Железной Руки ублажали шкиперов водоналивных танкеров. Шестая умудрилась выскочить за градоначальника Аркис-Патагонии. И лишь предпоследняя – самая строптивая и неугомонная – изъявила желание стать супругой однажды игриво подмигнувшего ей мелкого частного перевозчика, то бишь меня. Чему, однако, измученный ее бунтарским нравом папаша вовсе не огорчился, а, напротив, был несказанно рад. Одним махом он разрешил сразу три задачи: дал непоседливой Малабоните шанс посмотреть мир, сплавил хулиганку из своего города и «прикормил» к нему известного шкипера.

Самой младшей – восьмой по счету – дочке алькальда было пока лишь пятнадцать. Как сложится ее судьба, неведомо, но вряд ли эта скромница пойдет по стопам вольнолюбивой Долорес. Не удивлюсь, если через пару-тройку лет в ряды многочисленной родни Железной Руки войдет старший сын Сенегальца Фаруха, который в будущем наверняка станет преемником отца – нынешнего вожакa Стервятников Нэрского Столпа.

Брак с Долорес здорово подорвал... да что там – практически свел на нет мои отношения с остальными четырьмя женами, живущими в разных городах Атлантики и, к счастью для меня, не питающими тяги к дальним странствиям. Что поделать, таковы они – горячие женщины этого края света. Они на дух не переносят соперниц и готовы перегрызть глотку даже древней старухе, если та вдруг одарит их избранника слишком недвусмысленной улыбкой. Впрочем, женившись на Малабоните, я больше выиграл, чем потерял, – все-таки достоинств у нее было больше, чем недостатков. Да и не молод я уже, честно признаться. В мои годы начинаешь иначе смотреть на мир и все больше проникаешься смыслом такого понятия, как постоянство...

– Но тебе-то отец про посланника Владычицы Льдов все же рассказал! – возмутился я, после чего гораздо миролюбивее добавил: – И о чем таком важном дон Балтазар собирается говорить с алькальдом?

– Об этом в послании умалчивается, – ответила Малабонита и, прищурившись, пристально уставилась на Томаса. – Однако вся эта секретность явно неспроста. И мне она не нравится. Очень! Вот я и подозреваю, а нет ли случайно связи между спешным отъездом нашего сеньора нанимателя и загадочным появлением здесь дона Риго-и-Ордаса.

– Не понимаю, о чем вы, сеньора. Это просто совпадение, и только, – устало вымолвил наниматель и закашлялся, а затем отвел взгляд.

Губы моей милашки скривились в недоверчивой ухмылке. Малабонита была на полжизни моложе Макферсона, но вряд ли тому удалось бы ее обмануть. Даже мне – Проныре в третьем поколении – это не всегда удавалось, что же тогда говорить о больном, усталом и не склонном к лицемерию старике.

– Припафьте схорость, лопотрясы! – вновь напомнил о себе млеющий на солнце Физз. – Полный фперет!

– Мсье Шипучка чертовски прав, – поддакнул де Бодье, брезгливо покосившись на вarana. – Надо торопиться, если хотим нагнать тень от плато. Не знаю, как вы, а я был бы не прочь ехать в холодке.

– Едем! – поддержал я Гуго. – Все по местам и запаситесь терпением – до вечера остановок больше не предвидится.

Через полминуты «Гольфстрим» вновь загрохотал колесами по камням, а я, сверившись с Атласом, подкорректировал курс в сторону Гаитянского плато. Будет разумнее объехать место, где сверкал черный всполох, как можно дальше. Мало ли, а вдруг там разразится повторный катаклизм, да к тому же мощнее первого? Нет, уж лучше сделать крюк и потерять три-четыре часа, чем угодить сдуру под выброс метафламма и лишиться жизни.

В Атлантике есть много способов расстаться с ней, но этот – далеко не самый удачный, даром что моментальный. Уж поверьте на слово, если вам вдруг еще не доводилось видеть мертвецов, коих прикончил хренов «би-джи». Впрочем, смотреть там уже практически не на что. Во всех смыслах...

Наша погоня за убегающей на восток тенью от плато увенчалась успехом. Почти до самого заката мы двигались вдоль высоченных крутых склонов этой возвышенности, на вершине которой находилась малая толика ныне мертвого Брошенного мира. Равно как и на вершинах Кубинского плато – соседнего с Гаитянским, более крупного и имеющего форму гарпунного наконечника. У его восточного края – почти на самом острие этого «гарпуна» – и располагался Аркис-Сантьяго.

Выбранная мной дорога была проторена, естественно, не нами и существовала еще в эпоху моего героического деда – Еремея Проныры Первого. Вела она напрямик к берегам Пуэрто-Риканской бездны – самому зловещему и одновременно самому притягательному месту во всей Западной Атлантике. Гигантский желоб протянулся вдоль Антильского хребта более чем на тысячу километров и обладал почти стокилометровой шириной. Истинная же его глубина была неведома никому. Старинные карты утверждали, что она – порядка девяти километров. Только кто бы верил сегодня тем картам, на которых вся Атлантика закрашена голубым цветом, а недостижимые вершины современных плато и гор обозначены как острова и архипелаги. И чего в древних географических атласах нет в помине, так это Столпов. Оно и понятно: люди Брошенного мира слыхом не слыхивали о Вседержителях. А те, кого тогда называли этим именем, были всего-навсего богами – мифическими персонажами, в которых наши глупые предки, однако, истово верили. Что, впрочем, все равно не спасло их от вторжения настоящих Вседержителей.

Всяк уважающий себя перевозчик обязан хотя бы раз в жизни повидать Пуэрто-Риканский желоб. И бросить в него записку со своим именем, а также именами всех людей, кто ему дорог. Такова традиция. Согласно ей и вопреки заверениям ветхих карт dna у этого разлома нет и он ведет напрямик в подземный рай Чистого Пламени. Где, как гласит все то же поверье, все имена с упавших туда записок будут тщательно переписаны духами великих поваров в специальный реестр. И когда отправитель сего послания или близкий ему человек отойдет в мир иной, у него окажется гораздо больше шансов угодить в рай, ведь для него там уже будет зарезервировано местечко.

Замечательный обычай, не правда ли? Поэтому неудивительно, что я нашвырял в этот желоб уже целый ворох записок. Так много, что даже начал побаиваться, как бы моя настырность не разозлила райских поваров.

– Бывали когда-нибудь у Пуэрто-Риканской бездны? – осведомился я у Макферсона, когда мы остановились на ночлег. Нас и титанический желоб разделяло теперь всего около сотни километров.

Вконец измотанный за день Томас лишь молча помотал головой. Я удивился: странно, возле Столпа Пико старик побывал, а до главного западного чуда света не добрался. Ну да ладно, не был и не был, а почему – не мое собачье дело.

– Значит, повезло вам, – заметил я по этому поводу. – Завтра нам так и так придется двигаться мимо разлома, а стало быть, еще успеете на него насмотреться. Кабы не сегодняшней «би-джи» и объезд, мы находились бы сейчас намного севернее, уже на краю равнины Нэрса. Но, как видите, во всем плохом есть что-то хорошее. «Гольфстрим» отстаёт от гра-

фика на три часа, зато теперь вы не уедете на восток, не посетив напоследок нашу великую западную достопримечательность... Как, кстати, ваше самочувствие?

Томас приподнял трясущуюся руку и отмахнулся. Его жест, видимо, следовало толковать как «чувствую себя дерьмово, но терпимо». Хотя бледность на лице Макферсона была заметна даже в полумраке, а покашливание переросло в сиплый кашель.

– Знаю: в первый день пути всем с непривычки трудно, – кивнул я. – Грохот, пыль, качка и прочие «радости путешествия»... Но завтра, вот увидите, вы станете куда легче переносить все это.

Болтанка сегодня и впрямь выдалась сильная. Впрочем, это нормальное явление при езде у подножия любого плато. Постоянно сходящие с его склонов осыпи заваливают расщелины. Но они не бездонны, и со временем на месте прежних расщелин начинают малопомалу расти пологие курганы. Езда по ним есть практически непрерывное чередование подъемов и спусков. И когда мы порой выбирались на мало-мальски ровный участок, внутри у меня все еще продолжало подниматься и опускаться до тех пор, пока мой вестибулярный аппарат не приходил в норму. Радоваться чему, однако, приходилось недолго. И вот уже «Гольфстрим» опять взбирается на высокий вал, чтобы через полминуты перемахнуть через него, а затем повторить это вновь и вновь на следующей череде подобных преград. И так вплоть до самого вечера.

Четыре широких, диаметром в три человеческих роста, и усеянных пирамидальными шипами колеса буксира могут вознести его вместе с трейлером и на более крутые склоны. Мощность двигателя позволяет. Найденный почти век назад моим прадедом у Канарского Столпа, Неутомимый Трудяга, конечно, не чета тем «монстрам», какие стоят на водоналивных танкерах и сухогрузах. Но он свое дело знает и делает его на совесть. Некрупный – величиной с тысячилитровую винную бочку, – наглухо закрытый иностальной цилиндр с торчащим у него из торца вращающимся валом и насаженным на него зубчатым маховиком – таково оно, главное и бесценное наследство, доставшееся мне от отца. Все остальное, кроме, естественно, Физза, я способен при необходимости продать или заменить на новое. И пока на моем Неутомимом Трудяге вращается маховик, я могу радоваться жизни, какие бы неприятности она мне порой ни подбрасывала.

Так или иначе, а отмахали мы в первый день пути ни много ни мало – почти четыре сотни километров. Отличный результат, поскольку чем ближе мы будем подъезжать к Срединному хребту, тем больше станем петлять и меньшее расстояние покрывать за день. Песок, каменное крошево и обломки хрупкого камнеила – более идеального дорожного покрытия мы – шкиперы Атлантики – не можем себе пожелать. Для колес «Гольфстрима» оно все равно что для моих босых пяток – мягкая молодая травка. К сожалению, подобные скоростные перегоны попадают на нас далеко не каждый день.

Обеденных перерывов для перевозчиков не предусмотрено. Только плотный предрасветный завтрак и поздний, уже затемно, ужин. Пока светит солнце и позволяет погода, мы должны двигаться вперед, и точка. Еда и отдых – занятия для темного времени суток. Если невтерпех перекусить днем, ешь прямо на посту и так, чтобы это не мешало твоей работе.

Из нас троих лишь Гуго не в силах вытерпеть четырнадцать часов без пищи, но при его комплекции это простительно. За полтора года службы на «Гольфстриме» де Бодье заметно похудел, но не настолько, чтобы перестать считаться толстяком. Поначалу я волновался, не вгонит ли он нас в разорение своим зверским аппетитом. Но когда Сенатор всего за час полностью перебрал на буксире раздаточный узел, который раньше в глаза не видел – работа, что у прежних моих механиков занимала как минимум день, – я простил Гуго перерасход продуктов авансом на год вперед. Пускай ест сколько влезет! При любой дорожной поломке он сполна окупит все наши лишние затраты на продовольствие.

По легендам, в Брошенном мире подобные нам путешественники ночевали у костров, жаря мясо, ведя задушевные беседы или распевая под гитару песни – почти как в легендарном подземном раю. Красивое, поди, зрелище – чистое пламя в темной ночи. Конечно, мне трудно представить, как оно на самом деле выглядело, но я пытаюсь. И, видимо, небезуспешно. При мыслях о настоящем огне мне всегда становится тепло, а в душе просыпается светлая грусть. Самовнушение? Генетическая память? Да хрен их знает. Главное, во мне продолжает жить частица Брошенного мира и, значит, я еще могу считаться человеком. Обидно только, что теперь это звучит не так гордо, как в былые времена...

Если вы невзначай подумали, что Физз играет на «Гольфстриме» роль экзотической говорящей безделушки, то это – большая ошибка. Наш хвостатый товарищ вносит в общее дело не меньший вклад, чем любой из нас. Днем, да, от варана и впрямь нет никакой пользы, разве только он ляпнет впадет что-нибудь смешное и поднимет команде настроение. Зато ночью, когда мы – люди – уподобляемся в диких пустошах-хамадах слепым котяткам, Физз служит нашим светочем и стражем. Толстая фосфоресцирующая чешуя ящера вбирает в себя за день столько солнечных лучей, что прекращает сиять лишь к утру. Свет у нее, правда, голубой и холодный, но достаточно яркий для того, чтобы нам не приходилось устраиваться на ночлег во тьме.

В компании светящегося Физза я мог без проблем читать в темноте Атлас и прокладывать завтрашний курс, Гуго – проводить срочный ремонт, а Малабонита – охотиться на змей и искать в песке черепахи гнезда. Варан при этом послушно полз за тем, кто его подзывал, и, раззявив пасть, ловил время от времени слетающихся на свет неосторожных ночных бабочек и кактусовых колибри. Когда же мы не нуждались в его услугах, он разгуливал вокруг стоянки без привязи, благо потерять его в темноте было нельзя. Да он и сам никуда от нас не рвался. За десятки лет жизни бок о бок с человеком ящер накрепко усвоил одну истину: какой бы сладкой ни была свобода, на воле его никто не накормит вкуснейшим курадо – ломтиками вяленого мяса, в котором Физз просто души не чаял. Да и поговорить на человеческом языке в хамаде говорящему варану тоже ведь не с кем, о чем этот болтун, подозреваю, знает не хуже меня.

Вторым неопенимым качеством Физза было его феноменальное чутье. Он мог за две-сти шагов учуять подкрадывающегося к нам хищника или чужака-человека. После чего принимался агрессивно шипеть и скрести лапами землю, повернувшись мордой в сторону угрозы. Самому ящеру ночью угрожали разве что кондоры-костогрызы. Да и то неопытные – те, которые могли принять его в сумерках за обломок китовой кости. Но закованный в естественную броню варан был слишком тяжел для молодых кондоров, а взрослые их особи поднять его в воздух и не пытались. Мало того что клюв и когти обломаешь, так еще лапы можешь лишиться – челюсти-то у Физза хваткие и зубки хоть мелкие, но дюже острые...

Сегодняшней ночью его помощь в качестве светильника никому не потребовалась. Отужинав и оставив ящера разгуливать вокруг буксира, мы вернулись на палубу – самое безопасное место в кишасей змеями хамаде – и завалились спать.

Если судьба проявит к нам милость, завтра, послезавтра и в течение дальнейших тридцати дней – приблизительное время пути до Великого Восточного плато – каждый наш день будет заканчиваться столь же скучно, как этот. О, я многое бы отдал за то, чтобы такой порядок вещей сохранялся всегда. Лишь идиоты могут думать, что главная радость в нашей работе – это изобилие приключений. Скука и тихие спокойные вечера вроде нынешнего – вот истинное счастье для находящегося в рейсе перевозчика. И ничто так не греет наши души, как осознание того, что сегодня весь день дорога нам благоволила.

Одна лишь мысль не давала мне перед сном покоя: мчащаяся к Аркис-Сантьяго, а может, уже достигшая его Кавалькада донна Риго-и-Ордаса. Правая рука самого богатого и влиятельного человека в Атлантике, а то и на всей Земле – Владычицы Льдов, – дон Балтазар

всегда путешествовал со своим отрядом вооруженных до зубов кабальеро. Наверняка такие авторитетные гости заезжают к алькальду Сесару не каждый год. И почему нельзя было известить горожан об их скором визите? Неужели дон Балтазар боялся кого-то испугнуть? И неужели этот «кто-то» – наш наниматель Макферсон?

И ведь не надавишь на него, дабы он выложил нам всю правду. И не потому, что Томас – старый и больной. Просто не в моих это правилах – применять насилие к своим лучшим клиентам. А он определенно солгал насчет того, что не знает о приезде посланника Владычицы. Если это и впрямь так, почему Макферсон не выказал удивления, как я и Гуго, когда услышал от Долорес столь сногсшибательную новость?

А может, у меня от усталости разыгралось воображение и мне попросту мерещится всякий вздор? Как там говаривал мой покойный папаша: утро вечера мудренее... так, вроде бы? Толковое замечание. Готов поспорить с самим собой, что утром я однозначно не буду таким мнительным. Только к чему этот спор, если я и так знаю, что Проныра Второй был прав, и завтра я еще посмеюсь над своими беспочвенными подозрениями...

Глава 2

Насколько в действительности это утро оказалось мудренее вчерашнего вечера, точно не скажу. Однако то, что назавтра мне и моей команде стало уже не до смеха, – горький и неоспоримый факт.

Продрав по привычке глаза за час до рассвета, я обнаружил, что взобравшийся ночью на палубу Физз стоит рядом со спящим Макферсоном. И не просто стоит, а буквально дышит ему в лицо, едва не царапая его своим колючим чешуйчатым носом.

– А ну кыш оттуда! – грозным шепотом забранился я на ящера. – Кыш, кому говорю, паскудник! Сгинь! Пшел-пшел! Где твое место?!

Не хватало еще, чтобы Томас проснулся и узрел перед собой поблекшую за ночь морду нашего «светоча»! От такой шутки и я могу с перепугу зайкой стать, а старику и вовсе недолго окочуриться. Что за странное любопытство вдруг нашло на варана? Раньше он к спящим пассажирам никогда не подкрадывался, разве что делал это, когда его никто не видел.

– Херьмо, шхипер! – просипел Физз не оборачиваясь.

Воистину – «херьмо»! Именно этого я больше всего опасался, ведь говорить шепотом он, ясное дело, не умел. И от его жуткого, с подсвистом, голоса, да еще раздавшегося прямо над ухом, не проснется только мертвец.

Я в отчаянии схватился за голову, будучи не в силах исправить ситуацию и предостеречь Макферсона, чтобы он не испугался. Но тот как лежал на матрасе, так и продолжал лежать, не пошевелившись и не открыв глаз. И вообще на лице Томаса не дрогнул ни один мускул, хотя сон терзаемого кашлем человека вряд ли мог быть крепким.

– О нет! – умоляюще пробормотал я, не желая верить вспыхнувшей в мыслях страшной догадке. – Все, что угодно, только не это!

Вскочив на ноги, я подбежал к старику и оттащил от него за хвост недовольно зашипевшего Физза. После чего окончательно убедился, что не подающий признаков жизни наниматель уже никогда их не подаст. У Макферсона отсутствовали и дыхание, и пульс, а кожа стала такая же холодная, как остывшие за ночь камни хамады. Томас был мертв. Очевиднее не бывает.

Вряд ли, конечно, он умер, испугавшись спросонок ящера. Так закоченеть покойник мог лишь за несколько часов – то есть где-то в районе полуночи, – а в это время у варана самый разгар ночной охоты. Крайне маловероятно, чтобы он вдруг оставил в покое своих бабочек и колибри, взобрался на борт, напугал до смерти старика, а затем простоял у его тела до самого утра. Скорее всего, Физз вернулся на «Гольфстрим» как обычно, к рассвету, и, учуяв специфический запах мертвеца, просто подошел проведать, отчего это наш пассажир так странно пахнет. А Макферсон скончался либо от сердечного приступа, либо от резкого обострения юкатанской чахотки, какой он давно страдал.

А может, от переутомления – и такое не исключено. Но я в этом не виноват, поэтому и покаяний от меня ждать не нужно. Прежде чем мы покинули Аркис-Сантьяго, я не единожды переспросил Томаса, уверен ли он в своих силах, и в красках расписал все тяготы, какие уготованы нам в дороге. Он не испугался и клятвенно пообещал, что выдержит. Однако на поверку старик оказался чересчур самоуверенным, а это, как известно, до добра не доводит. И вот закономерный итог: Макферсон лежит пред нами мертвый, а мы смотрим на него в полном замешательстве и гадаем, что же теперь делать.

– Ничего себе – «повезло»! – пробормотала Малабонита, намекая на мое вчерашнее обещание показать Томасу Пуэрто-Риканскую бездну.

– Это еще как посмотреть, мадам, – не согласился де Бодье. – Лично я тоже не отказался бы умереть вот так: во сне и без долгой агонии. В свое время, разумеется. И в своем фамильном особняке, а не здесь, посреди дикой хамады.

– Вы – чистоплюй, Сенатор, – фыркнула Долорес. – Чем вас не устраивает хамада? Или из вашего особняка прорыта прямая дорога к Райским Котлам?

– Не пристало благородному человеку пререкаться с дамами, – фыркнул ей в ответ механик, – а тем паче с женами своих работодателей. Однако вынужден вновь с прискорбием заметить, что сложившееся у вас обо мне мнение как было, так и осталось слишком предвзятым...

– Достаточно, мсье! – перебил я благородного носителя гаечных ключей и отверток. – Нашли время собачиться! Согласно Атласу мы сейчас аккурат на полпути между Аркис-Сантьяго и Нэрским Столпом. Поэтому надо решать, как поступить с покойником и его грузом. Ваши предложения?

– А что сказано по этому поводу в кодексе перевозчиков, мсье шкипер? – перво-наперво осведомился бывший политик с присущей ему осторожностью. – Нельзя ли, к примеру, счесть наш груз бесхозным и оформить его как находку? Все слышали, что намеренно сказал Томас: никакой родни у него нет, а в Гексатурме, куда он направлялся, его никто не ждет. Как бывший сенатор и человек, сведущий в законах, смею вас заверить: у нас есть все права объявить себя наследниками мсье Макферсона в связи с отсутствием иных претендентов на его имущество.

– По-моему, наш прожженный законник напрочь позабыл о приятеле Томаса, который ждет его у Сенегальца Фаруха, – ехидно напомнила Долорес.

– Отнюдь, мадам, как можно! – воскликнул Гуго, изобразив донельзя оскорбленную невинность. – Только кто он такой, этот приятель, и сколько у него прав на имущество нашего клиента, да согреет его душу Чистое Пламя? Он что, упомянут стариком в своем завещании? И существует ли оно вообще, это завещание?

– А если все-таки существует? – уперлась Малабонита. – Что тогда?

– В таком крайне маловероятном случае мы, как благородные люди, беспрекословно подчинимся последней воле покойного мсье Макферсона, – развел руками де Бодье, – и не возьмем себе ни толики чужого добра. Но в данный момент оно целиком и полностью принадлежит нам. И посему я предлагаю вернуться в Аркис-Сантьяго – город, где мы всегда найдем защиту, – и попробовать вскрыть контейнеры. Уверен, у почтенного алькальда Сесара найдутся клепальщики, которые справятся с этой задачей. И уже оттуда мы пошлем голубиной почтой весточку Сенегальцу Фаруху, чтобы он известил приятеля мсье Томаса о случившемся несчастье... Как вам мое предложение, мсье шкипер? По-моему, вполне справедливо, не находите?

– Спрафетлифо, херью! – опередил меня с ответом Физз. Но Гуго не счел должным поблагодарить за поддержку того, чье мнение на подобных совещаниях никогда не учитывалось.

– Справедливо, да не совсем, – ответил я, покачав головой. – Мсье Сенатор не учел двух существенных нюансов. Во-первых, то, что после присвоения чужого груза, каким бы честным оно ни было, мы как пить дать навлечем на себя подозрение в убийстве...

– Да кто посмеет нас обвинить! – возмутился до глубины души де Бодье. – У вас же, мсье Проныра, репутация безупречно честного человека!

– ...Которая перестанет быть таковой, едва все вокруг прознают, чем закончился этот рейс, – огорченно закончил я. – Разбогатеет ли мы на сокровищах Макферсона или нет, еще неизвестно. Но вот отвратительную славу себе гарантированно наживем. Что случится дальше, догадайтесь сами.

– Тогда нам не то что товар – песок не доверят с места на место перевозить, – вставила Долорес.

– ...И, во-вторых, – продолжал я, – вы, *mon ami*, запомнили о том, что, вероятно, прямо сейчас в Аркис-Сантьяго гостит дон Риго-и-Ордас. И, что опять же не исключено, его также может заинтересовать богатство покойного Томаса. А то, на что положит глаз Владычица Льдов, она, как правило, получает. Для женщины, которая прибрала к рукам весь антарктический лед и закабалила всех шкиперов-водовозов, отнять наши тридцать ящиков – сущий пустяк. То есть тьфу ты – ящики пока, разумеется, не наши. И вообще советую вам, мсье де Бодье, не слишком обольщаться насчет них. Чую, хлебом мы еще горя с этим проклятым грузом.

– А если взять и выбросить его от греха подальше в Пуэрто-Риканскую бездну? – внесла свое предложение Малабонита. И она не шутила. Кто из всех нас меньше всего стремился к обогащению, так это Долорес – любительница дальних странствий и вольного ветра. Чем она разительно отличалась от всех своих прагматичных сестер. Удивительное, ежели задуматься, качество для дочери богатого градоначальника. Вот уж и впрямь, как говорится, в семье не без... инакомыслящего.

– Какое чудовищное безрассудство, мадам Проныра! – всплеснув руками, ужаснулся Гуго. – Надеюсь, мсье шкипер с вами не согласится.

– Вы правы: я категорически против и такого выхода, – подтвердил я. – Но не потому, что имею виды на эти контейнеры. Просто сомневаюсь, что нам поверят, будто мы по доброй воле вышвырнули в пропасть восемьдесят тонн груза... Ладно, мадам и мсье, всем спасибо. Шкипер выслушал ваши мнения и благодарен вам за дельные советы. Однако придется мне все-таки поступить по-своему. Наш покойный наниматель, да поднесут ему райские повара самую большую ложку, оплатил рейс до Гексатурма. Значит, нам придется поступить не по справедливости, а по совести, уж извините, любезный мсье де Бодье. Мы – честные перевозчики и потому едем к Нэрскому Столпу на встречу с приятелем Макферсона. Это больше не обсуждается. Но сначала нам придется оказать покойному последние почести. Долорес, Радость Моя! Пошарь в трюме и найди кусок ткани, пригодный для савана. Мсье Сенатор! Извольте пройти в моторный отсек и приступить к своим обязанностям. Дружище Физз! Не мешайся под ногами, ползи на место! Вчера я пообещал Макферсону, что он увидит Пуэрто-Риканскую бездну. Я от своих слов не отказываюсь – сегодня он ее увидит. И, клянусь памятью моего дедушки, останется доволен... Вперед!..

Быть похороненным в Пуэрто-Риканской бездне – честь, которой удостоивались далеко не многие из умерших с тех пор, как на Земле по воле Вседержителей высохли океаны. Вряд ли Томас Макферсон – самый щедрый, но и самый невезучий из моих нанимателей – подозревал, что он будет упокоенным в лучшем могильнике Атлантики. Сталкивая в пропасть завернутое в саван тело, я, честное слово, искренне позавидовал старику. Сколько бы грехов ни скопилось на его совести, теперь он окончательно и бесповоротно угодит в рай. А вот попаду ли туда я – большой вопрос. Мои отец и дед оба скончались на борту «Гольфстрима» во время обычных рейсов и покоились ныне в бескрайней хамаде. Первый – у плоскогорья Рио-Гранде, второй – на севере, возле Исландского плато. Высока вероятность, что подобная судьба ожидает и меня. Неглубокая могилка, над ней – курганчик камней, а в место надгробия – железный штырь с прикрепленной к нему шкиперской фуражкой... И куда я отправлюсь – в рай или ад, – не будет знать никто.

Сбрасывают мертвеца непосредственно с края Бездны лишь те, у кого нет возможности добраться до Антильского полумоста. Только оттуда мертвец имел все шансы достичь глубин желоба, а не зацепиться за склон и досадно застрять на полпути к раю. Мы – благородные люди, – естественно, не могли проявить подобное неуважение к покойному. Решив,

что соблюдать сроки рейса для нас теперь не актуально, мы отклонились от запланированного маршрута еще на сотню километров и к обеду достигли нужного места.

Антильский полумост...

И не счесть, сколько еще разнообразного хлама кроме него Вседержители разбросали по миру при установке Столпов. Лежащий на краю Пуэрто-Риканского желоба иностальной артефакт весил не один миллиард тонн. Но по сравнению с прочими подобными ему артефактами он выглядел просто ничтожным.

Представляю, какой грандиозный всплеск учинила эта «болванка», когда упала в океан три сотни лет назад. По форме она походила на гигантский нож длиной около трех десятков километров. Его рукоять целиком зарылась при падении в океаническое дно, а двухсотметровой толщины лезвие нависло над разломом, будто собираясь перерезать тот пополам. Если смотреть с берега, неровный, обломанный конец этой жуткой хреновины маячил у самого горизонта и указывал на лежащий по ту сторону желоба Антильский хребет. Отчего полумост и получил некогда свое нынешнее название.

Раньше, бывая в этих краях, я нередко встречал паломников со всех концов света. Все они привозили сюда на лошадях умерших родственников, дабы спровадить их напрямик в рай. Сегодня здесь не наблюдалось ни души. Хотя отпечатки копыт у въезда на полумост говорили, что совсем недавно на нем кто-то побывал. Не останавливаясь, мы въехали по укатанной рукотворной насыпи на занесенное песком основание иностального гиганта, а затем и на него самого. Доселе он выдерживал и не таких тяжеловесов, как мы, так что вряд ли именно нам выпадет честь обрушить его в Пуэрто-Риканскую бездну. В сравнении с ним «Гольфстрим» казался сущей пылинкой, слишком мизерной и легкой для того, чтобы, угодив на нож, уронить его с края стола.

Иностальной путь под нами не был ровным, а мало-помалу уходил вверх. И когда мы доехали до края полумоста, то уже взирали на наш берег свысока. А на заметно расширившемся горизонте можно было даже рассмотреть вершину Нэрского Столпа. Однако противоположный склон желоба и его дно так и оставались вне досягаемости наших взоров. Первый был слишком далек и окутан туманной дымкой, а второе терялось в непроглядном зловещем мраке. И почему, скажите на милость, дорога в рай должна быть обязательно такой жуткой? Неужели это – финальное испытание для праведников перед тем, как они будут окончательно избавлены от земных мук?

Стараясь не глядеть лишний раз вниз, дабы не закружилась голова, я и Гуго стащили завернутое в саван тело Макферсона с буксира и положили его на край полумоста. Долорес спустилась следом за нами, держа в руке составленные ей в дороге списки для райских поваров. Родни у Малабониты было много, и потому ей пришлось исписать целый лист бумаги. Де Бодье, в отличие от нее, ограничился лишь маленьким клочком, и кого он помимо себя еще туда вписал, я понятия не имел. Механик не любил распространяться насчет своих родственников, а если и поминал их, то исключительно в неприглядном свете. Они, надо полагать, питали к Гуго ответную неприязнь, поскольку иначе давно помогли бы ему вылезти из залоговой кабалы.

– Произнесите речь, Сенатор, – попросил я подкованного в этом вопросе бывшего участника парламентских прений. – Будьте другом, окажите последнее почтение нашему несчастному нанимателю.

Де Бодье наморщил лоб, собрался с мыслями, побряхтел, прочищая горло, после чегоostroил трагическую мину и молвил:

– Многоуважаемый мсье Макферсон! Простите, что, говоря о вас, я буду несправедливо краток. Слезы застилают глаза, а в горле стоит комок, ибо нельзя остаться равнодушным, когда тебя постигает столь безмерная утрата. Полагаю, вы прожили славную жизнь и все нажитое вами добро – результат долгого, упорного и, конечно же, честного труда. Весьма

прискорбно, что вы так и не взрастили наследника, который мог бы приумножить ваши капиталы. Поэтому мы – все, кто пришел проводить вас в последний путь, – обещаем присмотреть за ними и передать их в руки достойнейшего из людей, какие только сыщутся на этой многогрешной земле. Если же нам не посчастливится отыскать такого человека – что, скорее всего, и произойдет...

– Закругляйтесь, мсье, – одернул я Гуго, чья дорожная панихида сменила уклон не туда, куда надо.

– В общем, не волнуйтесь ни о чем, многоуважаемый мсье Макферсон, – шустро подытожил Сенатор. – Грейтесь себе спокойно у котлов с яствами и отъедайтесь вволю. Только не забудьте, умоляем вас, проконтролировать, чтобы райские повара занесли наши имена в свой реестр. Прощайте, и да падет на вас свет и тепло Чистого Пламени на веки вечные. Аминь!

– Аминь, – повторили мы с Долорес, склонив головы. Потом подоткнули наши записки под саван, подняли втроем покойного на руки и сбросили его с полумоста. Обернутый пыльной дерюгой (другой подходящей для этого ткани в трюме не нашлось), мертвец помчался вниз и, уменьшившись до размеров муравьиной личинки, канул во мраке бездны. Мы отступили от ее края, постояли немного для приличия в скорбном молчании и потопали обратно на буксир. Де Бодье приукрасил: слез мы не лили и от горя не задыхались. Но настроение у всех и впрямь было скверным, словно над нами довлело тяжкое проклятье. Даже Физз и тот помалкивал, хотя долго безмолвствовать он, как правило, не любил.

– По местам! – скомандовал я, едва мы поднялись на борт. Мне хотелось поскорее убраться из этого мрачного места, даром что считающегося воротами в рай. – Идем на север, к Нэрскому Столпу. Надо поднажать, если завтра мы хотим испробовать хваленое пойло Сенегальца Фаруха. Надеюсь, он и его люди догадались оставить и нам по глотку виски, который они, если верить слухам, откопали год назад вместе с тем древним сухогрузом...

Попить виски трехсотлетней выдержки, коим вожак Нэрских Стервятников угощал сегодня всех своих почетных гостей, нам не удалось. Ни на следующий день, ни послезавтра, ни вообще. Смерть нанимателя оказалась лишь первой неприятностью в череде следовавших за ней злоключений.

«Все к одному!» – воскликнул бы по этому поводу мой папаша, будь он еще жив. А может, и не воскликнул – кто знает? Одно мне известно точно: Первый и Второй Проныры в подобное дерьмо никогда не вступали. В беды поменьше да, попадали, и не единожды. Но не в такие серьезные. Иначе рассказы об этом наверняка дошли бы до моих ушей; дедушку я помнил смутно, но папаша поболтать был горазд, особенно глотнув кактусидра.

Мы не отъехали от Антильского полумоста и сотни километров, как у «Гольфстрима» лопнула поворотная штанга. Авария, в принципе, не фатальная. В отличие от собранного Вседержителями Неутомимого Трудяги, который не нуждался в техническом обслуживании, а если ломался, то уже раз и навсегда, все остальные механизмы в нашем мире сооружались людьми. И как следствие этого, подлежали ремонту. У нас в трюме имелся запасной комплект всех ключевых штанг, а для Гуго их замена была и вовсе плевым делом. Но сегодня с этим возникли кое-какие трудности.

Штанга сломалась в момент, когда я вращал штурвал, а «Гольфстрим» менял направление. Поэтому буксир не вышел из поворота, а отклонился от курса еще больше. И пока мы с де Бодье останавливали машину, она успела зарыться передними колесами в песчаный бархан и увязла в нем. Вдобавок к нашей беде неожиданно-негаданно налетел Гаденыш – сухой порывистый ветер, дующий с Великого Западного плато. Чтобы отъехать назад и добраться до поврежденной штанги, нам нужно было перекидать целую гору песка. Но тот, как назло, беспрерывно сыпался на нас с вершины бархана и сводил на нет все наши старания.

Мы с Сенатором орудовали лопатами как угорелые. Но это был натуральный сизифов труд – изматывающий и бессмысленный одновременно. Пришлось оставить его до тех пор, пока буря не утихнет. Благо, по всем приметам, она не должна была затянуться надолго.

Не успели мы утереть пот, как Малабонита, которая во время аварийных остановок всегда несла вахту на марсовой вышке, вдруг проорала «Тревога!». Указывала она при этом куда-то за бархан. Мы не мешкая бросили лопаты на палубу, потом забрались туда сами и столь же поспешно подняли трап.

Физз тоже вел себя беспокойно: яростно шипел и скреб когтями палубный настил. Что напугало варана и Долорес, я уже понял. Выкрикнув единственное предупреждение, она сразу примолкла и больше не проронила ни слова. Это означало, что неподалеку от «Гольфстрима» появилась не стая камнеиловых гиен и не подозрительная группа всадников, которые заметили бы нас издали до того, как расслышали наши крики, а змей-колосс.

С этой тварью все обстояло с точностью до наоборот. Подслеповатая, она тем не менее обладала отменным слухом. Продолжай мы шуметь, исполинский змей учуял бы наши голоса и незамедлительно направился бы сюда. Когда трехтонная чешуйчатая рептилия двигалась, она слышала уже не так хорошо, потому что сама ползала далеко не беззвучно. Но если она замирала на месте, ее чутье резко обострялось.

Змей-колоссы частенько атаковали движущийся транспорт, принимая его сослепу за стадо бегущих рогачей или иных копытных обитателей пустошей. Впрочем, редко когда эти атаки заканчивались для рептилий успешно. Усиленные железные борта, огромные колеса с шипами и палубные орудия-баллестирады оберегали перевозчиков в пути. Однако при вынужденных остановках – как, например, сейчас – мы могли уповать только на последний способ обороны. И то без особой надежды. Проворства ползучему гиганту не занимать, и если у нас не выйдет поразить его первыми выстрелами, он успеет взобраться на палубу. После чего нам останется только сигануть в укрепленный трюм, задраивать люк и скрываться там, пока змей не потеряет к обезлюдевшему буксиру интерес.

Под палубу монстр, конечно, не прорвется – это убежище оборудовано специально для подобных случаев. Однако, ползая по «Гольфстриму», змей-колосс мог натворить немало других бед, сорвать с постаментов двигатели и раскурочить трансмиссию. На самостоятельное устранение этих поломок в полевых условиях у нас фактически не было шансов. Водрузить Неутомимого Трудягу обратно с помощью лебедки мы еще смогли бы. Но о выправлении и балансировке иностальных валов без бригады опытных клепальщиков нельзя было вести и речи.

Я объяснил знаками, чтобы Долорес слезла с мачты и становилась к носовой баллестираде «Плакса». До того, как заменить отца на посту шкипера, я не один год прослужил у него стрелком, так что в вопросах обороны разбирался не хуже своей благоверной. Поэтому и пристроился возле «Сморкача» – менее скорострельного, зато более мощного орудия. Хорошо, что у нас поломалась рулевая штанга, а не раздаточный узел, от которого приводились в действие автозарядные устройства палубного вооружения. Если змей-колосс приблизится оттуда, откуда мы его ждем, я и Малабонита встретим его кинжальной стрельбой и нацеливаем стрелами еще до того, как чудовище сползет с бархана. А дабы оно в последний момент не выкинуло какой-нибудь фокус, Гуго поднялся на мостик – вскарабкаться на марсовую площадку у него не доставало сноровки, – чтобы держать угрозу в поле зрения.

Заняв пост, новый наблюдатель сразу же указал гораздо западнее, нежели его предшественница. Пока мы сутились, рептилия изменила курс и, по-прежнему скрытая от нас барханом, двигалась теперь вдоль левого борта. Вытянутая рука де Бодье следовала за ней будто флюгер. И, судя по этой жестикуляции, змей к нам не приближался, а полз мимо.

Меня тактический расчет, Долорес перешла к кормовой баллестираде, где оставалась до той поры, пока Сенатор не подал знак, что упустил змея-колосса из виду. А тот, похоже, в свою очередь потерял нас – кружение вокруг жертвы не входило в привычку этого прямолинейного хищника. Остановись «Гольфстрим» чуть позже, наши пути непременно пересеклись бы, и мы бы так легко уже не отделались. Работающий на холостом ходу ДБВ издавал шума не больше, чем завывающий над хамадой Гаденыш, и на сей раз, кажется, все обошлось. Разве только поблизости не ползает второй змей-колосс, но это почти исключено. Парами они встречаются лишь в брачный сезон, а он наступит через полгода. В другое же время эти прожорливые рептилии свято чтут границы своих единоличных охотничьих угодий.

Просидев в боеготовности еще полчаса, но так и не дождавшись возвращения монстра, мы с Гуго вернулись к лопатам, а Долорес – на свой наблюдательный пост. Ветер малопомалу стих, и откапывание колес пошло заметно веселее. Но когда мы высвободили их из-под песка и приступили к замене штанги, солнце уже зашло. Завершив кое-как с помощью Физза работу к полуночи, мы наскоро поужинали и отправились на боковую. Ночью змею-колоссу нас и подавно не расслышать, а коли он вдруг опять объявится, варан учует его еще издали.

Отвратительный выдался день. Хорошо хоть завтра, по всем предпосылкам, мы ляжем спать веселыми и пьяными. Я был почти уверен в этом, ибо ночевать в артели радушного Сенегальца трезвым и угрюмым мне на моей памяти еще не приходилось...

К полудню следующего дня громада Нэрского Столпа приблизилась настолько, что заслонила собой четверть горизонта и изрядный кусок небосвода. Над плоскими верхушками этой и прочих башен даже в ясную погоду виднелись синие всполохи. Причем, что характерно, они никогда не сопровождались выбросами метафламма. Еще в Брошенном мире было подсчитано, что высота каждого Столпа разная, но их вершины располагаются строго на одном уровне. И он находится значительно выше самых могучих горных пиков на Земле. Там и прежде воздух был сильно разрежен, а теперь его в тех высях нет и подавно. Так, по крайней мере, говорят сегодня знающие люди.

Общее количество воздвигнутых триста лет назад иностальных монументов также давным-давно установлено: сто девяносто пять. Они разбросаны по поверхности планеты равномерно – на расстоянии около полутора тысяч километров друг от друга. Причем независимо от рельефа местности. Спущенные с небес в год Всемирного Затмения, Столпы вонзались строго вертикально и в равнины, и в океанское дно, и в горные склоны, и в толщу полярных льдов. А также в огромные города Брошенного мира, чьи руины я вижу, когда проезжаю мимо какого-нибудь плато. Явившись к нам неведомо откуда на космических кораблях, что заслоняли собой небо, Вседержители меньше чем за месяц утыкали Землю своими башнями, после чего жизнь на ней круто изменилась. И, увы, отнюдь не в лучшую сторону...

Огонь, превращающийся в смертоносный метафламм. Тотальное пересыхание рек и океанов. Отравленная чужеродными примесями и истончившаяся атмосфера. А также люди, которые в итоге ко всему этому приспособились, но по-прежнему неумолимо вымирали. И лишь антарктический лед продолжал поддерживать в нас жизнь, вот только для какой цели – неведомо.

За годы странствий мне довелось побывать у сорока с лишним Столпов. То есть почти у всех, что возвышаются в Атлантике, исключая лишь «ничейные» – те, которые торчат на вершинах плато или в глубине неприступных гор. Хотя гордиться тут особо нечем. Если вы видели вблизи хотя бы одну башню Вседержителей, можете считать, что повидали и остальные без малого двести.

Будучи разной высоты, все они обладали одинаковым диаметром – три с небольшим километра – и имели похожую структуру. А также неустанно видоизменялись. Опутанные

снизу доверху разнообразными иностальными конструкциями – и выступающими наружу, и закрытыми щитами, – Столпы периодически обрушивали вниз собственные фрагменты. На их месте тут же возникали другие, зачастую отличные от пришедших в негодность. По схожему принципу змеи сбрасывают с себя кожу и обрастают новой. Разве что она всегда бывает идентична прежней, а поверхность башен Вседержителей все время претерпевала метаморфозы...

И служила основой основ нашей современной экономики. О ней также будет уместно упомянуть, раз уж мы завели разговор о Столпах.

Инопланетная сталь: легкая и тяжелая, тонкая и толстая, пластичная и негибкая... Из какой бы ее разновидности ни состояли найденные у подножия башен обломки, каждый из них мог принести человеку пользу. В мире бесчинствующего метафламма иного источника добычи железа нет и не предвидится. К тому же иносталь поразительно износостойкая и не нагревается на солнце, оставаясь при любых условиях одинаково холодной, как утренняя роса. А также не проводит электричество. Это делает ее на порядок менее травмоопасной, чем земные металлы, при работе с которыми человек может ненароком получить электростатический разряд и, угодив в «би-джи», лишиться пальца или кисти. Поэтому наш «Гольфстрим» и прочая современная техника практически целиком сделаны из столбового металла.

Его обработка ведется таким же иностальным инструментом, а опилки и стружки тщательно собираются и затем тоже идут в дело. Практически весь хлам, который отваливается от Столпов, находит сегодня применение. Вот почему возле каждого из них сформировалась сплоченная артель Стервятников. Ее вожак распоряжается всей иносталью, какая оторвалась или еще только оторвется с поверхности башни. За счет этого ребята и кормятся, обменивая собранный и отсортированный по качеству металл на воду, продукты и прочие радости жизни.

Наиболее ценной добычей артельщиков считаются, разумеется, Неутомимые Трудяги. Падают они со Столпов чрезвычайно редко и непредсказуемо и еще реже выставляются на продажу. Поэтому почти вся колесящая по Атлантике техника является собственностью той или иной артели. Исключение составляют лишь гигантские танкеры-водовозы и прочие бронекаты Владычицы Льдов, а также маленькие буксиры наемников-одиночек вроде меня и ныне покойного Пьяницы Ханя.

Мой прадед Иван был караванный проводник и одновременно непревзойденный клепальщик в деревеньке, расположенной у подножия Среднего хребта. В молодости он умудрился почти задарма выкупить Неутомимого Трудягу у вингорцев, которые нашли его возле одной из «ничейных» башен в глубине Азорских гор. Переправив ДБВ к себе в поселок, родоначальник будущей династии шкиперов всю жизнь втайне собирал свой «Гольфстрим». Прокатиться на нем ему посчастливилось лишь под старость лет. После чего его сорвиголова-сын Еремей сразу же завязал и с караванами, и с клепанием, переключившись на более выгодный бизнес – трансатлантические грузоперевозки. С тех самых пор мы – Проныры – только этим и занимаемся...

Столп Сенегальца Фаруха продолжал приближаться, буксир шел полным ходом по Нэрской равнине, а в лица нам дул бодрящий северный ветерок. Вчерашние треволнения остались в прошлом, и я уже предвкушал, как вскоре глотну старинного обжигающего виски. Воистину, райский напиток, ибо сделан он был еще в эпоху Чистого Пламени и при его же помощи. Отчего, видимо, и вобрал в себя силу древнего огня. Что ни говори, а тогда люди знали толк в горячительных напитках. Не то что нынешнее племя, пьющее по великим праздникам виноградное вино из теплиц Аркис-Капетинга, а в остальные дни – кислый фермерский кактусидр.

Мечты мечтами, однако не до конца унявшееся беспокойство изводило меня хуже надоедливой мухи. И потому я решил отправить Долорес в так называемый «птичий рейд», пока условия благоприятствовали. Да и она сама, сидя на марсовой площадке, мне об этом всячески намекала: слюнявила палец, следя за направлением ветра, и периодически поглядывала то на небо, то на раскладной дельтаплан, притороченный к передней стенке трейлера. Налетавшись в юности с сестрами на дельтаплане со склонов Кубинского плато, Малабонита так полюбила это развлечение, что сделала его своей неотъемлемой дозорной обязанностью. Естественно, когда я давал на полеты свое шкиперское добро.

Окликнув Мою Радость, я растопырил руки в стороны и указал на небо. В общем, дал понять, что не буду возражать, если она поднимется в воздух и глянет, что творится на горизонте, у Столпа. Моя Радость просияла до ушей, после чего проворно соскочила с мачты, перебралась на прицеп и, разложив дельтаплан, вскоре уже парила над нами, пристегнутая к «Гольфстриму» крепким и легким шелковым тросом. Я понемногу стравливал его, позволяя Долорес подняться повыше, и поглядывал за подаваемыми ею знаками. Она была рискованной девчонкой и порой увлекалась, уводя планер слишком высоко, но сегодня я не собирался препятствовать ей в этом. Пусть осмотрится хорошенько, может, и впрямь заметит что-нибудь любопытное.

Больше всего меня беспокоил крупный отряд всадников, с которым мы могли неожиданно пересечься. Кавалькада дон Риего-и-Ордаса передвигается на лучших скакунах в Атлантике – демерарских рапидо – и за двое суток может запросто нас нагнать. Коневоды Аркис-Парамарибо специально вывели эту неутомимую породу лошадей, дабы те преодолевали расстояние от Столпа до Столпа быстро и при любой погоде. К тому же благодаря феноменальному чутью и зрению рапидо могли скакать по хамаде даже безлунной ночью, обходя все встречные препятствия и самостоятельно отыскивая кратчайший путь к цели. Великолепная во всех отношениях лошадь, с какой стороны ни посмотреть.

Каждый кабальеро в Кавалькаде имел при себе, как правило, второго, сменного скакуна, да и сам отличался недюжинной выносливостью. Поэтому надумай дон Балтазар пуститься за нами в погоню, он нас неминуемо настигнет. Не здесь, так на подъезде к Срединному хребту. В узких каньонах и извилистых скальных лабиринтах резвые рапидо дадут неповоротливому бронекату с прицепом сто очков форы.

Через полчаса, когда нас и Столп разделяло не более трех километров, Малабонита отцепилась от троса и, взявшись рисовать в воздухе круги, плавно пошла на посадку. Я приказал Гуго немедленно остановиться. Нужно было подобрать нашу вперёдсмотрящую и выслушать, что интересного ей удалось разглядеть из поднебесья. Интуиция подсказывала мне: даже если у башни все в порядке, соваться к Сенегальцу наобум все равно не стоит. Мы понятия не имели, насколько покойный Макферсон доверял своему приятелю. Не исключено, что этот тип вдруг надумал предать Томаса и сейчас подкарауливает его где-нибудь неподалеку, намереваясь захватить груз силой. Будь мы в курсе, что таят в себе эти контейнеры, возможно, тоже не удержались бы перед искушением прибрать их к рукам. Так или иначе, а всему на свете есть предел. Даже моей хваленной принципиальности.

– Нет, Кавалькады поблизости не видать, – помотала головой Долорес, когда сошла с небес на грешную землю, сложила дельтаплан и возвратилась на «Гольфстрим». – Других перевозчиков – тоже. Однако посторонние в поселке есть. Возле дома Фаруха стоит шатер. Небольшой, но довольно роскошный. Такие только богатые купцы с собой возят. Однако лошадей в загоне Сенегальца вроде бы не прибавилось, а значит, у него гостят не караванщики.

– Раз это не они, стало быть, гость – друг мсье Макферсона. Кому еще, кроме него, сегодня там быть? – умозаключил Гуго.

– Согласен, – не стал возражать я. – Томас был человеком небедным, и его приятель наверняка ему под стать. Что ж, отлично – давайте поскорее встретимся с ним, расскажем, что стряслось, и снимем с себя все подозрения...

Однако моя тревога не ослабевала. Еще до того, как в поселке слышали громоуханье колес «Гольфстрима», я остановил его за невысокой каменистой грядой – последнего разделяющего нас и Столп препятствия. После чего спустился на землю и покарабкался вверх по склону, дабы самому проверить, не упустила ли Малабонита из виду что-нибудь важное. Лично я с трудом представлял, как можно управлять дельтапланом – занятие, кажущееся легким только на первый взгляд, – и одновременно вести наблюдение за округой.

Обиженная моей недоверчивостью, Долорес поворчала, но последовала за мной на холм. Де Бодье зевнул и, вальяжно плюхнувшись в мое кресло, припал к фляжке с кактусидром. В наше отсутствие он фактически становился и шкипером, и бортстрелком, и опекуном Физза и потому мог позволить себе некоторое послабление в дисциплине.

Поселок Фаруха жил своей обычной жизнью. Наиболее рискованные Стервятники-собиратели суетились возле Столпа, растаскивая скопившийся за ночь хлам. Их безопасность обеспечивали так называемые «звездочеты». Они стояли, задрав головы, дабы вовремя заметить очередной летящий с небес обломок и предупредить товарищей об опасности. И те и другие занимались самым нервным и суевливым трудом, на который обычно отряжают молодежь или новичков.

Конные объездчики кружили по периметру башни на безопасном от нее расстоянии, высматривая торчащий из песка столповой металл и всех, кто мог помимо артельщиков на него посягнуть. Среди кочевников и бродяг иногда попадались мерзавцы, полагающие, будто они могут обокрасть Стервятников. Ну а те без разбирательств расстреливали воров на месте из луков и арбалетов, поскольку с иными намерениями близко к Столпу больше никто не подходил.

Клепальщики и сортировщики грохотали молотами, разбирая бесполезные обломки на части или, наоборот, собирая из готового материала нужные в хозяйстве вещи. Приготовленная на продажу иносталь складировалась в неприступном каменном здании без окон – артельном банке. Жены Стервятников вялили на солнце курадо, солили и нарезали овощи, месили из муки хлебную пасту, таскали из поселкового водохранилища воду, процеживали кактусидр, копались на огородах, нянчились с детьми и выполняли прочую бытовую работу...

Все как всегда. Кроме, разумеется, шатра, торчащего посреди поселка, рядом с домом Сенегальца. Кому принадлежало это временное обиталище, определить не удавалось. Возле него никого не было, а хозяева обходили шатер стороной. Его полог был опущен и закреплен: либо гости спали, либо куда-то отлучились.

Казалось бы, шатер как шатер. Однако кое-какая его деталь вмиг навела меня на нехорошие мысли. Увидеть ее издали казалось невозможно. Зато вблизи я и Малабонита заметили эту подозрительную хреновину почти одновременно.

– Посмотри на центральную шатровую стойку, *Mio Sol!* – попросила Долорес, выглядывая вместе со мной из-за скалы, за которой мы прятались.

– Вижу, – отозвался я. – Слишком длинная. Очень похожа на флагшток для крупного флага. А под такими флагами сама знаешь кто по Атлантике путешествует.

– Шкиперы-водовозы и гвардейцы Владычицы Льдов, – безошибочно ответила Моя Радость. После чего резонно полюбопытствовала: – Но если у Фаруха остановились посланники с Юга, почему они не подняли флаг? Уж кому-кому, но им-то в наших краях бояться точно некого.

– Этому есть лишь два объяснения, – хмыкнул я. – Одно – глупое, а второе – правдивое. Первое: южане просто-напросто потеряли свой вымпел...

– И впрямь несусветная глупость, – согласилась Малабонита.

– ...И второе, – продолжал я. – Они вовсе не боятся – они хотят, чтобы *мы* не боялись. И потому воздержались от размахивания флагом раньше времени. Пускай те, кого они ждут, ни о чем не подозревая, сунутся в поселок, где и нарвутся на нежелательную встречу.

– Или вот еще: друг сеньора Томаса тоже ходит под чьим-нибудь флагом, но сейчас не хочет привлекать к себе лишнее внимание, – добавила Долорес.

– Об этом я как-то не подумал, – признался я. – Однако если у тебя, Моя Радость, тоже есть свои две гипотезы, то давай помимо глупой выкладывай и правдивую.

Малабонита сверкнула глазами и открыла было рот, намереваясь огрызнуться. Иную, более здравую версию она явно предложить не могла. Однако до пререканий дело так и не дошло – именно в этот момент до нас долетел окрик Гуго. И, судя по нешуточной тревоге в его голосе, Сенатор был изрядно напуган...

Глава 3

Всадников было шестеро. Все – в широкополых шляпах с загнутыми полями и легких, но прочных доспехах из дубленых шкур молодых змеев-колоссов. Притом каждый восседал на поджаром и холеном демерарском рапидо. Не нужно было обладать зрением кондора, чтобы определить, кто приближался к «Гольфстриму» с запада. Шесть кабальеро из Кавалькады дона Балтазара вели коней неторопливой рысцой вдоль каменистой гряды, и встречи с ними нам было никак не избежать.

Худшие прогнозы оправдались. Шатер действительно принадлежал посланникам Владычицы, которые не сидели в поселке, а разъезжали по окрестностям. И вовсе не для праздной прогулки. Откуда конкретно они прибыли: из Аркис-Сантьяго или дон Риго-и-Ордас отправил их сюда заблаговременно, дабы выставить на нашем вероятном пути заслон? Даже если кабальеро прискакали к Нэрскому Столпу сегодня на рассвете, у них было время передохнуть, почиститься и помыться с дороги. А имея при себе сменных скакунов, они могли приступить к службе, не обременяя Фаруха просьбами выделить им для этого артельных лошадей вместо измотанных долгой скачкой рапидо.

Плохи наши дела. Теперь нам ни убежать, ни спрятаться, ни тем паче дать отпор. Мы с Долорес переглянулись, после чего оба выругались, обреченно вздохнули и, спустившись с холма, поспешили к буксиру. Гуго тем временем пристроился у носовой баллестирады и взял на прицел приближающихся всадников. Впрочем, вряд ли у него хватит мужества стрелять по ним, если они вздумают взойти на борт без разрешения. Де Бодье тоже легко отличит истинных кабальеро от обычных кочевников, с которыми мы также могли невзначай столкнуться в хамаде, и не осмелится покуситься на жизнь гвардейцев Владычицы Льдов.

Мы достигли «Гольфстрима» почти одновременно с всадниками. Дабы продемонстрировать наше дружелюбие, я не стал подниматься с Долорес на палубу и велел Сенатору отойти от орудия. В конце концов, у нас ведь нет прямых доказательств того, что Кавалькада за нами охотится, верно? А связь между ее появлением здесь и бегством Макферсона – всего лишь домысел. Вполне может статься, что уже через пять минут мы чинно-мирно распрощаемся с благородными сеньорами, а потом дружно посмеемся над нашими давешними страхами. Ну и напьюсь же я тогда сегодня вечером! Грех не напиться, когда у тебя с души сваливается такой тяжелый камень...

– Рад приветствовать достопочтенных сеньоров, верных слуг самой Владычицы Льдов! – раскланялся я, стянув с головы фуражку. – Позвольте представиться: Еремей Проныра Третий, шкипер «Гольфстрима». А это остальной экипаж: моя жена Долорес и наш механик Гуго де Бодье. Чем можем вам служить, сеньоры?

Капитаном шестерки являлся пожилой гвардеец: круглолицый, осанистый и, подобно всем головорезам Кавалькады, включая самого дона Балтазара, носящий длинные, ухоженные усы. Говорят, будто они – столь же непереманный атрибут кабальеро, как и его шпага. Неизвестно, так оно или нет, но среди этих парней я безусых не наблюдал. Выслушав мое приветствие, капитан и один из бойцов придержали коней возле трапа, а остальные четверо разделились поровну и, не останавливаясь, взялись объезжать буксир сразу с обоих бортов.

Круглолицый не удостоил меня в ответ даже скупым кивком головы, а окинул нас презрительным взглядом и лишь потом заговорил. И стоило ему задать первый вопрос, как я моментально сник, а надежда разойтись с кабальеро любовно растаяла бесследно, как метафламм после всполоха.

– Почему же вы не представили мне вашего пассажира, шкипер Проныра? – осведомился капитан. – Нам доподлинно известно, что у вас на борту находится некий Томас Мак-

ферсон, который едет с вами в Гексатурм вместе с тридцатью единицами крупногабаритного груза. Или вы будете это отрицать?

Глупо было винить алькальда Сесара в том, что он выдал нас с потрохами дону Риего-и-Ордасу. Не сделай Железная Рука этого, его ожидали бы крупные неприятности. Не война, нет. Гораздо хуже. Откажи отец Малабониты посланнику Владычицы в его просьбе, и вскоре все до единого водоналивные танкеры стали бы обходить Аркис-Сантьяго стороной. Именно так исчез однажды с лица Атлантики город Аркис-Фритаун, чьи жители повздорили с посланником Владычицы из-за цен на воду и в гневе забили его насмерть. С той поры ни один танкер к ним больше не приезжал. Те же из них, кто пережил дальнейшее безводье, ныне разбрелись по свету, кто – в другие города и поселки, а кто до сих пор так и кочует в хамаде. А их вымерший город давно стоит разрушенный и заметенный песком...

Железная Рука не мог допустить, чтобы его Аркис-Сантьяго постигла подобная участь. Поэтому алькальд так и поступил. И был абсолютно прав. А мне – поделом. Урок на будущее. И надо сделать все возможное, чтобы этот урок ограничился для нас лишь мелкими неприятностями.

– Вы говорите сущую правду, сеньор, – кивнул я, и в мыслях не собираясь перечить кабальеро. После чего обстоятельно рассказал ему все как на духу. И, естественно, особо заострил внимание на том, что мы вовсе не думали убегать и скрываться с чужим грузом.

– Так, значит, ты утверждаешь, будто Томас Макферсон умер?! – криво усмехнувшись, переспросил капитан. – Ну-ну! И ты готов дать голову на отсечение, что мы не найдем его спрятавшимся у тебя в трюме или среди ближайших скал?

Еще бы я не был готов ответить за свои слова своей же головой! Пускай эти псы перевернут в округе все скалы и разберут «Гольфстрим» по заклепкам, Томаса им уже никогда не сыскать. Да, такие скептики, как я, мало в чем бывают уверенными наверняка. Но смерть Макферсона для меня – факт более очевидный, чем даже завтрашний восход солнца.

Моя истовая убежденность в сохранности собственной головы явно поумерила недоверие капитана. Впрочем, он все равно приказал Гуго сойти на землю, а своим бойцам – подняться на буксир и перевернуть его трюм вверх тормашками. Учитывая, что в последний раз порядок там наводился, наверное, еще при моем отце (я, Гуго и Долорес были на редкость единодушными в своей нелюбви к генеральным уборкам), даже самый беспардонный обыск вряд ли причинил бы нам какой-то ущерб. Однако кабальеро взялись за дело с похвальной ретивостью. Было слышно, как содержимое утробы «Гольфстрима» перелетает с места на место и громыхает так, словно внутри у него проходит не поиск улики, а неслабый мордобой.

Сеньоры даже не побрезговали запачкать руки, перерыв сваленную в кормовой части трюма груды тяжелых промасленных запчастей. Услышав, как что-то в очередной раз звякнуло по обшивке и с дребезжаньем раскатилось по полу, де Бодье удивленно вскинул брови и вполголоса заметил:

– О! Кажется, мсье кабальеро нашли ящик с заклепками! А я-то думал, что потерял его год назад, после той аварии на перевале Конкорда!

Судя по странным звукам, что продолжали долетать до нас из недр буксира, мсье кабальеро отрыли там еще много чего любопытного. Но человек, которого они разыскивали, как и ожидалось, не обнаружился. Отчего их капитан отнюдь не подобрел и приказал открыть трейлер.

Его осмотр отнял у гвардейцев немного времени, поскольку, кроме тридцати неподъемных ящиков и стопы иностальных листов, в прицепе больше ничего не было. Я уже смирился с мыслью, что нам придется отвезти под конвоем груз туда, куда прикажет круглолицый; возможно, даже в самую Антарктиду. Учитывая наше незавидное положение, подобный исход меня вполне устроит. Жаль, правда, если вместе с контейнерами мы лишимся и полученной от Томаса оплаты, ну да ладно, и это стерпим. Лишь бы только дон Риего-и-Ордас не

озлобился на меня за непредумышленное сотрудничество с отщепенцем Макферсоном и не отобрал в отместку «Гольфстрим». А нас с экипажем не сослал в пожизненное рабство на холодные водохранилища Владычицы Льдов. Вот это будет действительно трагедия, которую я вряд ли переживу. И морально, и физически.

Все шло относительно спокойно до тех пор, пока круглолицего не осенила мысль, что наш якобы мертвый пассажир может скрываться в одном из контейнеров.

Час от часу не легче! И все же любопытный факт: кабальеро не знали, что представляют собой ящики Макферсона! Либо дон Балтазар не проинструктировал насчет них своих бойцов, либо он сам не ведал, в какой упаковке хранится интересующий его товар. Одно плохо: когда я решил закрасить в знаниях гвардейцев этот пробел, они мне не поверили. А на предложение залезть в прицеп, взять монтировку и самим убедиться в моей правоте капитан и вовсе оскорбился, хотя я попросил его об этом с подчеркнутой любезностью.

У каждого гвардейца помимо шпаги имелся также длинноствольный и трехзарядный пневматический пистолет. Вспомогательное оружие кавалериста, пистолет этот – или же аналогичной системы винтовка – был не столь практичен, как боевые луки и арбалеты, из-за своей слишком долгой перезарядки, ненадежности, а также сложности и дороговизны починки. Зато он отличался лучшей компактностью и постоянной готовностью к стрельбе, поскольку его можно было держать при себе взведенным. Пистолет или винтовка позволяли всаднику при сближении с врагом сначала выпустить по нему подряд три шестимиллиметровых пули и только потом хвататься за шпагу...

И то и другое насилие в нашем общении кабальеро было совершенно излишним. Я всячески старался убедить их, что мы им не враги. Но едва круглолицый услышал, что я не могу исполнить его приказ, как тут же выхватил свой пистолет. После чего нашему и без того зыбкому взаимопониманию пришел конец.

– Не лги, шкипер! – угрожающе прорычал капитан, нацеливая оружие мне в лоб. – Думаешь, я поверю, будто у тебя – хозяина буксира – нет доступа к грузу? А ну живо вскрывай вон тот ящик!

И указал пистолетным стволом на крайний контейнер.

– Вы не понимаете, сеньор! – продолжал оправдываться я. – Если я везу ящики, это вовсе не значит, что мне позволено в них заглядывать! Да вы только посмотрите, как крепко они запечатаны! Ни щелей, ни замков! Ясно ведь, что это – дело рук не людей, а самих Вседержителей! Наверняка даже Макферсон не знал, как открываются его контейнеры! Поэтому-то он и вез их в Гексатурм, чьи мастера, поговаривают, режут столповой металл быстрее и аккуратнее всех клепальщиков в мире.

– Наглые лживые отговорки! – вскипел круглолицый, вновь наводя на меня оружие. – Что ж, зато теперь я точно знаю, где вы прячете своего пассажира! Уверен, ты живо вспомнишь, в каком ящике он сидит, если я прострелю тебе ногу! Или прикончу кого-нибудь из твоей команды. Итак, в последний раз приказываю: открывай!

Я судорожно сглотнул, взял монтировку и полез в прицеп, чтобы создать хотя бы видимость работы. На минуту-другую моя возня введет кабальеро в заблуждение, а мне за это время, возможно, придет в голову идея, как убедить их, что я говорю истинную правду. Суровое испытание на смекалку, слов нет! И ведь ни слова не утаил, а выложил этим псам все, о чем только знал! Что за несправедливый мир, в котором правда убивает, а ложь спасает!

Я встал возле контейнера, суматошно выискивая на нем хотя бы мизерную щелочку, за которую можно было бы зацепиться монтировкой. При этом, само собой, не забывал краем глаза поглядывать на круглолицего. Тот, в свою очередь, пристально следил за мной, держа пистолет наготове. Время неумолимо уходило, а я никак не мог найти для своего инструмента точку приложения. Гуго и Долорес продолжали топтаться у трапа под присмот-

ром двух гвардейцев. Остальные, завершив обыск, вновь расселись на рапидо и собрались позади капитана в ожидании дальнейших приказов.

Внезапно один из кабальеро отделился от группы, подъехал к круглолицему и, тронув его за плечо, указал на каменную грядку – туда, откуда мы с Малабонитой недавно наблюдали за поселком. Капитан недовольно обернулся. Однако увиденное заинтересовало его настолько, что он поспешно развернул коня к холму и оставил меня без надзора. Я утер со лба пот и, не выпуская из руки монтировку, выглянул из трейлера...

Все, кто находился у «Гольфстрима», уже задрали головы и пялились на вершину гряды. Хотя ничего такого, чему и впрямь стоило бы удивиться или испугаться, там не происходило. Все оставалось по-прежнему, разве что теперь с холма за нами наблюдал одинокий зритель. Он сидел на камнях, обхватив руками подтянутые к груди колени, и преспокойно взирал свысока на царящую внизу суету. И человек этот не принадлежал к здешним Стервятникам, что было заметно даже издали.

Невозмутимый незнакомец являлся северянином, причем настоящим, а не из числа тех, кого сегодня принято так называть. Ныне любой, кто живет выше равнины Кабо-Верде, автоматически причисляется к северянам. Тот же Гуго де Бодье, например, хотя отправь его на настоящий север, он околеет там от холода за считанные часы. А ведь еще во времена моего отца все было иначе. Попробуй-ка назови себя в приличном обществе северянином, если ты родился южнее каньона Чарли Гиббса! В лучшем случае засмеют, в худшем – намнут бока так, что навек отшибут охоту паясничать.

Теперь за каньоном Чарли Гиббса не осталось ни одного поселения. Когда растаяли гренландские льды, жители Аркис-Свальбарда, Аркис-Будира и еще полудюжины северных городов очутились перед дилеммой, идти им дальше на север – туда, где, вероятно, еще стекали с Великих плато ручьи последней талой воды, – или мигрировать южнее, поближе к гидромагистралям – наезженным маршрутам антарктических водовозов. Выбор быстро решился в пользу второго варианта. Будь у этих стойких людей Чистое Пламя, возможно, они поступили бы иначе, но без огня выше Исландского плато выжить чертовски трудно...

Сидящий на холме незнакомец был потомком тех мигрантов, что полвека назад пересекли каньон Чарли Гиббса и расселились вдоль всего Срединного хребта. Только эти люди имели своеобразную моду разгуливать по центральной Атлантике в одних коротких, чуть ниже колен, широких штанах и босиком. Во-вторых, после переселения на юг прежде бледная, обветренная кожа северян густо покраснела от солнца и загрубела еще больше. Следящий за нами субъект мог бы, наверное, встать на фоне заката и полностью слиться с ним, как хамелеон на песке.

И в-третьих, прическа этого типа была характерной для истинного северянина: наголо бритая с двух сторон голова с оставленной посередине неширокой полосой зачесанных назад волос. Довольно густых и длинных, собранных на конце в тугой пучок. Вдобавок ко всему волосы незнакомца были ярко-рыжие, а сам он – низкорослым, но весьма широкоплечим и кряжистым. Наверняка в детстве его заставляли ежедневно таскать тяжести, что являлось у северян распространенной воспитательной практикой. Короче говоря, более типичного их представителя я не встречал уже очень давно.

Рядом с краснокожим крепышом стоял воткнутом в песок большой щит – прямоугольный, чуть выпуклый и, судя по всему, цельнометаллический. В самом его центре торчал тупоконечный набалдашник, а выше его имелась узкая смотровая щель. Поставь сидящий северянин щит перед собой, и он полностью скрыл бы от нас своего хозяина. Но тот и не думал таиться. Напротив, явно стремился попасться всем на глаза и добился своего. На его правом запястье была намотана длинная железная цепь, конец которой пришелец забросил за плечо. Присмотревшись, я отметил, что, несмотря на могучее телосложение, он уже не юн. Скорее всего, моложе пятидесятилетнего Гуго, но явно постарше меня. А по роду заня-

тий – ищущий работу, наемный караванный охранник. И впрямь, кому еще, кроме наемника, взбредет в голову таскаться по хамаде с тяжелым боевым щитом?

Заметив рассеявшегося неподалеку зрителя, круглолицый кабальеро замешкался. Не испугался, нет – кого эти головорезы по-настоящему боялись, так только дона Балтазара и Владычицу Льдов. Просто капитан гвардейцев, как и я, так же внимательно разглядывал незнакомца. А разглядев, поинтересовался:

– Эй, бродяга, чего тебе надо?

– Пока ничего, – отозвался тот, не переменив позы. – Просто сижу и смотрю. Очень хочу узнать, чем закончится ваш разговор.

Им приходилось говорить громко, поскольку их разделяло около полусотни шагов. Голос у северянина был низкий и рокошущий, как урчание горного льва. И пусть тон незнакомца не был воинственным, в его словах слышалось не то предостережение, не то даже скрытая угроза. Кабальеро тоже это почувствовали и, последовав примеру капитана, извлекли из седельных кобур пистолеты.

– А ну проваливай отсюда! – сострожился круглолицый. – То, что здесь происходит, – не твое собачье дело! Пошел вон!

– Может, и не мое, – пожал плечами краснокожий. – А может, очень даже мое. Тебе-то откуда это известно?

– Попридержи язык, *profano bastardo!* – рявкнул капитан, натянув поводья, поскольку от его гневного крика лошадь под ним обеспокоенно заходила. – Да ты хоть знаешь, с кем разговариваешь?!

– Знаю, – как ни в чем не бывало подтвердил северянин. – Вы – те самые шестеро южан, которые прибыли в поселок на рассвете и выпрашивали насчет буксира «Гольфстрим». Видать, грозные вы шишки, раз Фарух при вашем появлении так перепугался, а эти ребята... – он указал на меня, замершего с монтировкой в руке у заднего борта трейлера, – позволяют вам хозяйничать у них на бронекате, как у себя дома. Судя по вашему гонору и резвым лошадам, вы – из Кавалькады. Однако, глядя на ваши гнусные рожи, я вижу, что имею дело с грязным отребьем, а не с кабальеро...

Вообще-то северяне – жизнелюбивые и не склонные к самоубийству люди. Но этот тип, похоже, слишком устал от жизни и решил распрощаться с ней по-геройски – пасть в бою с достойным врагом. Иную причину, по которой крепыш напрашивался на драку с превосходящим по силе противником, я назвать затруднялся.

Гвардейцы отреагировали на столь дерзкое оскорбление незамедлительно. Гнать коней на кручу и марать шпаги в крови проходимца они отказались и поступили практичнее: угостили его залпом из пистолетов.

– Кончай его! – выкрикнул круглолицый и первым выстрелил в обидчика. Клацнули спущенные с замков пистолетные пружины, стеганули по ушам хлопки выброшенного из стволов сжатого воздуха, и шесть молниеносных пуль полетели в наглого северянина...

...И непременно изрешетили бы его, кабы он по-прежнему сидел на камне. Однако выстрелы еще не утихли, а доселе неподвижный крепыш уже находился за своим огромным щитом. В момент залпа я невольно моргнул, но именно этого мига хватило незнакомцу, чтобы увернуться от пуль. Половина из них просвистела над тем местом, где он только что был, а остальные звякнули о щит и отскочили от него, убедительно дав нам понять, из какого материала он склепан.

Истратив каждый по одной пуле, кабальеро могли сделать без перезарядки еще два таких залпа. И немедля их сделали, хотя с первого раза поняли, что пробить наемничье укрытие из пистолетов нереально. Однако что еще им оставалось, когда крепыш-коротыш подхватил щит и рванул с холма? И не на попятную, что выглядело бы в его случае разумнее, а напрямик на гвардейцев!

– Хэйл, Эйнар, Бьорн и Родериг! – громогласно проревел из-за щита идущий в бой северянин, следуя традиции и знакомя врагов с именами своих отца, деда и прадеда, что наверняка были при жизни такими же отъявленными сорвиголовами, как он. После чего не преминул представиться сам: – Хэйл, Убби Сандаварг! Стой, где стоишь! Мое слово!

Да уж, краснокожие парни знают, как надо орать, чтобы нагнать на противника жути! Хотя из всех, кто услышал боевой клич Убби, по-настоящему испугались лишь те, кому он угрожал пока лишь гипотетически. То есть я, Долорес и Гуго. Гвардейцы же, расстреляв оставшиеся пули, обнажили шпаги и бросились перестраиваться в боевой порядок. Присматривающие за Малабонитой и де Бодье кабальеро оставили их и присоединились к собратьям по оружию. А неистовый Сандаварг (надеюсь, я правильно расслышал его героическую фамилию) несся на них вниз по склону, с каждой секундой разгоняясь все сильнее и сильнее.

Я находился за спинами всадников и видел в данный момент то же, что они: движущийся на нас широкий щит и мельтешащие под ним босые ноги его владельца. И теперь, когда черед стрелкового оружия миновал, противники готовились сойтись в благородной схватке... если, конечно, можно назвать таковой столкновение одного пешего воина с шестью конными. Но беря во внимание, кто из них являлся зачинщиком, этот бой являлся, на мой взгляд, достаточно честным.

Всадники решили дожидаться, когда северянин сбежит к подножию. После чего им предстояло быстро расступиться и, пропустив разогнавшегося врага сквозь строй, исколоть его с двух сторон шпагами. Прыть, с которой несся под гору Убби, не позволила бы ему резко остановиться, да он, кажется, об этом и не помышлял. Что ж, прощай, сумасшедший храбрец! И вряд ли кабальеро запомнят выкрикнутые тобой имена, чтобы в память о тебе – павшем герое – назвать ими своих детей, как это принято в ваших краях...

У самого подножия путь Сандаваргу преграждал вросший в склон крупный валун. Дабы не споткнуться, Убби нужно было обежать его. Гвардейцы разъехались в стороны, когда враг был уже в шаге от препятствия. Однако он вопреки ожиданиям не обогнул камень, а вскочил на него с разбегу, оттолкнулся, подпрыгнул, взмыл в воздух и, не опуская щита, полетел вперед. Прямо на троицу кабальеро, которая должна была атаковать его с правого фланга.

Я – не солдат и повидал на своем веку не так уж много битв. Но даже будь я матерым воякой, и то наверняка восхитился бы атаке, какую провел сейчас Убби против трех конных гвардейцев. Они, уступая ему дорогу, двигались рядом, стремя в стремя, что лишь усилило эффект от удара обрушившегося на них тарана. Массивный щит и несущий его воин врезались в крайнего всадника с такой сокрушительной яростью, что миг повергли его наземь вместе с лошастью. Падая, тот налетел на соседа, чей рапидо хоть и устоял, но, дернувшись, выбросил хозяина из седла. Третьего кабальеро едва не постигла та же участь. Но он, рванув поводья, поставил коня на дыбы и отскочил с линии вражеской атаки.

Тяжелый удар, треск лошадиных ребер, сломанных набалдашником щита, хриплое ржание вперемешку с бранью и облако взметнувшейся в воздух пыли...

Такое ощущение, что на кабальеро налетел не один человек, а как минимум такой же по численности конный отряд. Однако, несмотря на впечатляющее начало, больше у Сандаварга подобный трюк не прокатит. Теперь сунувшемуся под шпаги матерых рубак северянину нужно быть крайне осмотрительным. И не забывать, что в этой битве судьба не одарила его напарником, готовым прикрыть ему спину.

Поднятая пыль ненадолго заслонила мне обзор, и потому я не сразу понял, каким оружием был сражен тот кабальеро, который удержался в седле при налете Убби на его товарищей. Я видел, как этот гвардеец развернул коня и занес для удара шпагу, но в следующий миг что-то стремительное обрушилось на него сверху, переломило клинок, вмяло шляпу и размозжило череп. Бедняга не успел даже вскрикнуть. Его окровавленная голова дернулась

и безвольно откинулась на плечо, а сам он, всплеснув руками, грохнулся наземь. А прикончивший его Сандаварг выскочил из пылевого облака, издал гортанный вопль, от которого, наверное, даже у лошадей по коже побежали мурашки, и развернулся лицом к оставшимся в седлах противникам. В левой руке крепыш держал щит, а в правой – то самое оружие, смертоносность коего была нам только что наглядно продемонстрирована.

Им оказался лишенный рукоятки кистень. Да не обычный, а воистину устрашающих размеров. К намотанной на запястье северянина цепи крепилась большая и круглая пудовая гиля размером с голову трехлетнего ребенка. На ней имелось около дюжины тупоконечных шипов, похожих на набалдашник щита, только гораздо меньше. Судя по размеру цепи, Убби предпочитал регулировать ее длину, исходя из конкретной боевой обстановки. Надо отметить, что кистень в руках городского стражника, наемника или кочевника – вообще большая редкость, а кистень такой величины – и подавно. Неизвестно, откуда взялся этот чокнутый задира, но дело он свое знал, это бесспорно. И нынешняя его работа, которой он сам себя озадачил, только-только входила в разгар...

Троица еще не сталкивавшихся со Сандаваргом кабальеро дружно прищипорила коней и ринулась на него с занесенными шпагами. Всадники сразу же разделились: капитан шел в лобовую атаку, а его товарищи охватывали противника с флангов. Каким бы крепким ни выглядел щит северянина, отразить сразу три нацеленных на него с разных сторон клинка – задача из разряда высшей боевой математики. И это не считая лошадиных копыт, для которых он тоже уязвим. Даже я – зритель – ощущал сейчас сильное нервное напряжение, а стоящий на пути трех рубак краснокожий крепыш не выказывал ни малейшего волнения. Какое, однако, выдающееся самообладание!

Первым на Убби грозил налететь гвардеец, который несся на него справа. Но поразить Сандаварга должен был не он, а тот всадник, что атаковал мгновением позже с противоположной стороны. Отразив щитом удар первого нападающего, северянин неминуемо откроется для второго, а круглолицему останется лишь добить окруженного противника. Ничего такого, с чем бы они – многоопытные бойцы – не справились. Кроме того, сзади к Убби уже подбирался выпавший из седла при первой его атаке кабальеро. Вместо того чтобы ловить отбежавшую лошадь, он решил накинуться на Убби, если тому вдруг повезет увернуться от конников. Главное, не прогадать момент, когда его ослепит пыль, и вонзить ему шпагу в открытую спину. Гвардеец, что был сбит наземь вместе с рапидо, все еще лежал, придавленный им, но изо всех сил пытался выползти из-под бьющегося в судорогах покалеченного скакуна.

Туда-то и метнулся Сандаварг, вовсе не собирающийся поддаваться на вражескую уловку. Он резко развернулся и, вращая кистенем, налетел на подкрадывающегося сзади пешего противника. Тот не растерялся, перебросил шпагу из правой руки в левую и вознамерился встретить врага финтом с последующей обводной контратакой в печень. И это гвардейцу непременно бы удалось, не ожидай Убби от него такой каверзы. Не закрытый щитом, правый бок Сандаварга казался уязвимым лишь на первый взгляд. Более того, он явно нарочно дразнил таким образом своих противников, дабы те, клюнув на приманку, подставлялись затем под его удары.

Желая достать крепыша эффектным выпадом, кабальеро не учел, с какой виртуозностью тот орудует своим пудовым кистенем. Фехтовальщик был быстр, но раскрученный железный шар оказался быстрее. Оншибанул аккурат в то место, откуда гвардеец собирался контратаковать, и поразил его, что называется, влет. Разве только угодил ему не в голову, а в плечо.

Хрустнула раздробленная кость. Кабальеро, выронив из сломанной руки шпагу, не устоял на ногах и упал. Не настигай Сандаварга всадники, он сразу добил бы противника. Но вместо этого северянин стрелой пронесся мимо него и, перепрыгнув через придавленного

лошадью гвардейца, вновь повернулся лицом к преследователям. Кистень в его руке продолжал описывать круги, причем цепь его стала заметно длиннее, а ядро – стремительнее.

Разогнавшимся кабальеро пришлось спешно осаживать коней, дабы не затоптать раненых, за которыми спрятался Убби. Атака в три наскока, которой круглолицый со товарищи планировали его сокрушить, сорвалась. И даже хуже. Вынудив врага замешкаться, свирепый коротыш, не медля ни секунды, перешел в решительное контрнаступление.

Зловещее гудение кистеня, чьи шар и цепь чертили в воздухе один сплошной круг, было слышно даже сквозь брань, крики раненых и конское ржание. Которые стали еще громче после того, как Сандаварг обрушил свое оружие на оставшихся в седлах гвардейцев. Рапидо первого всадника получил по морде гирей и, рухнув на подкосившиеся передние ноги, перебросил седока через голову. Второй наездник нарвался на шипастый снаряд мгновением позже. Попытавшись уклониться, он припал к лошадиной гриве, но ядро все равно угодило ему точно в висок. При этом цепь захлестнула коню шею, и вращение кистеня прекратилось. Впрочем, длина цепи была не слишком велика, и она не опутала скакуна. Мотнув в испуге головой, он шарахнулся назад и сбросил с себя не успевшую сплестись железную петлю. Его мертвый хозяин, застряв ногой в стремях, мешком волочился за ним по земле. А Убби, прикрывшись щитом, сразу укоротил кистень, шустро намотав цепь обратно на предплечье.

Как сказал один древний поэт, описывая столь же древнюю битву: «Смешались в кучу кони, люди...». Скачущий последним, капитан наткнулся именно на такую кучу, разве что невеликую. И вместо того чтобы пустить в ход шпагу, был вынужден направить рапидо в объезд.

Северянин, однако, не спешил ему навстречу. Наоборот, предпочел держать круглолицего на дистанции и тоже припустил вокруг живой свалки, словно играя с ним в догонялки.

Сандаварг не просто убегал – попутно он добивал тех противников, какие еще подавали признаки жизни. Свалившийся с убитой лошади ему под ноги кабальеро успел подняться лишь на четвереньки, после чего получил по темечку кистенем и бездыханный распластался в пыли. Гвардеец, что был придавлен агонизирующим рапидо, высвободил наконец из-под него ногу, которая, к счастью, оказалась даже не сломанной. Впрочем, счастье это было для уцелевшего в падении всадника мимолетным. Он еще лежал на спине, подтягивая сбившийся сапог, как нависший над ним крепыш опустил нижнюю кромку щита прямо бедолаге на горло и перерубил то до самого позвоночника. После чего оглянулся на скачущего следом капитана и с нарочито показным куражом размозжил кистенем голову тому несчастному, кому до этого сломал руку.

За считанные секунды своей кровавой пробежки Убби уравнивал с врагами свои шансы на победу. И когда круглолицый его настиг, северянин уже не опасался получить от гвардейцев удар в спину. Шпага капитана звякнула о вовремя подставленный щит, но не сломалась. А Сандаварг, отбив удар, выбросил реверсивным движением руку с кистенем и в последний момент шарахнул им по крестцу проскакавшего мимо рапидо.

Лошадь от такого коварного удара резко села на круп и остановилась. Круглолицый не удержался в седле и повалился назад, но умудрился все же не запутаться в стремях и ловко соскочил с жалобно заржавшего от боли скакуна. А, ступив на землю, сразу принял боевую стойку и набросился на противника.

Растерявший всех бойцов капитан был вне себя от злобы и накрыл северянина целой чередой перемешанных с бранью выпадов. Тот, закрывшись щитом, взялся шаг за шагом пятиться к каменной гряде. Я решил было, что Убби, не успевая размахнуться кистенем, ушел в глухую оборону и отступает. Но он, как выяснилось, опять хитрил и просто делал вид, что ступшевался. Чем лишь раззадоривал круглолицего, заставляя его думать, что еще чуть-чуть, и он пробьет защиту противника. Для чего капитану надо лишь собраться с силами, удержать инициативу и не дать Сандаваргу ни секунды на контратаку...

Время шло, однако оборона северянина оставалась непрошибаемой. Кабальеро осознал свою ошибку, когда ощутил, что безостановочные атаки не принесли ему ничего, кроме усталости. Его удары становились все слабее и медлительнее, а сам он покраснел и уже не бранился, а лишь хрипел и брызгал слюной. В итоге капитан все же решил поумерить пыл и, пока у него еще не иссякли силы, тоже попробовать поймать северянина на хитрость.

Притворившись, что окончательно выдохся, гвардеец нанес последний, вялый удар и, отскочив назад, занял оборонительную позицию. По его замыслу, враг должен был воспользоваться моментом и без промедления контратаковать. А когда Убби замахнет кистенем, якобы измотанный кабальеро вдруг кинется ему навстречу и, прыгнув на щит, ударит шпагой поверх него прямо Сандаваргу в лицо. Главное, чтобы тот попер напролом, – тогда у него будет меньше шансов уклониться.

Конечно, трудно сказать, что на самом деле думал круглолицый. Возможно, он замыслил вовсе не это, а иное коварство. В одном я был уверен наверняка: вряд ли столь опытный фехтовальщик позволил бы себе так быстро выдохнуться. Убби, надо полагать, тоже в это не верил. Отчего и предпочел очевидной в его ситуации тактике непредсказуемую.

Он и впрямь рванул поначалу в атаку, но не стал размахиваться кистенем, а, подбросив щит, внезапно выпустил его из руки. А затем с силой толкнул его ладонью в противника. Позиция северянина позволяла мне видеть все сделанные им манипуляции. Равно как и манипуляции круглолицего, пытающегося любой ценой не проморгать выпад противника.

Он и не проморгал. По крайней мере, формально. Завидев бросившегося на него врага (а в действительности – летящий по воздуху щит), капитан молниеносно прыгнул ему навстречу, занося клинок для решающего удара. Капитану надо было лишь уцепиться за край щита и ткнуть Убби шпагой в лицо, пока тот не сообразил, что к чему. А если повезет, то ткнуть несколько раз – так вернее. Прыжок и удар! Доля секунды, и неуязвимый краснокожий сразу перестанет быть таковым...

Но случилось непредсказуемое. Шпага, ударившая поверх щита, угодила в пустоту, а сам щит как-то чересчур легко и быстро полетел вниз. Вместо того чтобы повиснуть на нем, круглолицый грохнулся вместе с ним на землю. Прыть кабальеро обернулась сейчас против него. С равным успехом он мог бы просто взять и броситься ниц к ногам северянина. Обидное и более чем дурацкое поражение...

Через секунду Убби уже стоял над опростоволосившимся врагом, наступив своей грубой пяткой на его шпагу.

– Как твое имя, воин? – невозмутимо пробасил Сандаварг, медленно раскручивая кистень.

Распластавшийся перед победителем кабальеро в ответ лишь презрительно плюнул ему на ногу. Кистень в руке Убби сделал последний, самый стремительный оборот, после чего с отвратительным хрустом и чавканьем опустил капитану на голову.

– А тебя как звать, шкипер? – любопытствовал затем северянин, повернувшись ко мне и наматывая на руку цепь. Болтающееся на ней ядро было обильно заляпано кровью и прилипшими к нему ошметками мозгов вкупе с костяными осколками.

Я глянул на свою монтировку и, торопливо отшвырнув ее прочь, капитулирующее поднял руки. При всем уважении к дону Риго-и-Ордасу, сейчас я боялся его значительно меньше, чем этого рыжеволосого краснокожего монстра с огромным кистенем. И интуиция подсказывала мне, что потомок отважных Эйнара, Бьорна и Родерига Сандаваргов уже так легко от нас не отвяжется...

Глава 4

Нечего было и думать о том, чтобы просить Фаруха помочь нам избавиться от трупов. Наоборот, после всего, что произошло сегодня у Нэрского Столпа, нам вообще не стоило заезжать к Стервятникам. Среди них наверняка скрывался осведомитель Владычицы Льдов, и Сенегалец об этом подозревал. И если сейчас ее соглядатай мог подтвердить непричастность Фаруха к случившейся здесь бойне, то после нашего появления в поселке у того останется единственный выход: арестовать «Гольфстрим» и нас до прибытия очередной делегации из Антарктиды.

И арестует, потому что иначе дон Балтазар спросит у него, почему он помогал грязным убийцам – сиречь нам – замечать следы преступления. А заодно осведомится, не отыскался ли ненароком на Нэрской равнине неиссякаемый источник воды, раз Сенегалец вздумал напрочь рассориться с хозяйкой водоналивных танкеров. В общем, дабы подобная проруха не сгубила старину Фаруха, о дегустации его хваленного виски нам пришлось категорически забыть.

Хоронить останки шестерых гвардейцев и трех лошадей (двух покалеченных животных Убби тоже из жалости добил) своими силами у нас попросту не было времени. Выжившие рапидо разбежались по округе, и даже успей мы избавиться от улик, вскоре беспризорные скакуны так или иначе прискачут в поселок, к поилке. Поэтому нам пришлось спешно бросить все и рвать когти на восток до того, как весть о случившемся достигнет Стервятников.

Само собой, я никогда не поступил бы так без крайней нужды. Добраться до Сенегальца, все ему объяснить, дождаться дона Балтазара, отдать ему эти треклятые контейнеры и доказать тем самым, что мы непричастны к гибели его людей... Вот что я намеревался предпринять после резни, учиненной этим кровожадным чокнутым северянином. В отличие от него я не псих и вовсе не горю желанием затевать войну с Владычицей Льдов...

Однако все опять обернулось крайне невыгодным для нас образом. Не успели мы прийти в себя, как Сандаварг тут же объявил, что отныне мой буксир принадлежит ему вместе с экипажем и грузом. Всего на один рейс, уточнил при этом Убби, но для меня это было весьма сомнительным утешением. Видеть «Гольфстрим» во власти такого чудовища, даром что временной, я не мог даже в самых страшных своих кошмарах.

На первый вопрос Сандаварга – как меня зовут? – я, в отличие от капитана гвардейцев, ответил без черепно-мозговых последствий. А вот на более щекотливый второй вопрос – куда, загрызи нас пес, подевался наш наниматель Макферсон? – дать ответ было уже не так-то легко. К счастью, пока я подбирал нужные слова, мне на помощь пришел Гуго. Будучи тоже в некотором роде северянином, он счел своим долгом выручить меня на переговорах со своим «земляком». О котором Сенатор – какое удачное совпадение! – был вдобавок маломальски наслышан.

– Имеем ли мы честь говорить с тем самым мсье Сандаваргом, чей отец некогда входил в совет старейшин Аркис-Свальбарда? – полюбопытствовал де Бодье, выступив вперед и отпустив крепышу-коротышу учтивый полупоклон.

– Твой слух в порядке, толстяк, – подтвердил тот, протирая кистень ветошью, найденной в седельной сумке одного из своих мертвых врагов. – Я – Убби Сандаварг, сын Эйнара, внук Бьорна и потомок Родерига Сандаваргов. А ты, я вижу, уроженец Аркис-Капетинга – дыры, где пьют самое кислое пойло и дрючат самых дорогих шлюх в мире?

Сенатор, конечно же, не оскорбился. Напротив – представился со всей присущей ему галантностью и отметил, что еще не слышал более лаконичного и емкого описания своей горячо любимой родины.

– Если вы и есть тот человек, с кем мсье Макферсон планировал здесь встретиться, – продолжал Гуго, – боюсь, мы вынуждены сообщить вам пренеприятное известие. Крепитесь, мсье: сломленный неизлечимым недугом, ваш друг покинул бренный мир вчера на рассвете и был погребен в Пуэрто-Риканской бездне, как и подобает, со всеми почестями...

– Не думаю, что эта новость станет для сеньора Убби чересчур тяжким потрясением, – фыркнула Малабонита, окинув взором поле отгремевшего побоища. Я незаметно толкнул ее локтем в бок, дабы помалкивала. Сандаварг не производил впечатление человека, способного терпеть в свой адрес усмешки, даже самые безобидные.

– То-то я гляжу, старика с вами нет, а вы стоите передо мной, словно в дерьмо опущенные, – хмыкнул просветленный северянин. – Однако я рад, что вы не задали деру и мне не пришлось гоняться за вами по Атлантике, дабы познакомить вас с братом Ярнклотом.

– С кем познакомить, прошу прощения? – переспросил де Бодье, расплывшись в вежливой улыбке. Которая вмиг слетела у него с лица, когда крепыш уточнил, кого или, вернее, что он имеет в виду.

– Брат Ярнклот, – пояснил Убби, ткнув пальцем в лежащее у него на ладони шипастое ядро. После чего указал на прислоненный к колесу буксира щит: – А это – брат Ярнскид. Советую также относиться к ним с почтением. Дороже и ближе их у меня сегодня никого нет.

– Как трогательно! – проворчала Долорес, проигнорировав мое давешнее предостережение. – Только вот семейное сходство в упор не прослеживается.

– Мистер Сандаварг! – возмутился я, оттеснив плечом невоздержанную на язык Малабониту. – Присваивать себе чужой товар не входит в наши правила, поэтому не наводите на нас напраслину! Мы, как и вы, тоже, знаете ли, соблюдаем свой кодекс чести! Однако бойня, которую вы здесь учинили, нам категорически не нравится. В цивилизованном мире спорные вопросы так не решаются. Согласен, кабальеро тоже перегнули палку и угрожали нам, но вряд ли они привели бы свои угрозы в исполнение. Если у вас есть документы на этот груз, вам следовало предъявить их гвардейцам. Если нет, но вы все равно считаете себя его владельцем, вы могли бы обратиться лично к дону Балтазару и оспорить этот вопрос с ним. Но убивать посланников Владычицы из-за имущественных разногласий – дело в высшей степени неосмотрительное!

– Да мне плевать, что ты обо всем этом думаешь, Проныра! – ответил северянин. – Во-первых, мертвый старик никакой мне не друг. Я – такой же, как вы, наемник, только нанял меня не Макферсон, а кое-кто другой. Во-вторых, меня послали сюда проследить, чтобы вещи старика доехали до места назначения. И, пока я жив, я в лепешку расшибусь, чтобы они туда доехали, с хозяином или без. И третье: если, загрызи вас пес, вы намерены мне в этом помешать, с вами буду говорить уже не я, а брат Ярнклот. Он, конечно, не так любезен, как этот ваш толстый болтун, но доводы у него всегда железные. Все ясно? Еще вопросы есть?

– Да. – Я немного оклемался от пережитого потрясения и решил, что каким бы скорым на расправу ни был Сандаварг, прогибаться и лебезить перед ним мы не станем. В конце концов, у нас тоже есть гордость, пусть и живущая в извечном конфликте с инстинктом самосохранения. – А ваши братья Ярнклот и Ярнскид умеют управлять буксиром и читать шкиперский Атлас? Это я к чему: ведь если они вдруг обидят кого-то из моего экипажа...

– Этого не случится, если вы выполните все условия вашего договора с Макферсоном, – перебил меня Убби.

– Но ты – не Макферсон, чтобы нами распоряжаться! – выкрикнула у меня из-за спины Долорес. Гуго вжал голову в плечи и отступил от нас на два шага. Видимо, затем, чтобы брат Ярнклот не забрызгал его нашими мозгами.

– Кто эта женщина, которая имеет наглость вступать в мужской разговор? – прищурившись, взгляделся в Малабониту Сандаварг. Такое впечатление, что он лишь сейчас ее заметил. Мне даже стало за нее обидно, ведь Моя Радость всегда казалась мне такой очароваш-

кой. Да и не только мне. Везде, где бы она ни появилась, всегда невольно притягивала к себе взгляды мужчин.

– Это моя жена Долорес. Она – полноправный член нашей команды, поэтому ей тоже разрешено принимать участие в переговорах, – поспешил я объясниться.

– Давать слово глупой женщине?! О, как же я ненавижу ваши распушенные южные нравы! – признался северянин. – Но раз у вас так заведено, значит, традицию нужно уважать. Как, впрочем, и чужих жен – это уже священная традиция наших краев... Да, женщина, ты абсолютно права: я не Макферсон и не ваш наниматель. Но я – человек, который отвечает за этот груз гораздо больше, чем вы! Поэтому ваши колебания и нерешительность вынуждают меня объявить, что отныне «Гольфстрим» переходит под мое командование, а его шкипер будет выполнять мои приказы всю дорогу отсюда до Гексатурма. Что вам грозит за неподчинение, я уже сказал и не намерен повторяться. А теперь, Проныра, поднимайся со своей командой на борт и приступайте к выполнению ваших прямых обязанностей! И без разговоров, загрызи вас пес! Здесь нам задерживаться не только глупо, но и опасно...

Нэрский Столп скрылся за горизонтом вечером, примерно за полчаса до ночной остановки. Впрочем, его исчезновение не придало мне ни покоя, ни уверенности в завтрашнем дне. У посланных на наш перехват гвардейцев наверняка имелись при себе почтовые голуби. Так что когда Сенегалец отыщет трупы кабальеро, он обязательно отправит дону Балтазару тревожную весточку, где бы тот ни находился. После чего Кавалькада ринется за нами в погоню и будет скакать без отдыха и сна до тех пор, пока нас не настигнет. Демерарские рапидо несут всадников по хамаде сутки напролет, а вот наш тяжелый, неповоротливый «Гольфстрим» может уповать лишь на глаза впередсмотрящего. Какой бы зоркой ни была Малабонита, пронизать взором ночь она, увы, не умела.

Настроение у всех, кроме ублюдка Сандаварга, было подавленное. Появлению на борту нового пассажира – или, точнее, захватчика – обрадовался один Физз. Завидев его, вальяжно разлегшегося на крыше рубки, Убби неожиданно подошел к варану и, почтительно склонив перед ним голову, проговорил что-то на непонятном языке, в котором преобладали шипящие и свистящие звуки. Нас это, однако, не слишком удивило. Вся Атлантика насыщена о культовом поклонении северян животным, обладающим способностью фосфоресцировать. Но мы все равно затаили дыхание, предвкушая, что ответит ящер на почтительность Сандаварга. «Херьмо!» – вот как старина Физз без обиняков ее оценит. То-то, поди, после таких слов у краснокожего рожа от злобы вытянется...

Херьмо не херьмо, а рожи в итоге повытягивались у нас. И не от злобы, а от изумления. Варан и впрямь ответил Убби! И не по-человечески, а на том же самом тарабарском языке, на каком обращался к нему захватчик!

И ладно бы этим их коротким разговором священнодействие завершилось! Нет, ящеру этого показалось мало! Прошипев приветствие (или что он там сейчас произнес), он спустился с рубки, подковылял к северянину и, взъерошив чешую, позволил тому почесать ему шею. Что, между прочим, всегда считалось исключительно моей привилегией! Вид у Физза при этом был настолько довольный, как будто раньше, когда я оказывал ему подобную любезность, он лишь из вежливости притворялся, что млеет. И вот в кои-то веки отыскался в Атлантике человек, доставивший ему истинное, ни с чем не сравнимое наслаждение!

– Предатель! – сжав кулаки, процедил я и демонстративно отвернулся, не желая смотреть на это безобразие. – Ну погоди, старый лежебока, ты еще поклянчишь у меня курадо! До самого Гексатурма будешь одними мотыльками питаться!..

Пристроив неразлучных братьев Ярнклота и Ярнскида в пассажирском кресле, сам захватчик расположился возле них прямо на палубе, подстелив себе под зад лишь тонкое одеяло. Убби достал его и прочие бытовые мелочи из своего вещмешка, что во время стычки с кабальеро дожидался хозяина на вершине холма.

Пожалуй, единственный плюс в ситуации, когда ваш бронекат захватывают северяне, это их хваленая неприхотливость. Они никогда не потребуют от вас обслуживать их по высшему разряду и вообще не станут докучать вам ни просьбами, ни придирами. Я также не сомневался, что несмотря на свое пренебрежение к нам, Сандаварг не побрезгует взять в руки лопату или другой инструмент, когда в его помощи может возникнуть нужда. Ну и, разумеется, за ним еще оставалась охрана груза. Хотя в нашем безысходном положении рассчитывать на кулаки Убби – все равно что отбиваться полотенцем от стаи кактусовых ос. При мысли о доне Балтазаре, перед которым нам вскоре придется держать ответ, мне хотелось подойти к брату Ярнклоту и от отчаяния самому разбить себе голову о его шипастый бок.

Ступив на палубу, разложив вещи и отобрав у нас все оружие вплоть до отверток, наймит отправился изучать наши палубные баллестирады – кормовой и носовой «Сморкачи» и две бортовые «Плаксы». Не сказать, чтобы они привели Сандаварга в восторг, но функция их автоматической перезарядки ему очень понравилась.

Этот механизм представлял собой отходящую от раздаточного узла ДБВ целую систему валов. Они были проведены внутри оружейных стоек и заканчивались храповиками, которые в ходе боя непрерывно вращались. Чтобы натянуть толстые тетивы баллестирад, стрелку стоило лишь нажать на специальную педаль. После чего орудие чуть опускалось на стойке, его червячно-рычажное взводное устройство входило в сцепление с храповиком и выполняло свою работу. После взведения срабатывала автоматика, «Сморкач» либо «Плакса» возвращались посредством пружины на место и отсоединялись от заряжающей системы. А после выстрела все повторялось заново. Такая вот в целом немудреная схема. Однако судя по реакции ознакомившегося с ней северянина, прежде ему не доводилось сталкиваться с подобного рода механизмами.

Пока захватчик вникал в принцип перезарядки баллестирад, Гуго позвал меня к себе якобы для консультации по «одному техническому вопросу». Я застопорил штурвал – впереди по курсу был как раз ровный и прямой участок пути – и спустился в моторный отсек. Взяв для отвода глаз из ящика с запчастями какую-то шестерню, Сенатор сделал вид, будто демонстрирует мне на ней некий дефект, а сам при этом повел речь совсем о другом.

– Неужто вы, мсье шкипер, собираетесь мириться с таким положением дел? – спросил он, нахмурившись и указав глазами на палубу, где по-хозяйски расхаживал Сандаварг. – А если, перемахнув через Срединный хребет, этот тип прикажет нам двигаться не в Гексатурм, а на север? Например, к Исландскому плато, где, по слухам, еще живут остатки таких отморожков, как Убби. Это же как минимум пять тысяч лишних километров туда и столько же назад! И ладно бы оплаченных километров! От Сандаварга мы, ясное дело, награды не дождемся, но ведь и в обратный рейс придется порожняком идти! Или вы считаете, мы найдем себе на безлюдном севере подходящего клиента?

– Я бы на вашем месте, Сенатор, переживал сейчас совсем не об этом, – заметил я, укоризненно покачав головой. – Сомневаюсь, что мы вообще доберемся до Хребта. Уже послезавтра мы будем делать в лучшем случае полторы сотни километров в день – расстояние, которое Кавалькада покроеет намного быстрее. Плюс она может передвигаться ночью, а мы – нет. Дон Балтазар настигнет нас еще до каньона Зеленого Мыса. Так что давайте подумаем, как нам отбрезхаться от всего этого, когда гвардейцы прикончат северянина. Живым-то он им точно не сдастся, тут и спорить нечего.

– Вот я и думаю, мсье Проньра, а не лучше ли нам самим, как бы это правильнее выразиться... – Де Бодье смутился и уставился на шестерню, словно она могла помочь ему сформулировать мысль. – Хм... ускорить, так сказать, естественный ход событий. Ведь северянин так и так не жилец, вы согласны? Поэтому нет ничего зазорного в том, если мы его... э-э-э... Ну, вы, надеюсь, меня понимаете.

– Безусловно, *mon ami*, – кивнул я, многозначительно прищурившись. – И каким же образом, по-вашему, мы его э-э-э?..

– Да мало ли есть на свете способов ссадить с палубы неугодного пассажира! – Гуго патологически ненавидел называть вещи своими именами, если они – вещи – имели отношение к умышленному им беззаконию. Когда Сенатор начинал говорить со мной в такой манере, я тоже невольно заражался ею и брался отвечать ему подобными туманными намеками. – Вам что, никогда не доводилось раньше этим заниматься?

– Вы будете смеяться: нет! – честно признался я. – Все прежние пассажиры «Гольфстрима» были, как правило, честными и добропорядочными людьми. Так что прошу вас: не считите за труд и просветите меня в этом малознакомом вопросе.

– У нас на борту есть какая-нибудь... э-э-э... вредная для здоровья химия?

– Кроме машинного масла – ничего, – почесав макушку, ответил я.

– Нет, боюсь ложка этой доисторической гадости нашему здоровяку не повредит, – засомневался механик. – Разве только нам удастся каким-нибудь образом заставить его выпить целое ведро. К примеру, на спор. О, а это отличная идея! Как вы считаете, Убби – азартный человек?

– Скорее всего, да, как и все наемники. Только вы запомнили, что по правилам подобных состязаний первому пить масло придется зачинщику спора. Мне рисковать нельзя – я как-никак шкипер. Долорес – женщина, а с женщинами северяне в состязания принципиально не вступают. Остаетесь вы, поскольку больше некому. Да и кто еще из нас троих способен теоретически выдуть залпом полведра жидкости?

– Полведра?! – Лицо Сенатора перекошилось от отвращения, словно я уже поднес ему чашу с ядом.

– Никак не меньше, – подчеркнул я. – Но и не больше, ведь вам непременно нужно проиграть, не забыли?

– Знаете, мсье шкипер, кажется, я предложил вам необдуманый план, – сразу сник и пошел на попятную де Бодье. – Интуиция подсказывает мне, что я даже со стакана масла отойду к праотцам, а Убби вылакает ведро и еще добавки потребует. Нет, забудьте, эта затея откровенно глупая... А вот несчастный случай – то, что надо. Падение на ходу за борт. Прямо под колеса. Никто не застрахован в пути от такой трагической участи.

– Только не на «Гольфстриме»! – категорически отрезал я. – Мой прадед, да поднесут ему райские повара самую большую ложку, затем и соорудил здесь высокие борта, чтобы не встречаться раньше времени в Раю со своими потомками. Да и как вы заставите Сандаварга споткнуться? Даже накинься мы на него скопом, скорее всего, это нам потом не повезет споткнуться и полететь под колеса, нежели наоборот. Нет, *mon ami*, исключено.

– Тогда, может быть, вам понравится *de nuit asphyxie*?

– А если по-простому?

– Я имею в виду ночную асфикию... Знаете, иногда люди ложатся спать и не просыпаются. Задыхаются во сне по множеству различных причин.

– Или кто-то им в этом помогает, – договорил я. – Я вас правильно понимаю?

Гуго вновь с опаской покосился на палубу и кивком молча подтвердил мою правоту.

– Убби явно не первый год путешествует в одиночку по хамаде, – недовольно поморщился я, – поэтому можете представить, какой у него чуткий сон. Вы полагаете, нам удастся застать врасплох профессионального наемника? Да он зубами отгрызет руки своим душителям еще до того, как начнет задыхаться! Если вообще даст подкрасться к себе под покровом темноты. У него всегда ушки на макушке и глаза на затылке. Хотите, проверим? Но, чур, проверяете вы. А я, так уж и быть, попробую отвлечь от вас внимание Сандаварга. Только делать это я буду издали, договорились? Просто не хочу оказаться рядом, когда он начнет разрывать вас на части.

Де Бодье подбросил на ладони шестерню и крепко призадумался. Всем нам не раз приходилось убивать нападавших на нас хищников и бандитов-кочевников. Последние являлись, как правило, неопытными налетчиками, которые, ограбив один-два мелких каравана, нагнали и пытались покуситься на бронированные и хорошо вооруженные бронекаты перевозчиков. Захватив «Гольфстрим» и отобрав у нас оружие, Убби стал, по сути, тем же бандитом, пускай он и принуждал нас выполнять обязательства перед покойным Макферсоном. Непростая дилемма: следовать букве контракта и погибнуть с честью, или нарушить его, отдать злополучный груз дону Риего-и-Ордасу и, возможно, получить от него прощение. Во втором случае нам требовалось найти способ избавиться от захватчика. Любой способ, вплоть до его убийства. В моральном плане мы были к этому почти готовы. Однако одной такой готовности для устранения Сандаварга явно не хватало.

– Он не может постоянно следить за нами, – сказал Гуго после минутного раздумья. – Сутки, двое, но не неделю же! Нам надо хорошенько усыпить его внимание. И когда он зазевается, сразу, не мешкая, вернуть вам «Гольфстрим».

– Что ж, разумно. – Не имея возражений, я лишь пожал плечами. – Ничто так не приглушает бдительность тюремщика, как примерное поведение заключенного. Как ни крути, а придется нам три-четыре дня побыть паиньками. И уже потом думать, как поступить: познакомить спящего Убби с нашей сестрой Монтировкой или тянуть до последнего, надеясь на помощь всемогущей богини Авось... – И вдруг спохватился, осененный свежей идеей: – Кстати, Сенатор, а почему, скажите на милость, мы с вами так зациклились на греховных мыслях? Неужели я и вы настолько жестоки, что нам прямо не терпится пустить кому-нибудь кровь? К Убби трудно подкрасться с оружием, но ведь можно поступить иначе. Вы заметили, с каким интересом он изучает наши баллестирады?

– Гениально придумано, мсье шкипер! – сверкнул глазами де Бодье. – Добраться до орудия, навести его на северянина, спустить тетиву и – вуаля!.. Хотя постойте-ка: вы же сказали, что намерены обойтись без крови?

– Верно, я имел в виду гораздо более гуманный метод, – подтвердил я. – Но чтобы воплотить его в жизнь, нам все равно придется несколько дней беспрекословно выполнять приказы Сандаварга. А теперь, *top ati*, слушайте и запоминайте, какая мне потребуется от вас помощь...

Разумеется, захватчик «Гольфстрима» подозревал, что мы вполне способны нанести ему коварный удар в спину. Осмотрев орудия, он наотрез запретил нам приближаться к ним без его ведома, а также наотрез отказался есть нашу пищу, ограничившись запасами курадо и сушеных овощей из своего вещмешка. Кактусидр северянин тоже не жаловал, обозвав его протухшей собачьей мочой; острая на язычок Долорес заметила потом, что Сандаваргу, видимо, приходилось пить и то и другое, раз он так уверенно сравнивает. Водой, впрочем, Убби не побрезговал. Правда, зачерпнул ее сам из главного резервуара, не рискнув окунать свою кружку в палубную флягу.

Я тайне злорадствовал над предателем Физзом, предвкушая, как он приползет ко мне за ужином кланить мясо и нарвется на решительный отказ. Но ящер даже не стал проверять, насколько я на него обижен, а обратился со своей ежевечерней просьбой сразу напрямую к Убби. Тот, разумеется, не мог не уважить пожелание священного животного и поделился с ним своими харчами, которые также пришлось варану по вкусу.

Отведав наемничье угощение, Физз затем до самой ночной охоты не отходил от своего нового лучшего друга. Глядя на их милое общение, я мысленно пожелал им обоим несварения желудка, а на завтрак – непременно подавиться и издохнуть в жутких судорогах... Ну ладно, проявлю милосердие: чешуйчатому предателю можно обойтись без судорог. В награду, так сказать, за все хорошее, что он успел сделать для династии Проныр.

– Какой дорогой вы намерены ехать дальше? – поинтересовался Сандаварг, продолжая подкармливать Физза и набивать собственное брюхо.

– Сначала доберемся до Столпа «Перекресток Ветров», – обрисовал я маршрут, которым собирался двигаться на восток. – Оттуда – в каньон Зеленого Мыса. По выезду из него сразу возьмем курс на Гамбийскую равнину и Счастливый Столп. Затем объедем с запада пик Крылова, а там рукой подать до равнины Кабо-Верде. Пересечем ее дней за пять и прибудем Гексатурм... Только весь этот план будет иметь смысл, если нам повезет улизнуть от Кавалькады. В противном случае, сам понимаешь, наш рейс закончится гораздо раньше.

– Никаких Столпов, шкипер! – отрезал Убби. – И забудь о каньоне Зеленого Мыса! Завтра, когда мы покинем равнину Нэrsa, ты повернешь на северо-восток и, не подъезжая к Столпам, поведешь свою развалюху к каньону Дельгадо.

– Да ты в своем уме?! – От столь неожиданного заявления я едва не вскочил на ноги. Но вмиг спохватился, что веду себя дерзко, и уже спокойнее повторил: – Ты предлагаешь совершенно нереальный маршрут! Тебе что, неизвестно, почему мы и караванщики никогда им не пользуемся?

– Известно, – невозмутимо ответил северянин, никак не отреагировав на мое возмущение. – Дельгадо слишком узок, да вдобавок перекрыт громадным кораблем. «Оазис морей» – так, кажется, у него на борту написано? Эта махина лежит поперек каньона и полностью его перегораживает. Пешие кочевники еще могут там протиснуться, но бронекатам и всадникам путь через Дельгадо закрыт.

Совершенно правильный ответ. Каньон Дельгадо и впрямь был непроходим для бронекатов, лошадей и верблюдов из-за лежащего у него на дне древнего морского судна. Когда-то на одном таком плавучем исполине тысячи людей могли зараз пересечь океан. В наши дни эти разбросанные повсюду останки Брошенного мира смотрелись в Атлантике столь же чужеродно, как инопланетные Столпы. «Оазис морей» затонул в год Всемирного Затмения, поскольку носил на себе следы погубившего его метафламма. Гигант пролежал под водой всего пару десятилетий, и катастрофически мелеющий океан не успел его разрушить. Гораздо больше судно пострадало от мародеров, что разграбили его в последующие века.

Ныне поживиться там было уже нечем. У судна остались неразобранными на части лишь корпус, двигатели да многопалубные постройки – иными словами, все то, что нельзя было разобрать вручную. Большинство снятых оттуда деталей ушло на постройку города Аркис-Грандбоула – самого знаменитого места сбора идущих на запад перевозчиков и гужевых караванов накануне их перехода через Срединный хребет. Но несмотря на это даже в нынешнем потрепанном виде «Оазис морей» вызывал восхищение. Трудно поверить, что его создали люди, а не Вседержители, да к тому же он еще и путешествовал когда-то по всему свету!

Будь каньон Дельгадо единственной в северной половине Хребта сквозной магистралью, его, безусловно, давно бы расчистили. Но кому хотелось заниматься этой трудоемкой и неблагодарной работой, если южнее и севернее имелись другие каньоны – куда более широкие и ничем не загроможденные? А Дельгадо интересовал сегодня разве что тех кочевников, кто еще надеялся поживиться хоть чем-нибудь на давно обобранных останках «Оазиса морей».

– Отлично! – похвалил я знакомого с путевой географией Убби. – Но каким образом, скажи на милость, все только что сказанное тобой соотносится с твоим же приказом гнать «Гольфстрим» к Дельгадо?

– У меня есть проверенные сведения, что за последние пару лет дно каньона сильно опустилось, – пояснил Сандаварг, – и заклинивший меж его стен «Оазис морей» попросту переломился пополам. Говорят, теперь в его корпусе есть настолько широкая брешь, что в нее пролезет даже танкер-водовоз.

– «Говорят»? – хмыкнув, переспросил я. – Значит, сам ты там не бывал и попросту пересказываешь чьи-то сплетни?

– Я же сказал, загрызи тебя пес: эти сведения проверены, – повторил северянин. – А дон Риго-и-Ордас наверняка уже отослал почтовые приказы на восток, чтобы его люди контролировали все ведущие с запада пути. О том, что Дельгадо открыт, знают пока лишь немногие. Стало быть, по нему нам и ехать. И это больше не обсуждается!

Я благоразумно примолк. Что толку спорить, если мы все равно не доберемся до того каньона? А наутро сделал все, как сказал новый хозяин «Гольфстрима»: повернул на северо-восток и повел буксир к предгорьям Срединного хребта. Еще пару дней мы сможем держаться относительно прямого курса. А потом начнутся такие каменные лабиринты, что мне придется на каждой развилке сверяться с Атласом, дабы не заплутать или не угодить в тупик.

Все было бы сто крат проще, двигайся мы как все нормальные перевозчики – от Столпа к Столпу, по накатанным тропам. Однако приказ Сандаварга вынуждал меня прокладывать маршрут через те районы, куда ни один перевозчик не совался без крайней необходимости. Это означало, что имеющиеся у меня карты тамошних территорий могли давно устареть. И резко опустившееся дно каньона Дельгадо, если, конечно, Убби не врал, являлось тому ярким подтверждением.

Я не стал откладывать в долгий ящик идею по возврату на «Гольфстрим» законной власти. Сама революция должна была состояться через пять дней, когда мы уже станем петлять по предгорьям Хребта. А пока ровная и прямая дорога позволяла ненадолго отлучаться от штурвала, мне следовало заняться кое-какой подготовкой. Затем, чтобы грядущий переворот прошел как по маслу и без жертв...

– Извини, что отвлекаю тебя от работы, но мне нужно попасть в трюм, – обратился я наутро следующего дня к Сандаваргу. Убби сидел, прислонившись спиной к борту, и педантично оттирал от грязи щит. Физз теперь постоянно вертелся возле своего почитателя, а не восседал на своем обычном посту – на крыше рубки. Оба выглядели вполне живыми и здоровыми. В том смысле, что никто из них за завтраком не подавился и не издох, как я пожелал им прошлым вечером.

– Какого шелудивого пса тебе там понадобилось? – насторожился северянин, подняв глаза и отложив ветошь. Беспокоился он неспроста. В трюме было сложено все отобранное у нас оружие, и входить туда без спроса нам запрещалось.

– Ты заставил нас выбрать не самый удачный путь, – пояснил я. – На такой дороге в любой момент может случиться поломка. И чтобы быть к ней готовым, мне нужно заранее найти и отобрать все запчасти, какие, вероятно, нам понадобятся. А они после вчерашнего обыска разбросаны по всему трюму в полном беспорядке.

– Ага, я заметил, – понимающе кивнул Сандаварг, после чего поднялся, подошел трюмному люку и, подняв его, указал вниз: – Что ж, давай, полезай, раз надо. Но если притронешься к ящику с оружием – пеняй на себя.

– Физз, ко мне! Быстрой, лежебока, нас ждет работа! – окликнул я варана, чья помощь в темном трюме была мне позарез необходима.

– Херьмо рапота, шхипер! – отозвался тот, не трогаясь с места. – Фисс спать! Ношью рапота! Тай мяса!

– Какое такое мясо среди бела дня?! А ну ко мне, кому говорят! И живо марш в трюм! – состроился я.

– Фисс – сфященный сферь! – просветила меня старая шипучка. – Рапота – херьмо! Шхипер, тай мяса!

– Это что – бунт?! Да как ты смеешь ослушаться своего хозяина! Хочешь, чтобы я вышвырнул тебя за борт посреди хамады?! Хочешь или нет, змеиный сын?! – Я аж побаг-

ровел от злобы. А может, даже позеленел. Определить это наверняка мог лишь Убби, но я, естественно, не стал у него это уточнять.

– Поосторожней с угрозами, Проныра, – не грозно, но настоятельно порекомендовал Сандаварг. – Не советую в моем присутствии оскорблять священного хранителя Чистого Пламени. Тем более который преданно служит тебе всем своим маленьким, но воистину благородным сердцем!

– Хорош служака! – малость остыв, но все еще негодуя заметил я. – Я ж его по-человечески прошу помочь, а он уперся и ни в какую!

– Это все из-за меня, – признался северянин в том, о чем я и без него догадывался. – Хранитель – существо гордое. Один на один с тобой он, возможно, и позволяет понукать собой, как какой-нибудь собачонкой. Но в присутствии владеющего забытым языком Пламени, потомка великих воинов многоуважаемый Физз никогда не потерпит к себе подобное отношение.

– Ах во-о-от оно что! – вытаращив глаза, искренне удивился я. – И впрямь, век живи – век учись! Даже мой отец с дедом, поди, об этом не подозревали! Ну и как теперь прикажешь мне общаться с господином хранителем? Ведь, кроме человеческого языка, другому-то я не обучен.

Убби подошел к разлегшемуся на палубе Физзу, вновь учтиво ему поклонился, а затем, как и вчера, заговорил с ним, так сказать, по-вараны. Тот ответил Сандаваргу коротким шипением, после чего – нет, вы только гляньте! – вальяжно подполз к открытому люку и полез в трюм. На меня ящер даже не посмотрел – очевидно, дал понять, что сделал одолжение не мне, а своему почитателю.

– Я сказал господину Физзу, что ты осознал свою ошибку и впредь будешь уважительно относиться к нему при посторонних, – вкратце перевел мне Убби свой диалог с вараном и уточнил: – *Всех* посторонних, шкипер, а не только тех, кто понимает забытый язык Пламени и чтит его хранителей. Усвой это хорошенько, потому что их великодушие отнюдь не безгранично.

Задумавшись над этой, бесспорно, поучительной историей, я чуть было не запамятовал, зачем на самом деле иду в трюм. А спускался я туда, как вы уже поняли, не только ради наведения порядка. Именно в трюме и должна была зародиться наша грядущая революция. Впрочем, одно другому отнюдь не мешало. И в какой-то степени я был даже рад, что мне наконец-то представился шанс провести ревизию содержимого утробы моего буксира...

В течение последующих двух дней я нырял в трюм, едва выдавалась свободная минутка, доставал наружу те или иные запчасти и складывал их на палубе. Прочее железо я, однако, не рассортировывал, а сваливал в общую кучу. Со скрытым умыслом, разумеется, а вовсе не потому, что уборка мне осточертела.

К некоторым железкам из этой груды я привязывал ярлыки с пометками. Они предназначались для де Бодье, которому предстояло копаться в трюме после меня. Тогда, когда я уже не смогу отлучаться от штурвала, но у Сенатора, напротив, появится больше свободного времени. Ползущий на малой скорости по лабиринтам предгорья «Гольфстрим» не нуждался в частом торможении и ускорении. И потому неусыпное дежурство механика у рычагов там не требовалось. В случае же экстренной остановки я мог попросту соскочить в моторный отсек и сам остановить буксир.

Когда я едва приступил к разбору завала, Убби частенько спускался в трюм вместе со мной, окидывал взором медленно упорядочивающийся хаос, проверял сохранность ящика с оружием и, довольный результатом инспекции, вылезал обратно. На следующий день захватчик посещал трюм уже гораздо реже. И когда начатую мной работу продолжил Сенатор, Сандаварг стал лишь поглядывать за ним время от времени в люк, не сходя с палубы. Мы же

с де Бодье вели себя как ни в чем не бывало и не давали ни малейшего повода усомниться в нашей покладистости.

Малабонита была посвящена в наш замысел вечером того же дня, когда Сандаварг взошел на борт «Гольфстрима». Как кстати, что чужая личная жизнь являлась для северян священным табу. Поэтому я мог быть уверен: Убби не станет подслушивать, о чем я шепчусь ночью в постели со своей женой. Даже если наше интимное перешептывание окажется вовсе не любовным воркованием, а совещанием двух заговорщиков. Вот почему утром Долорес не сочла меня сумасшедшим, когда я отправился наводить уборку в трюме – единственном на «Гольфстриме» месте, где бардак переходил по наследству от Проныры-отца к Проныре-сыну.

Физз и впрямь больше со мной не пререкался и приползал в трюм по первому же требованию. Поклоны хранителю Чистого Пламени я при этом, естественно, не отвечивал, но совет Сандаварга принял к сведению.

– Не возражаешь, если я тебя побеспокою? – спрашивал я у варана всякий раз, когда собирался привлечь его к работе. – Знаю, что я тебе уже надоел, но не будешь ли ты так любезен сойти со мной в трюм еще разок? Не в службу, а в дружбу. Ведь кто еще, кроме тебя, мне там поможет?

– Фисс – сфященный! – напоминал мне обладатель маленького, но благородного сердца. – Шхипер таст сферу мясо. Фисс – рапотать.

– Как пожелаешь, – обреченно вздыхал я и доставал из кармана загодя припасенный ломтик курадо...

Описывать путешествие по отрогам Срединного хребта, конечно, не так скучно, как путь по прямому тысячекилометровому каньону с достающими до небес стенами. Несмотря на плохой обзор и безостановочное петляние меж скальных гряд, странствия по здешним краям обладали своеобразным азартом. Тем самым щекочущим нервы азартом, какой поколесившие по миру и много чего повидавшие на своем веку перевозчики вроде меня с годами утрачивают.

Это в молодости каждый рейс, да еще в неизведанные мной земли, заставлял меня трепетать от радости в предвкушении новых открытий. Теперь все по-другому. И даже в незнакомых местах Атлантики я ощущаю себя так, будто бывал там не раз и не два. И лишь в извилистом лабиринте Хребтовых предгорий, когда понятия не имеешь, на что ты наткнешься за ближайшим поворотом, во мне еще просыпался прежний исследователь. А вместе с ним и ностальгия по ушедшей молодости.

Во что выльется для всех нас очередной поворот штурвала?

Увижу ли я вон за той скалой девственный камнеиловый лес, по которому еще не проехали колеса чьего-нибудь бронеката?

А может, там окажется издолбленный кондорами-костогрызами гигантский скелет кита?

Или того хуже – свернувшийся в клубок, готовый к броску змей-колосс?

Не вылетит ли на нас из-за камней стадо перепуганных рогачей или стая гиен?

А вдруг Атлас солжет и путь нам преградит недавно образовавшийся разлом либо завал?

Также у нас есть вероятность наткнуться на лагерь каких-нибудь бандитов-кочевников, хотя те вряд ли станут отходить так далеко от караванных троп. Лишь имеющие в запасе много воды перевозчики могут порой рискнуть углубиться в эти каменные дебри, где нет ни городов, ни поселков, а вероятность повстречать водоналивной танкер равна нулю.

Вся суровая красота этих мест открывалась нам, когда «Гольфстрим» взбирался на очередную возвышенность. Вот он, истинный лик не только Атлантики, но и, пожалуй, всего остального нынешнего мира: пыльный, серый и растрескавшийся, как лицо иссохшего на

солнцепеке труп. Скальные гряды и разломы изрезали эти земли так, что забреди в них какие-нибудь мифические великаны, они уже через десять шагов переломали бы себе ноги.

Всякий раз, когда мне представлялась возможность окинуть с высоты взором впереди-лежащий путь, я бросался к карте и поспешно проверял, насколько отображенный на ней ландшафт соответствует реальности. И если вдруг обнаруживал какую-либо неточность, вносил в Атлас отметку. О которой, следуя кодексу перевозчиков, мне нужно сообщать каждому встреченному мной собрату; на нашем языке это называлось сверкой Атласов. И когда собранные мной данные дойдут таким образом до коллегии картографов в Аркис-Грандбюле, те занесут их официально в очередное, обновленное издание Атласа.

Шкиперские карты – не истина в последней инстанции. Они чертились еще нашими прадедами и продолжают исправляться и дополняться нами по сей день. И раз уж судьба силком затащила меня сюда, значит, я просто обязан обновить информацию об этом участке предгорий, занесенную в Атлас кем-то из моих предшественников почти полвека назад.

Главной проблемой при бегстве от врагов на бронекате являются, разумеется, его следы, всегда заметные с довольно приличного расстояния. Оставленные на песке, они порой не стираются даже многочасовой бурей. А выщербленные дыры в камнях и просеки в камнеиловых дебрях вообще могут сохраняться годами.

Опытные следопыты – а иные в Кавалькаде не служат – запросто определяют по характерному рисунку шипов, ширине колес и глубине колеи, какому из буксиров принадлежит тот или иной след. И потому я не надеялся на то, что дон Риго-и-Ордас нас потеряет. Впрочем, раз уж мы планировали ему сдать, беспокоиться насчет нашего следа и вовсе нет резона. Все равно кабальеро уже давно известно, кто мы такие и на каком транспорте от них убегаем.

Наутро четвертого дня нашего бегства от Кавалькады Гуго вновь спустился в трюм, а когда вернулся на палубу, подошел ко мне и доложил:

– Уборка закончена, мсье шкипер. Все разложено по местам, кроме ящика мсье Сандаварга, к которому я, согласно вашему приказу, не прикасался. Запчасти с бирками перепроверены дважды. Вы зря беспокоились: бракованных нет.

– Отличная работа, Сенатор, – похвалил я механика. – За ужином можете выделить себе двойную порцию кактусидра.

– Премного благодарен, – кивнул де Бодье и полюбопытствовал: – Будут ли на сегодня еще какие-нибудь дополнительные распоряжения?

– Нет, больше никаких, – ответил я. – Работаем по обычному расписанию. Завтра, если не случится ничего непредвиденного, – тоже.

– Вас понял, – снова кивнул Гуго и пристально посмотрел мне в глаза. Еще бы он меня не понял! Нет в Атлантике такого самоуверенного шкипера, который планировал бы завтрашний распорядок сегодняшним утром. На завтра у нас было намечено пока только одно-единственное дело. И если его вдруг постигнет фиаско, до послезавтра мы можем и не дожить.

Однако попытать счастья все равно стоит. Сколько бы страху ни наводил на нас краснокожий крепыш-коротыш, справиться с ним будет, безусловно, проще, чем с целой Кавалькадой. А уж там как карта ляжет. Надеюсь, утомленный многодневной погоней дон Балтазар сохранит трезвость ума и рассудит по совести, кто из нас ему действительно враг, а кто – лишь невинная жертва трагического стечения обстоятельств...

Глава 5

Денек пообещал выдаться беспокойным с первой же минуты, как только мы позавтракали и тронулись в дальнейший путь.

Взбравшаяся на марсовую площадку Долорес тут же окликнула нас и, указав на юго-запад, сообщила, что надвигается буря. И впрямь, даже с палубы было заметно, что краешек горизонта в той стороне затянут пылью.

Убби довольно хохотнул: буря – хорошо! Если она накроет наших преследователей, это их задержит или вынудит искать убежище в артели Стервятников у Столпа Кейна. Он возвышался у западных ворот одноименного каньона, наезженный путь к которому мы пересекли позавчера в обед. Нуждающаяся в воде и отдыхе Кавалькада не могла пропустить этот поселок и, по нашим расчетам, находилась сейчас либо там, либо поблизости от него.

Мы с Гуго переглянулись. Буря срывала наш план, вынуждая отсрочить грядущий бунт. Даже окажись она не слишком свирепой, двигаться в непогоду по предгорьям Хребта все равно опасно. Заплутать в тучах пыли в скальных лабиринтах проще простого. А стало быть, всем нам так или иначе предстоит спускаться в трюм и пережить стихию.

Вот только нагрянет ли она? Ни одна из примет не указывала на перемену погоды, и это меня озадачило. Поднявшись к Малабоните на марс, я взгляделся в горизонт и вскоре убедился, что сомнения меня не обманули. Пылевое облако не разрасталось – или же делало это очень медленно, – а следовательно, ветер тут был ни при чем. Да и тучи по небу в том краю не ходили. Оно выглядело таким же чистым, как и над нами.

– Больше похоже не на бурю, – уверенно заявил я, спустившись с мачты, – а на то, чего мы давно боимся. И ближайшей ночью, будьте уверены, эта напасть нас настигнет.

– Кавалькада... – мрачно констатировал общеизвестный факт де Бодье. – Но почему так скоро?

– Наверное, не стали задерживаться у Сенегальца, а к Столпу Кейна и вовсе не подъезжали, – предположил я. – Ты осознаешь, Сандаварг, какова теперь наша главная проблема?

– Да, Проньера, – ответил тот и пояснил: – Если помчимся от дона Балтазара во весь опор, встретимся с его армией ночью. Если не будем торопиться, примем бой вечером. Ну а останемся здесь, умоем брата Ярнклота кровью мерзких южан уже в обед. Хотя я предпочел бы подыскать более удачное поле для битвы, уж коли нам ее никак не избежать. Поэтому трогайся в путь, шкипер, а я буду внимательно посматривать по сторонам. И как только найду подходящее место, сразу дам тебе знать. И не вздумай завести бронекат в тупик!

Я забеспокоился: более подходящего момента для революции, чем этот, нам может уже не представиться. И, собравшись с духом, предложил:

– Раз уж ты втягиваешь нас в войну, Убби, тогда, наверное, будет нелишне установить на палубе наше главное орудие, пока на это есть время. «Сморкачи» и «Плаксы», конечно, хорошие штуковины, но с «Блевуном» им не сравниться. Верно я говорю, мсье де Бодье?

– Истинная правда, мсье шкипер, – поддержал меня Гуго, энергично закивав головой. – Как кстати, что те кабальеры откопали нашего «Блевуна» из-под завалов. Кабы не обыск, боюсь, мы про него и не вспомнили бы.

– Что за «Блевун»? – оживился северянин.

– Большая баллестирада, которую я однажды выиграл в кости и с тех пор вожу в трюме среди прочего хлама, – пояснил я. – Держать ее постоянно на палубе нельзя – слишком много места занимает. А продавать – жалко. Штука авторитетная, может когда и пригодиться.

– Вот и пригодилась! – торжествующе пробасил Убби. – Тащите сюда этот стреляющий кусок дерьма!

– Как прикажешь, – пожал я плечами и махнул Сенатору рукой, приглашая его в помощники. Тот пробормотал многозначительно: «Ну вот, дождались!» – и потрусил следом за мной в трюм.

Никакого «Блевуна» там, естественно, и в помине не валялось. Конструкция, которую я так обозвал, являлась всего-навсего имитацией тяжелого орудия, нужной нам для нашей авантюры. Этот грубый макет был сварганен Гуго из предварительно отобранных мной и промаркированных бирками запчастей и лишь отдаленно походил на баллестираду. Окажись она вытащенной на палубу, наш блеф моментально раскроется. Однако его смысл как раз и состоял в том, что мнимый «Блевун» не должен был покинуть утробы буксира.

– Кряхтите громче, *mon ami*, – шепотом наказал я механику, прежде чем мы с ним взялись за громоздкую конструкцию. – Убби обязан поверить, что нам действительно тяжело.

– Не знаю, как вам, мсье Проныра, а мне притворяться не нужно, – также вполголоса отозвался де Бодье. – Эта дрянь и впрямь получилась весьма неподъемной. Я даже боюсь, как бы сам мсье захватчик перед ней не спасовал.

И верно, наше стремление к правдоподобию едва не обернулось против нас же самих. Во мраке трюма отличить бутафорию от оригинала было почти невозможно, но перетаскивание с места на место настоящего «Блевуна» вряд ли отняло бы у нас столько сил.

Мы с Сенатором вцепились с обоих краев в псевдоорудие и начали кантовать его к лестнице с отнюдь не наигранными пыхтением и бранью. Впрочем, спешить нам было некуда. Наоборот, чем дольше мы возились, тем больше иссякало терпение северянина. На что, собственно говоря, мы и уповали.

– Вы что, загрызи вас пес, там уснули? – недовольно любопытствовал Убби, заглянув в трюмный люк спустя пять минут.

– Почти дотащили! – отозвался я дрожащим от натуги голосом. – Еще один рывок, и все! Или, в крайнем случае, два рывка.

– Ну и хилый же вы народ, перевозчики! Гонору полно, а силенок-то чуть! – раздосадованно сплюнул крепыш, когда присмотрелся и понял, что ни одним, ни даже пятью рывками наша работа явно не ограничится. – И как вы собираетесь поднимать своего «Блевуна» по лестнице?

– Думал, ты нам подсобишь, – признался я. – Но если не хочешь, тогда сами как-нибудь справимся.

– Ну да, как же! – снисходительно хохотнул захватчик. – К завтрашнему утру справитесь, если к тому времени пупки не надорвете! Какого пса сразу не сказали, что в этой баллестираде два центнера весу? Уже давно все дружно ее оттуда достали бы!

После чего прыгнул в трюм, отогнал нас с Гуго от конструкции и, ухватив ту посередке, в один присест подтащил ее к лестнице.

– Какая-то она у вас неправильная, – засомневался Сандаварг, приглядевшись к странному «Блевуну» в рассеянных лучах падающего из люка света.

– Уникальная модель, – беззастенчиво солгал я. – Собрана в Гексатурме полвека назад. Согласен, малость старовата. Зато полностью боеспособна и тоже может заряжаться автоматически. Когда в последний раз мы стреляли из нее ради забавы по скелету кита, снаряд пробил навылет китовый череп и на добрых полметра вонзился в торчащую за ним скалу.

– Уверен, мсье, вы в жизни не видывали прежде подобной мощи! – поддакнул де Бодье.

– Ну-ну, – скептически хмыкнул Убби, но оспаривать наши слова не стал.

Столь кропотливо подготавливаемая нами операция вошла в ключевую фазу. Если бы северянин вдруг решил, что вынесет баллестираду на палубу в одиночку и, хуже того, сделал бы это, вся наша революция вмиг отправилась бы псу под хвост. К счастью, захватчик трезво оценил свои силы и не стал даже пытаться строить из себя Геркулеса. Он отыскал среди трюмного хлама широкий ремень из толстой кожи, сплел из него для себя упряжь и

зацепил ее за край тяжеловесного орудия. А затем впрягся в нее и, велев нам подталкивать конструкцию сзади, потянул ту вверх по лестнице.

Такой поворот нас тоже не устраивал. Но мы предвидели подобное развитие событий и, украдкой переглянувшись, начали действовать, как загодя условились. Или, если быть точным, стали натурально валять дурака, но так, чтобы это не выглядело наигранно.

Мы налегали на баллестираду невпопад, кряхтели, спотыкались и толкали не столько ее, сколько друг друга. В итоге я сделал вид, что отдал на руке палец и, заохав, крикнул, что вынужден бросить груз. Сандаварг и де Бодье не рискнули удерживать его на крутой лестнице вдвоем и тоже вместе со мной отпустили «Блевуна». Тот с грохотом скатился вниз, но поскольку мы подняли его всего на три ступеньки, он не развалился и не погнулся.

– Неуклюжие криворукие болваны! – вознегодовал Убби, грохнув в сердцах кулаком по стенке трюма. – И какой идиот назвал вас лучшими перевозчиками Атлантики?! Ни силы, ни сноровки! Только и умеете за свои рычаги дергать! У, чтоб вас!..

– Вообще-то, монтаж тяжелого палубного вооружения принято делать не в дороге, а в городских мастерских, где есть мощные лебедки! – заметил я в свое оправдание. Не от обиды, а исключительно ради пущего правдоподобия.

– Ладно, некогда языками трепать! – рявкнул Сандаварг. И – вот он, момент истины! – наконец предложил то, что нам от него и требовалось: – А ну-ка живо впрягайтесь в ремень, раз не можете удержать «Блевуна» в руках! И если у кого-то из вас вдруг подкосятся ноги, пеняйте на себя!

Поменявшись местами, мы перехватились поудобнее и вновь двинули на штурм лестницы. Петля на ремне была просторной, и я без труда влез в нее на пару с Сенатором. Тащить двухсоткилограммовую конструкцию таким способом стало заметно легче. А для северянина, кажется, вообще не было разницы, толкать ее снизу или буксировать за собой. И та и другая работа оказалась ему одинаково по плечу.

Теперь восхождение пошло плавно и без задержек. Убби сразу подобрел и даже начал напевать себе под нос какой-то боевой гимн. Из всех слов в нем я мог разобрать лишь ругательства, без которых не обходится ни одна песня северян. Сандаварг явно настраивал себя на битву с Кавалькадой. У нас еще имелся мизерный шанс запутать следы, но наемник не шибко на него уповал.

Убби был реалистом, но мы смотрели на жизнь реалистичнее его. Он подверг нас смертельной угрозе ради достижения своей цели, а мы намеревались использовать его, чтобы спасти собственные жизни. Око за око – древнейший принцип справедливости. Так что пусть Сандаварг не обижается на нас, когда дон Балтазар приговорит его к мучительной смерти за убийство своих кабальеро.

Нервы мои были натянуты до предела. А пульс отдавался в висках с такой силой, что возьмись кто-нибудь колотить меня сейчас по голове молотком, я, наверное, этого даже не почувствовал бы.

Гуго переживал не меньшее напряжение, но, стиснув зубы, стойко дожидался моей команды. Вот мы, взмокшие и раскрасневшиеся, мало-помалу подходим к верхнему краю лестницы и по пояс высовываемся из люка. Оглядываться нам ни к чему. И так ясно, что краснокожий ублюдок движется позади, налегая со всей мочи на баллестираду и не имея возможности дотянуться до нас своими ручищами. Не хочется радоваться раньше времени, но, судя по всему, революция, которую мы так педантично готовили, и впрямь вот-вот свершится. Нам остается преодолеть лишь пять ступенек... четыре... три...

– Пора! – отдаю я механику судьбоносную команду. Негромко, практически шепотом. Так, словно боюсь, что если гаркну ее во все горло, то непременно спугну нашу и без того робкую удачу.

Де Бодье прекрасно меня слышит, и мы, ухватившись вдвоем за ремень, рывком сбрасываем с себя нашу упряжь. Одно решительное движение, и буксируемый нами груз срывается с наших плеч, а затем падает вниз, прямо на северянина...

Я оказываюсь на палубе раньше толстяка-механика и, протянув ему руку, вытаскиваю его с лестницы. Мы оба не удерживаемся на ногах и валимся на палубу. Умница Долорес тоже пребывает наготове и, едва мы с Гуго выскакиваем наверх, тут же захлопывает за нами люк. Последнее, что доносится до нас из трюма, это громыханье падающего по ступеням «Блевуна» и свирепая брань очутившегося у него на пути Сандаварга.

– Запирай! – Только теперь я позволяю себе перейти на крик. – Запирай быстрее, Моя Радость!

Малабонита запрыгивает на крышку и хватается за колесо, с помощью которого приводится в действие запорный механизм. Однако не успевает Долорес повернуть маховик, как из трюма на люк обрушивается чудовищный удар. Сила его такова, что сеньора Проныра подсакивает на массивной крышке, как будто сидит не на ней, а на спине необъезженного жеребца. Благо Малабонита крепко держится за запорное колесо, а иначе она отлетела бы в сторону, люк бы распахнулся, и тогда...

– Святой Фидель Гаванский! – в ужасе вопит Долорес, которая вполне осознает, какая ответственность на ней лежит. – Да помогите же мне кто-нибудь! Я его долго не удержу!.. *Hijo de puta!*

Повторный удар оказывается еще страшнее. Я даже успеваю заметить нанесшую его могучую длань, что мелькнула в ненадолго приоткрывшемся проеме люка. Малабонита, демонстрируя чудеса эквилибристики, сумела и на сей раз не слететь со взбесившейся крышки. Которую требовалось срочно запереть и заблокировать, потому что следующий удар может запросто переломить исход этой борьбы не в нашу пользу.

Трудно поверить, но северянину повезло перепрыгнуть через падающую на него конструкцию и, судя по всему, избежать увечий. По крайней мере, тяжких. И теперь он был на нас очень разгневан. При виде того, с каким неистовством краснокожий зверь рвется на свободу, волосы у меня на голове зашевелились, а сбившееся дыхание едва окончательно не перехватило от страха. Непонятно, как мне удалось встать и запрыгнуть на люк, но когда на него обрушился третий удар, мы сдержали и его.

Ухватившись за запорное колесо вдвоем, мы пытаемся его вращать, однако не тут-то было! Несмотря на то что крышка придавлена, ригели замка не попадают в пазы. Странно. Повредить замок голыми руками Сандаварг не мог при всем старании. Тогда в чем же дело?

Все становится ясно, когда я замечаю, как люк медленно, но неумолимо открывается. Проклятый Убби! Вместо того чтобы и дальше отбивать себе кулаки, он взошел на пару ступенек выше, подлез спиной под крышку и, распрямляя ноги, начал ее поднимать. Причем вместе со мной и Малабонитой!

Истинный монстр, честное слово!

– Гуго!!! – в один голос зовем мы разлегшегося на палубе Сенатора. Похоже, он ошибочно подумал, что угроза миновала, и не торопился вставать, решив сначала перевести дух.

Наш крик живо вернул де Бодье в реальность, дав понять, что праздновать победу еще рано. Вмиг позабыв об усталости, механик засуетился, засопел, поднялся на ноги и бросился нам на подмогу.

– Потеснитесь, мадам и мсье! – прокричал он и с разбегу плюхнулся на поспешно освобожденный для него участок люка.

Удержать на горбу возросший вдвое вес Убби уже не сумел. Ноги его подкосились, и все отвоеванное им преимущество моментально сошло на нет. Крышка с лязгом улеглась на место, но северянин все еще стоял на лестнице и не прекращал борьбу.

Ухватившись за другое колесо с внутренней стороны люка, крепыш стал мешать нам его заблокировать. Хотя, конечно, назвать это полноценной борьбой было нельзя. Сандаварг просто-напросто удерживал маховик, а мы не могли повернуть его ни на градус.

Насаженные на одну ось, оба запорных колеса не вращались по отдельности. А их фиксатор имелся лишь изнутри – как раз на случай, чтобы кто-нибудь не запечатал нас в трюме, когда мы прячемся там от опасности. Впрочем, эта проблема решалась уже не грубой силой – или, применительно к нашей ситуации, массой, – а хитростью.

Как гласит одна из поговорок династии Проныр: «Против лома и законов Архимеда нет приема, если у вас нет другого лома и минимальных познаний в теоретической механике». Как раз для этого случая Долорес, пока мы возились с «Блевуном», и подтащила к люку одну из запасных иностальных штанг. Все, что мне нужно было сделать, это лишь протянуть руку, подобрать ломик, вставить его между спиц маховика и подналечь на импровизированный рычаг.

Именно так я и поступил, ухватившись для пущего усилия за самый его конец.

Что-что, а против принципов Архимеда силища Убби оказалась бесполезна. Я сломил его сопротивление буквально за один оборот колеса. И как бы захватчик его ни дергал, остановить вращение запора было уже нельзя. Стоило замочным ригелям войти в пазы, как помощь сидящих на крышке Малабониты и де Бодье стала мне не нужна. Напротив, теперь они лишь мешались под ногами, и я согнал их с люка, дабы не прерывать работу.

Когда же маховик был завернут до упора, я еще дальше затолкал ему в спицы лом, а Гуго надел на него толстую цепь. Другой ее конец Долорес накрепко привязала к мачте, и отныне Сандаварг мог надрываться хоть до посинения – отпереть замок ему было не по зубам. Придуманный нами внешний блокиратор получился громоздким, зато не менее надежным, чем внутренний.

Раздавшийся из-под крышки рев бессильной злобы слился с нашим победным ликованием, которое мы устроили над люком, запертым ценою героических усилий. С этой минуты власть на «Гольфстриме» опять перешла ко мне. И пускай нас и Кавалькаду разделяло всего полдня пути, это не омрачало нашей радости. Мы обзавелись неопровержимым доказательством того, что не имеем ничего общего с врагами Владычицы Льдов. И теперь готовились сдаться Кавалькаде без боя, ибо на войну с ней героизма у нас уже не хватало...

Как и ожидалось, в запертом трюме разразилась настоящая буря. Казалось, еще немного, и под ее напором стотонный буксир начнет раскачиваться из стороны в сторону. Остервенелый Убби разносил все, что подворачивалось ему в темноте под руку. Наведенный нами там порядок не продержался и суток. Обидно, если вспомнить, каких трудов мне стоило рассортировать прежнюю грудку хлама. Новая же, судя по грохоту, должна была стать еще больше – помимо запчастей, северянин, кажется, крушил и полки, на которых они лежали.

А мы в это время культурно отдыхали, устроив в ожидании Кавалькады небольшой пир. Идею провести его подкинула Долорес. Отплясав победный танец на запертом люке, она заметила, что если нам все же не посчастливится угодить в рабство Владычицы Льдов, то было бы неплохо напоследок гульнуть. Не до потери пульса, ведь нам еще предстояли сегодня важные переговоры, а чисто символически.

Предложение Малабониты было встречено с воодушевлением. И впрямь, кто знает, доведется ли нам еще погулять на этом свете. И потому оставшиеся до встречи с доном Балтазаром часы мы решили посвятить вкушению кактусидра. Бочонок с ним, к счастью, был благововременно вынесен из трюма вместе с остальными продуктами и самыми необходимыми запчастями.

Пока мы праздновали и произносили тосты за скорейший и благополучный исход этого рейса, Убби продолжал упорно напоминать о себе, проверяя на прочность стены трюма и наши нервы.

– Зря стараешься, северянин! – попытался я образумить буяна, обратившись к нему через проделанную в палубе узкую отдушину. – Самому тебе оттуда ни в жизнь не выбраться. Корпус «Гольфстрима» рассчитан на атаку взрослого змея-колосса, так что уgomонись и побереги кулаки!

В ответ Сандаварт прорычал все, что он думает обо мне, моем экипаже и всех наших родственниках, вместе взятых. Досталось даже моему прадедушке, о котором я рассказывал вчера за ужином. Бедный Иван Проныра, создатель «Гольфстрима»! Он, поди, и не подозревал, что спустя шестьдесят лет после его смерти кто-то будет склонять его имя в такой уни- зительной форме.

– Ну это ты явно хватил через край! – возмутился я, слушая непрекращающиеся под палубой брань и грохот. – Будь мы и впрямь такими негодьями, разве я оставил бы тебе в трюме воду и припасы? Можешь найти их на полке, как раз над ящиком с оружием... если, конечно, ты ее не разгромил. И вот еще что: будь добр, не долби по люку изнутри чем попало. Замок так все равно не взломать, а вот заклинить его можно. И никто его потом не откроет, пока мы не доберемся до ближайшего клепального цеха. Не думаю, что тебе захочется неделю сидеть во мраке, когда уже через пару часов у тебя появится шанс умереть славной смертью... Что-что? Извини, не расслышал?... Куда-куда нам пойти?... Туда, где темно и полно дерьма? Нет уж, дудки: спускаться к тебе в трюм мы не хотим. Но выпить за то, чтобы тебя казнили быстро и без мучений, не откажемся. Мсье Сенатор! Разливайте, прошу вас, не ждите приказа...

Потоптавшись у входа в темницу северянина, огорченный его отсутствием Физз не придумал ничего лучше, как присоединиться к нашему столу. Однако я все равно пригляды- вал за вараном – мало ли что? А вдруг Убби попросит его на языке Чистого Пламени открыть тайком заблокированный люк? У самого-то ящера ума на это не хватит, но проделать такое с подсказки северянина он теоретически сможет. Что ж, вот и проверим скомпрометировав- шего себя товарища на благонадежность.

Однако часы тикали, а Физз продолжал неотлучно сидеть рядом с нами, хрустеть курадо да вставлять в разговор свои бестолковые потешные реплики. Иными словами, вел себя так, словно между нами не было никакой размолвки. Долорес периодически поднималась на мачту отметить, где находится Кавалькада. С каждым часом пылевое облако стано- вилось все ближе, и к полудню уже не осталось сомнений, что кабальеро движутся по нашим следам и придут сюда сразу после обеда.

Но как же медленно тянется время! И это мучительное ожидание губило все удоволь- ствие от нашего пира. Победная эйфория улетучилась, и хоть бочонок с кактусидром пома- леньку пустел, никто из нас больше не пьянел. Постепенно все разговоры как-то сами собой стихли, и на «Гольфстриме» воцарилась гнетущая тишина. Даже Убби, и тот притих: либо смирился со своей участью, либо замыслил ответное коварство.

Впрочем, что бы он ни задумал, я ни под каким предлогом не собирался открывать трюм до прибытия дона Балтазара. Да и по прибытии кабальеро я не подойду к люку ближе чем на дюжину шагов. Мы свою задачу выполнили и исчерпали наш лимит риска, пожалуй, на месяц вперед. Так что пусть гвардейцы сами выводят северянина из темницы, а наше общение с ним так или иначе подошло к концу.

– У меня дурное предчувствие, *Mio Sol*, – молвила Долорес спустя четверть часа после того, как умолкла беседа и был допит кактусидр. – А ты меня знаешь: если я говорю «быть беде», значит, так оно и будет.

– Очень справедливое замечание, мсье шкипер, – подал голос Гуго. От нечего делать он изучал брошенную северянином амуницию, примериваясь то к брату Ярнклоту, то к Ярн- скиду. Однако мысли Сенатора были сосредоточены сейчас явно не на наших трофеях: – Если мадам Проныра в чем-то и ошибается, то только в своем предвзятом отношении ко

мне. В остальном же интуиция ее редко подводит. Да и мне, сказать по правде, тоже с утра как-то не по себе.

— Прекрасно вас понимаю, — ответил я, хмуро взирая на пыльный юго-запад. — Поди, не каждый день с доном Балтазаром сталкиваемся. Да еще когда он не в духе. Но отступать слишком поздно, так что ничего не поделаешь... Хотя кое-какие меры предосторожности принять не помешает. Уповать на милосердие Владычицы — дело не безнадежное, но не более того. Поэтому давайте-ка поступим так: ты, Моя Радость, возьми простыню почище и вывеси на мачте белый флаг. Пускай гвардейцы видят, что мы не собираемся оказывать сопротивление. А мы с Сенатором пока отгоним «Гольфстрим» на пару километров севернее. Судя по карте, там начинается длинный, пологий спуск. В случае чего он нам поможет. Ну а тебе, дружище Физз, обижайся не обижайся, придется сесть на цепь. И умоляю: помалкивай, ладно? Дон Балтазар, конечно, великодушен, но если ты вдруг обзовешь его дерьмом, боюсь, он не оценит твое изысканное чувство юмора...

Говорят, что если вся Кавалькада выстроится в одну шеренгу, она не размыкая строй запросто окружит Столп. Причем между ним и кольцом оцепления останется еще довольно приличное расстояние. Так оно на самом деле или нет, мы не выяснили. Как оказалось, конная гвардия Владычицы преследовала нас не в полном составе. Кабальеро двигались по предгорьям Хребта группами примерно по полсотни всадников каждая. Расстояние между отрядами сохранялось такое, чтобы пыль от впереди идущих групп не застилала глаза скачущим за ними товарищам. Сколько же всего таких отрядов гналось за нами, мы могли только догадываться. Но их было явно не меньше четырех.

Вывесив белый флаг и установив буксир на склоне носом вниз, мы все же зарядили баллестирады, но при этом демонстративно нацелили их в небо и отошли от орудий. Опускать раньше времени трап тоже не рискнули. Так что если гвардейцы атакуют нас без предупреждения, с ходу им на борт не прорваться.

Приготовившись, мы встали у борта и замерли в ожидании, прислушиваясь к далекому конскому топоту. Поднятая всадниками пыль вздымалась над юго-западным горизонтом грязной, рваной пеленой. Самих кабальеро отделяли от нас скальные гряды, и увидеть авангард Кавалькады мы сможем лишь за минуту-другую до того, как он доберется до «Гольфстрима».

Нарастающий с каждой минутой топот сотен рапидо повергал в смятение и заставлял ежиться от ощущения собственной ничтожности и незащитности. Встречаться с доном Балтазаром не любили даже те, у кого отродясь не возникало разногласий с Владычицей. Бургомистры, поселковые старосты и вожаки Стервятников в ужасе хватались за головы, когда им докладывали о появлении в их краях Кавалькады. И неважно, что приютившему гвардейцев городу или поселку полагалась затем значительная «водная» компенсация всех издержек; их по предъявлении специального ордера погашал шкипер первого же пришедшего с Юга танкера. Кавалькаду боялись, потому что кабальеро не считались ни с чьей властью, кроме той, какой они сами подчинялись. Это давало им право вершить суд где угодно и над кем угодно, руководствуясь лишь собственными понятиями о справедливости.

Во времена, когда на обезвоженной Вседержителями Земле из всех водных запасов остались лишь гренландский и антарктический льды, баланс политических сил в Атлантике определился довольно быстро. Всего за несколько лет весь полярный лед перешел под власть крупных вооруженных группировок. Их могущество лишь укрепилось, когда высохли последние реки, стекающие с обоих Великих плато. Холод и исчезновение Чистого Пламени не позволяли северянам и южанам вести полноценное сельское хозяйство, в то время как в теплой экваториальной зоне земля не могла плодоносить из-за тотального дефицита влаги. Однако настоящего взаимовыгодного сотрудничества Центра с Севером и Югом

все равно не получилось. Условия в этом альянсе закономерно диктовал тот, кто сидел на ледяных горах и контролировал все подходы к ним.

Именно труднодоступность льда и суровый для жителей тропического пояса климат мешали им в массовом порядке переселиться поближе к воде. Выгоднее всего в этом плане устроились южане. Их защищает гигантский Фолклендский разлом, что протянулся вдоль южной пятидесятой параллели через всю Атлантику от Западного Великого плато до Восточного. Он служит естественной и непреодолимой преградой на пути всех желающих отводить себе хотя бы кусочек водоносной Антарктиды у ее нынешних хозяев. Проходы, по которым можно попасть в те холодные земли, охраняют дивизионы боевых бронекатов Владычицы. Они же пропускают и сопровождают все идущие на север и обратно танкеры.

В те годы интересы водяных королей сталкивались лишь на экваторе. Но по мере таяния северной ледовой шапки, что оказалась многократно тоньше, нежели антарктическая, южане планомерно отвоевывали у конкурентов подконтрольные им территории. Чем в итоге все закончилось, ныне известно каждому жителю Атлантики. И теперь она пьет и орошает поля одними лишь тальми водами Антарктиды. Ее тысячелетние ледяные толщи, как заверяли их хозяева, неиссякаемы и тают не так быстро, как богатства канувших в Лету повелителей Арктики. Хотя так оно на самом деле или нет, не ведает никто из простых смертных.

Как не ведаем мы доподлинно и то, принадлежат ли последние льды мира одной лишь Владычице или кто-то еще, столь же ушлый, грызет их с противоположной стороны. Все пути на запад и восток лежат за Фолклендским разломом. Они достигаемы только для перевозчиков, имеющих туда доступ. По доходящим до нас скудным сведениям, на просторах Пацифики и Индианы живут такие же люди, как мы, и дюжина танкеров регулярно навещается туда через проход Дрейка и по равнине Агульяс. Однако, учитывая, что только по одной Атлантике курсирует более двухсот водовозов, напрашивается вывод: власть нашего водного монополиста распространяется на те земли отнюдь не безгранично. Впрочем, это еще не означает, что там нет своих Владычиц и прислуживающих им Кавалькад...

Второй раз за день Долорес помянула святого Фиделя Гаванского, когда из-за ближайших скал показался первый отряд гвардейцев. Даже в таком малом количестве они могли бы обратить в бегство армию любого местечкового правителя, столкнись кабальеро с ней в чистом поле. Полсотни отборных, хорошо вооруженных вояк на быстрых рапидо окружили «Гольфстрим», словно песчаный оползень – торчащий у него на пути валун. И не успели они осадить коней, как нашим взорам предстал следующий отряд, нарисовавшийся из соседнего ущелья. Он сразу же смешался с авангардом, после чего вокруг буксира стало и вовсе не протолкнуться от запыленных, хмурых всадников в черных шляпах и легких кожаных доспехах. И почти каждый из них вел за собой в поводу второго скакуна, груженного нехитрым солдатским скарбом.

Сколько всего отрядов предстало пред наши очи, мы не выяснили. Едва я высмотрел среди кабальеро дон Риего-и-Ордаса, как моментально забросил все подсчеты и стал следить только за ним. Он прибыл со второй группой, и если бы не пыль, облепившая и кабальеро и лошадей с ног до головы, я заметил бы его гораздо раньше. А так мы обнаружили его лишь тогда, когда его ординарцы начали кричать, приказывая всадникам расступиться и дать дорогу своему команданте.

Мельтешащая серая масса, какой являлась сейчас запыленная Кавалькада, раздалась в стороны, образовав живой коридор. На одном его конце восседал на коне дон Балтазар, другой конец выходил прямоком к «Гольфстриму». Было шумно, поскольку гвардейцы все еще подтягивались к бронекату. Но с каждой минутой топот, крики и конское ржание понемногу стихали. Возле команданте махом собралось полдесятка офицеров, и после короткого совещания один из них выдвинулся в нашу сторону.

Я отметил, что сеньор Риего-и-Ордас и впрямь так отважен, как о нем толкуют. Будь сейчас в руках Малабониты ее дальнобойный лук, она могла бы без труда попасть из него в посланника Владычицы. Но тот, похоже, не опасался с нашей стороны подобного злодейства и не прятался за спинами кабальеро, когда враг размахивал перед ним белым флагом.

Первым делом я вкратце объяснил парламентару, как нас угораздило во все это ввязаться и почему мы рассчитываем на милосердие его сеньора. После чего попросил передать ему наши глубочайшие извинения и заверение, что отныне я и мой экипаж находимся всецело в его распоряжении.

Посыльный молча выслушал наши оправдания, затем так же молча развернул коня и поскакал обратно. Я утер со лба пот и облегченно выдохнул. Нас не расстреляли из пистолетов и дали высказаться. Добрый знак, и лично меня такое начало переговоров вполне устраивало.

Пока я отрещивался от злодеяний Убби и рассыпался в извинениях, дон Балтазар стряхнул со шляпы пыль, обмел щеткой доспехи и умылся из горлышка подставленной ординарцем фляги. И когда вернувшийся парламентар приступил к докладу, команданте слушал его, вытирая платком лицо, шею и руки. Потом он взялся молча сверлить нас своим суровым взглядом и через полминуты отправил к нам офицера с новым распоряжением.

– Опустите трап! – приказал тот, осаживая коня у колеса бронеката. – И готовьтесь принять на борт полномочного посланника королевы Юга, первого кавалера ордена Закона и Порядка, дона Балтазара Риего-и-Ордаса!

– Почтем за великую честь! – раскланялся я и поспешил к управляющей трапом лебедке.

Первыми на «Гольфстрим» поднялись не команданте с офицерами, а десять спешившихся гвардейцев. Все – с обнаженными шпагами и взведенными пистолетами в руках. Мы выстроились перед трапом для встречи высокого гостя, но нам было велено отступить и встать у борта, подальше от орудий и лицом к солнцу, дабы оно слепило нам глаза.

Кабальеро шустро обежали палубу, заглянули в рубку и моторный отсек, где был посажен на цепь Физз, осмотрели запертый вход в тюрьму Сандаварга, а также сунули носы во все подозрительные ящики и ниши, не поленившись залезть даже на марсовую площадку. Баллестирады были сразу же разряжены, а братья Ярнклот и Ярнскид убраны в контейнер с запчастями. Вряд ли, конечно, инспектора всерьез опасались, что я или Гуго бросимся на дона Балтазара с пудовым кистенем. Но мнительные кабальеро все равно решили оградить нас от такого искушения.

Да, недолго довелось мне снова похозяйничать на «Гольфстриме». И хоть взошедший на него важный гость пока не проронил ни слова, он вел себя так, словно это мы были здесь гостями, причем незваными. Командующий инспекторами капрал наказал нам, чтобы при встрече с доном Риего-и-Ордасом мы стояли смирно и помалкивали, пока он сам к нам не обратится. А когда обратится – не юлили и отвечали только по существу. Что, в общем-то, я намеревался делать и без подсказки. Обманывать кавалера ордена Закона и Порядка у меня и в мыслях не было.

Дон Балтазар был еще отнюдь не стар, и на глаз я бы дал ему не больше пятидесяти. Однако, в отличие от его ровесника Гуго, это были именно те «пятьдесят», какие хотел бы пожелать себе каждый не утративший любви к жизни мужчина. Чуток полноватый, но осанистый, крепко сбитый и полный сил команданте смотрел на нас так, что у меня невольно возник вопрос: зачем человеку с таким стальным и пронизывающим насквозь взглядом носить с собой еще и шпагу? Которая, если верить ходящим по свету о ее хозяине байкам, спроводила в загробный мир немало народу.

На морщинистом и обветренном лице главного кабальеро не отражалось даже тени эмоций. Я и не ожидал, что он обрадуется нашей встрече, но и признаков гнева у сеньора

Риего-и-Ордаса тоже не замечалось. Хорошо это для нас или плохо? Поди-ка разберись. Я вон тоже могу сохранять невозмутимость, перерезая глотку подстреленному на охоте рогачу. А чем еще, как не охотой, занимался всю последнюю неделю дон Балтазар?

– Выкладывайте все, что мне необходимо знать, – молвил он, важно встав напротив нас и положив руку на эфес шпаги. – Итак, я весь внимание.

Памятуя наказ капрала и древнюю истину о том, что повинную голову меч не сечет, я как на духу поведал команданте все, о чем собирался. Не забыв, разумеется, рассказать и о поимке нами убийцы шестерых благородных кабальеро, который держал нас потом в заложниках почти пять дней. В течение моего рассказа притихший пару часов назад Убби смекнул, что творится на палубе, и снова разбушевался. Чем, сам того не желая, мне подыграл, подтвердив правоту моих слов.

«Давай-давай, краснокожий! – мысленно подбодрил я нашего свирепого узника. – Порезвись напоследок. Сделай приятное и себе, и нам. И если мы выберемся-таки отсюда живыми, клянусь непременно выпить за упокой твоей неугомонной души!»

– Как любопытно, – разгладив пальцами усы, заметил дон Риего-и-Ордас, когда я наконец примолк. – Давненько не слышал подобных занимательных баек. И ведь, действительно, все настолько складно, что не придерешься. Разве лишь одна деталь в твоей истории, шкипер, не укладывается у меня в голове. Посланные мной к Нэрскому Столпу дон Торрес и его кабальеро были слишком опытными бойцами, чтобы дать себя прикончить какому-то варвару-одиночке. С которым затем – вот так оказия! – запросто расправилась команда обычного буксира! Занятно: северянин не оплошал в бою против шестерых гвардейцев, но попал впросак, клюнув на уловку простых перевозчиков. Ответь, неужели в нашем мире и впрямь возможны такие немыслимые чудеса?

Я как чуял, что сделанная мной повторная ставка на правду опять окажется проигрышной! И что за недоверчивый народ служит в Кавалькаде! А вот соври я, к примеру, что напавших на дону Торреса варваров было видимо-невидимо и что только один из них в том бою выжил, как пить дать команданте мне поверил бы! Мало ли что он не нашел на месте того побоища ни одного вражеского трупа! Главное, эта махровая ложь не противоречила бы представлениям дона Балтазара о доблести его кабальеро.

– Этот варвар... Убби Сандаварг... он налетел на ваших бойцов из засады словно бешеный зверь и не дал им ни малейшего шанса. – Мне предоставили последнюю попытку оправдаться, и я не мог ею не воспользоваться. – Преклоняюсь перед отвагой дону Торреса, но он и его люди просто-напросто стали жертвами чудовищного коварства. Северянин сразу же навязал им бесчестный бой, а уж он-то, поверьте, в этом большой мастер. Да вы и сами убедитесь, насколько он дик и безрассуден, когда вытащите его из трюма.

– Безусловно, шкипер, именно так я сейчас и поступлю, – согласился дон Риего-и-Ордас, однако изменившийся тон его голоса мне очень не понравился. – Но сначала выслушайте мою правду о том, что произошло пять дней назад на Нэрской равнине. И хоть я не присутствовал при убийстве дону Торреса, могу поспорить: в моей короткой истории будет гораздо больше реализма, нежели в вашей, пространной и чересчур удивительной...

Я ощутил, как внутри у меня все холодеет, а ноги становятся ватными. Стоящего рядом Гуго прошиб крупный пот, но бьющее нам в глаза солнце было здесь явно ни при чем. Малабонита нахохлилась, настороженно прищурилась и прикусила губу. История дону Балтазара еще не началась, но каждый из нас фактически уже знал, какой она будет. И, что самое страшное, – кем будем в ней мы – трое бедолаг, невольно втянутых в совершенно чужую войну.

– Так вот, слушайте, как на самом деле погиб храбрый дон Торрес и его люди, – продолжал команданте. – Бесспорно, их прикончил варвар. Однако прикончил не в одиночку, а в компании со своими приятелями. Точнее, теперь уже бывшими приятелями. Разумеется, я имею в виду вас – жалких и алчных трусов, которые до этого прикончили Томаса Макфер-

сона, узнав, каким бесценным сокровищем он обладает. И когда ваша гнусная банда столкнулась с кабальеро дона Торреса, вам повезло отвлечь их внимание, и они, на свою беду, проморгали выскочившего из засады убийцу. Хотя, уверен, вы тоже успели нанести удар в спину кому-нибудь из наших товарищей. Однако вы не учли одного – того, что не пройдет и недели, как мы найдем ублюдков, совершивших это дерзкое преступление. И когда сегодня утром вы увидели на горизонте настигающее вас возмездие, ваша троица перепугалась и задумала свалить всю вину на варвара, сделав его своим козлом отпущения, а сама остаться не при делах. Поэтому неудивительно, что преданный вами подельник впал в такую безумную ярость.

И дон Балтазар указал на содрогающийся под могучими ударами Убби трюмный люк.

Наверное, мне стоило изобразить сейчас донельзя оскорбленную невинность. И, рванув на груди рубаху, поклясться самыми страшными клятвами, что мы не лжецы и все рассказанное нами – сущая правда до последнего слова. Или я должен был пасть на колени и лобызать команданте сапоги, слезно умоляя смириться над нами и не отнимать наши жизни? А может, надо было выпросить у него шанс искупить наши грехи любой повинностью, какую только возложит на нас сеньор Балтазар?

Не знаю, не знаю... Возможно, какой-нибудь из этих способов и впрямь помог бы вымолить прощение у посланника Владычицы. Но мы как застыли от ужаса после всего сказанного им, так и стояли истуканами, будучи не в силах вымолвить ни слова.

– Вы заблуждаетесь, сеньор, – наконец заговорил я, совершенно не узнавая собственного голоса. Вылетающие из моего пересохшего горла звуки больше походили на предсмертные хрипы висельника, чем на речь пока еще живого человека. – Из всех беззаконий, какими вы нас попрекаете, мы виновны только в бегстве с места преступления. Но ведь мы бежали не по своей воле, а под угрозой насилия! Иной вины за нами нет, а тем более вины в чьей-либо смерти. Я всегда был наслышан о вас как о справедливом человеке, но сегодня, обвиняя нас в пособничестве вашим врагам, вы допускаете чудовищную ошибку. Именно ошибку, уверяю вас, сеньор...

Однако мои слова канули в пустоту. Дон Балтазар не дослушал, а с демонстративным равнодушием отвернулся и, оставив нас, подошел ко входу в трюм.

– Принесите сеть, – вполголоса, дабы не услышал пленник, приказал он, не сводя глаз с опутанной цепью крышки. – И пришлите сюда еще людей. Надо непременно взять варвара живым. Прежде чем он издохнет, хочу задать ему несколько вопросов. Любопытно, откуда прибыл этот краснокожий монстр и кто его сюда послал.

Ординарцы, придерживая шляпы, бросились не мешкая выполнять распоряжение. Команданте постоял еще немного возле люка и неторопливо зашагал к трапу. На лице главного кабальеро лежала печать глубокой, усталой задумчивости. Но раздумывал он явно не о нашей участи, которая, судя по всему, была им уже решена.

– Прошу прощения, сеньор! – окликнул его капрал, оставшийся на палубе вместе с тремя гвардейцами – одними из тех, кто обыскивал «Гольфстрим» перед приходом вершителя наших судеб.

Сошедший с трапа дон Балтазар встрепенулся и обернулся.

– Разрешите осведомиться, сеньор? – обратился к нему капрал. Команданте молча кивнул. – Вы не оставили распоряжений, поэтому хотелось бы узнать, как нам поступить с командой бронеката.

– Ах да, эти трусливые псы... – словно бы нехотя вспомнил дон Риго-и-Ордас. – К счастью, у нас есть, кем их заменить, и мне они больше не нужны. Убейте их, Уртадо, и выбросьте тела за борт. Пусть кости шакалов обглаживают другие шакалы. Это единственная справедливость, какую они могут у меня выклянчить...

Глава 6

Как говаривал некогда известный на всю Атлантику неуловимый грабитель караванов Халил Ибн Рази, если тебя приговорили к смерти, это вовсе не значит, что ты уже мертв. Что он блестяще и доказал на собственном примере. Получив заочные смертные приговоры от властей двадцати городов, Ибн Рази еще добрый десяток лет преспокойно творил свои бесчинства, пока не погиб нелепой смертью, отравившись прокисшим кактусидром.

Нам, конечно, старушка-смерть не собиралась давать такую солидную фору. Едва дон Балтазар решил нашу участь, как капрал Уртадо подал знак трем своим бойцам, и все четверо разом схватились за шпаги, не желая, видимо, стрелять в нас из слишком долго перезаряжающихся пистолетов. После чего привычный мир Еремея Проныры Третьего рухнул до основания и больше никогда не возродился в прежнее состояние...

Именно зловещее «вз-з-зынь!» выхваченных из ножен клинков и блеснувшее на них солнце вывели меня из ступора. А паническая мысль о том, что через три секунды всем нам выпустят кишки, подтолкнула к действиям. Вытаращившись расширенными от ужаса глазами на обнаженные шпаги гвардейцев, я резко вдохнул полной грудью и что есть духу проорал:

– Физз, ко мне!!! Ко мне-е-е-е!!!

И Физз, мой старый друг, которого я совершенно несправедливо заподозрил в измене, бросился на мой отчаянный призыв так быстро, как только смог. Бросился невзирая на то, что был посажен на цепь и наверняка знал – сорваться с нее ему не удастся. А если и удастся, что мог сделать не крупный ящер, даже обладающий толстой чешуей и острыми зубами, против четырех гвардейцев со шпагами?

Я не сомневался: храбрости ему не занимать и, если нужно, он без колебаний пожертвует ради нас своей жизнью. Впрочем, сейчас мне требовалось от варана нечто менее возвышенное и более практичное, чем героическое самопожертвование. А конкретно: всего один сильный рывок. Примерно такой, какой неоднократно проделывал на моих глазах Физз, ловя пастью бабочек и колибри. Ради этого рывка он и был привязан в моторном отсеке, а не где-то еще. И привязан не к чему попало, а за стартовый рычаг Неутомимого Трудяги.

Это и была моя подстраховка на случай, если наша встреча с Кавалькадой обернется провалом. Остановленный на уклоне «Гольфстрим» не мог вызвать у дона Балтазара подозрения. Все без исключения перевозчики предпочитали ставить груженные бронекаты именно так, поскольку это ускоряло последующий старт. Однако ни один наш брат не стал бы трогаться с места сразу на второй передаче без крайней нужды. Конечно, со стороны это смотрелось эффектно, когда стальной монстр бросался вперед, выбрасывая из-под колес фонтаны земли. Но ничего хорошего любовь к подобному куражу не сулила. Велика была вероятность повредить трансмиссию, нарушить укладку груза и просто расшибить себе лоб, не устояв на ногах при таком рывке.

Вот только боялся ли я в настоящий момент всех этих бед? Мы топтались безоружными напротив четырех кабальеро, и жить нам оставались считанные секунды. Однако ни Физз, ни «Гольфстрим» нас не подвели. Варан прекрасно справился со своей задачей, а поставленные заблаговременно на вторую передачу, шестерни коробки скоростей не рассыпались при резком старте, хотя для нашего старичка-буксира такие выкрутасы были давно противопоказаны.

Я не видел отсюда привязанного в моторном отсеке ящера. Но раздавшийся под брюхом бронеката скрежет и удар сцепившихся между собой огромных шестерней подтвердил, что Физз меня расслышал. А все, что последовало вслед за ударом, стало для наших врагов

неприятным сюрпризом. Вместо того чтобы пустить нам кровь, гвардейцы попадали с ног и с воплями покатались кубарем по палубе мимо нас, трюмного люка и мачты.

То же самое, по идее, должно было случиться с нами. Но, во-первых, мы были готовы к толчку и успели ухватиться за борт, а во-вторых, годы жизни на шаткой палубе бронеката – это о чем-то да говорит. И опыт наездников, способных сутки напролет проводить в седле галопирующего рапидо, здесь был для кабальеро не помощник. А рванувший с места «Гольфстрим» взметнул из-под колес шквал пыли и камней, щедро обдал ими окруживших нас гвардейцев и помчался вниз по склону, разгоняясь все быстрее и быстрее.

И это было только начало разразившегося затем вокруг нас кровавого хаоса...

Гвардейцы не сомневались, что мы схвачены, и потому без опаски разъезжали перед бронекатом, даже не подозревая, что он может внезапно взять и покатиться с горы. Сколько всадников вместе с лошадьми угодило под колеса, пока кабальеро не сообразили, что стряслось, и не пришпорили рапидо, убираясь с нашего пути? Если судить по испуганному конскому ржанию, жутким воплям и хрустяще-чавкающим звукам, жертв оказалось не меньше десятка. Мне было недосуг пялиться по сторонам, но я не мог не заметить, как колесные шипы моментально окрасились кровью и покрылись ошметками человеческой и конской плоти. Несколько секунд, и по количеству отнятых гвардейских душ я сравнялся, а может, даже превзошел Убби Сандаварга. Какая, право слово, чудовищная гримаса фортуны! Но куда деваться? Выбор невелик: или мы – их, или они – нас.

Носиться по наклонной палубе нам тоже было не впервой. Пока свалившиеся на нос буксира кабальеро подбирали оброненные шпаги и пистолеты, нам предстояло сделать кое-что важное, раз уж мы твердо решили не дать себя прикончить. Склон, по которому катился буксир, не изобиловал поворотами и серьезными препятствиями, поэтому неотлучное мое присутствие у штурвала не требовалось. Крикнув Гуго, чтобы он бежал к себе в отсек – боец из де Бодье был аховый, а вот переключить надсадно воющую коробку скоростей на повышенную передачу сейчас не помешало бы, – мы с Малабонитой метнулись к лебедке. Поднять трап следовало во что бы то ни стало. У кабальеро хватит ловкости вскочить по нему на борт даже верхом на лошадях. Что эти ублюдки и собирались вот-вот предпринять. Из учиненного нами хаоса и толкотни уже выделилось несколько всадников, чьи намерения прорваться на «Гольфстрим» были более чем очевидны.

Подъем сходней занимал примерно полминуты, и за это время один сноровистый гвардеец решил показать нам свое мастерство джигитовки. Когда трап закрылся всего на треть, этот кабальеро подвел под него своего рапидо, затем быстро взобрался на седло с ногами и, балансируя на галопирующем коне, ухватился за лебедочную цепь. После чего повис на ней, а конь помчался дальше без седока.

Ему оставалось лишь прошмыгнуть в сужающуюся щель между трапом и бортом и, выхватив шпагу, атаковать ближайшего противника. То есть меня. Однако не успел прыгун выпустить из пальцев цепь, как ему в лицо со всего маху врезался конец длинной штанги, лежащей доселе поблизости в штабеле запчастей. Вовремя завидев угрозу, Долорес схватила первое подвернувшееся ей под руку оружие и одним ударом вышибла кабальеро половину зубов. Тот сорвался с цепи и, кувыркаясь, полетел наземь. Где удача в последний миг все же улыбнулась акробату, чудом не дав ему угодить под колесо бронеката.

Трап поднялся, отрезав врагам путь на «Гольфстрим» и оставив нас наедине с четырьмя разъяренными гвардейцами. Они уже стояли на ногах и, стараясь удержать равновесие, начали взбираться вверх по наклонной палубе. Дотянуться до нас шпагами они еще не могли, а вот пристрелить из пистолетов – запросто. Так что даже неприцельные выстрелы кабальеро представляли для нас большую угрозу.

– Прячься, дура! – крикнул я Малабоните. Войдя в раж, она метнула в гвардейцев свое импровизированное копьё и, ни в кого не попав, кинулась было к штабелю запчастей за

новым. Однако я грубо схватил Долорес за руку и потянул в противоположную сторону – к мачте. Только за ней мы могли худо-бедно укрыться от выстрелов.

Я ожидал, что они посыплются на нас дождем, но в мачту ударила всего пара пуль, после чего Уртадо велел своим бойцам прекратить стрельбу.

– Бить только по цели! – криком предупредил он их, пока те не израсходовали впустую оставшиеся пули, коих у них в запасе было не так уж много. – Вперед, *compaceros*, прикончим этих мерзавцев, как приказал команданте!

– Вот паскудство! – выругался я, осторожно выглядывая из-за укрытия. Гвардейцы, попрятав пока шпаги в ножны и взяв пистолеты на изготовку, осторожно, шаг за шагом, шли в наступление. – Не подстрелят, так зарубят! Не эти, так те!

Я указал на скачущих за «Гольфстримом» всадников. Судя по грозному конскому топоту и вздымающемуся за нами шлейфу пыли, дон Риего-и-Ордас бросил в погоню всю свою армию. Хороший переполох мы учинили, слов нет.

– Надо открыть люк! – предложила Малабонита. – Глупо держать взаперти такое оружие, когда оно нам позарез необходимо.

– Да ты в своем уме, женщина?! – ужаснулся я. – Мы четыре дня заманивали это чудовище в трюм и едва не погибли, запирая его там! Как думаешь, кого оно сожрет первым, когда вырвется наружу: нас – предателей – или вон тех ни в чем не повинных перед ним парней?

– Тогда иди и бейся с гвардейцами сам, голыми руками, как истинный герой! – оскорбилась Долорес. – Раз брезгуешь советами женщины, значит, защищай ее и погибни, чтобы она тобой гордилась!

– Ишь чего удумала! Где ты тут, скажи на милость, нашла героя, а? Не было отродясь среди Проныр таких дураков и не будет!.. Ну ладно-ладно, твоя взяла! – сдался я под напором непреодолимых обстоятельств. – Только не говори потом, что я тебя не предупреждал! – И, сложив ладони рупором, прокричал: – Сенатор! Как меня слышите?!

– Отлично слышу, мсье шкипер! – откликнулся тот из недостигаемого для стрелков моторного отсека. – Я на месте! Жду дальнейших приказов!

– Дайте схему «Три-четыре-три»! – распорядился я. – И поскорее, прошу вас!

– Будет исполнено, мсье! – заверил меня Гуго. – Схема «Три-четыре-три»! Один момент! Приготовьтесь!

Кабальеро тоже услышали это предупреждение и замерли на месте, пытаясь сообразить, что сейчас произойдет. Болваны! Им бы не торчать посреди палубы, хлопая глазами, а хвататься поскорее за борта, пока не поздно. Вот что значит не иметь опыта путешествий с перевозчиками! Любой, кто прошел с нами по хамадам хотя бы один рейс, накрепко усваивает, что обычно следует за подобными командами.

В данный момент бронекат слишком сильно разогнал на третьей скорости и не мог резко перейти на вторую. Вот почему я приказал механику дать ненадолго четвертую, чтобы последующее кратковременное торможение не повредило трансмиссию. Ну а зачем я решил так поступить, надеюсь, объяснять не надо.

Уртадо и его бойцы еще толком не оправались после первого падения, как Гуго устроил им второе, столь же малоприятное. Стотонный «Гольфстрим» дернулся, и четверка кабальеро, задрав ноги, снова покатила туда, откуда только что пришла. А мы с Долорес выиграли несколько секунд, в течение которых могли делать свои дела, не опасаясь нарваться на пули.

Времени было крайне мало, и мы предпочли распорядиться им разумно. Поэтому рванули не к люку, а к ящику с запчастями. Долго копаться в нем не потребовалось – спрятанное туда капралом оружие северянина лежало сверху. Подняв щит, тоже весивший не меньше пуда, я закрыл им одновременно и себя и Долорес. Именно ей предстояло освободить плен-

ника, пока мы с братом Ярнскидом будем оберегать ее от выстрелов. А дабы Сандаваргу не пришлось потом бежать за кистенем, Малабонита прихватила его с собой и, намотав на руку цепь, с грохотом поволокла шипастое ядро по палубе.

Обремененные увесистой ношей, мы дотащились до входа в трюм, когда кабальеро вновь вскинули пистолеты и начали проверять наш щит на прочность. Я не особо переживал на сей счет, поскольку уже знал, что брат Ярнскид непроницаем для пуль. Они загремели по его выпуклой поверхности и отскочили рикошетом куда попало, не оставив на ней ни дыр, ни вмятин. Судя по количеству ударов, кабальеро истратили на нас все заряды и теперь могли полагаться только на свои шпаги. Я глянул в смотровую щель: так и есть. Уртадо со товарищи отбросили разряженные пистолеты и, разделившись по двое, шли в атаку вдоль бортов с явным нежеланием больше падать на палубу.

– Скорее, Моя Радость! – поторопил я Долорес. Она уже освободила люк от цепи и лома и сейчас вращала колесо запорного механизма. У меня в голове мелькнула мысль, что если Убби вдруг надумает помешать нам открыть крышку, мы окажемся в совершенно дурацком положении. А я, чего греха таить, на месте северянина так и поступил бы. Затем, чтобы жестоко наказать гнусных предателей, какими бы благими мотивами они там ни руководствовались.

На нашу удачу, Сандаварг не намеревался отсиживаться в трюме, поскольку давно рвался в драку. Едва замок, щелкнув, открылся, как крышка моментально распахнулась, причем уже без вмешательства Малабониты. Не успев отскочить, она была отброшена в сторону с легкостью, с какой я согнал бы со стола кошку. Я в этот момент следил за гвардейцами и когда, заслышав шум, обернулся, крепыш-коротыш уже стоял передо мной с такой свирепой физиономией, что наложи я при виде нее в штаны, даже для меня это было бы вполне простительно.

К счастью, наша новая встреча с Убби обошлась без подобных конфузов. Его и без того жуткий облик усугубляла свежая ссадина на лбу, которую он получил, вероятно, при резком старте «Гольфстрима». Кровь заливала северянину лицо и попадала в рот, но ему хотелось испить явно не своей крови, а моей. И он наверняка пустил бы ее, продлись наше противостояние чуть дольше. Но я быстро пришел в себя и, пока покинувший темницу узник щурился от яркого солнца, всучил ему в одну руку щит, а в другую – цепь, к которой был привязан брат Ярнклот. А затем бросился к Долорес, чтобы помочь ей подняться.

– Позже потолкуем! – не оборачиваясь, крикнул я Сандаваргу, слегка ошалелому от внезапной встречи со своими иностальными братьями. – А ты пока иди очисти палубу! Да поаккуратней маши гирей – здесь полным-полно сложных механизмов!..

– Хэйл, Эйнар, Бьорн и Родериг! Хэйл, Убби Сандаварг! Стой, где стоишь! Мое слово!..

Вот уж не думал, что обрадуюсь, когда снова заслышу этот безумный боевой клич. И хоть, по большому счету, радоваться нам пока было рано – или, что вероятнее, уже безнадежно поздно, – появление на палубе воюющего за нас профессионального головореза меня воодушевило. Да и появился он весьма своевременно. Спуск, по которому катился «Гольфстрим», заканчивался, и мне нужно было срочно бежать в рубку, к штурвалу. Только в постоянном движении заключалось сейчас наше спасение. Врежься неуправляемый бронекат во что-нибудь и остановись, Кавалькада накинется на нас, как стая гиен на охромевшего рогача.

Кабальеро разрядили наши баллестирады, но тяжелые ящики со снарядами так и остались лежать возле орудий. И теперь им тоже предстояло вступить в дело. Долорес неплохо обращалась и с «Плаксой», и со «Сморкачом», поэтому я мог отправить ее на любую боевую позицию. В настоящий момент место стрелка было на корме. Лишь оттуда, со стороны прицепа, мы продолжали оставаться уязвимыми.

Кавалькада неслась за нами лавой – кажется, так называется кавалерийский порядок, когда всадники пытаются охватить противника с флангов? – но, наученная горьким опытом,

не приближалась вплотную к буксиру. Гвардейцы опасались угодить под колеса, если я внезапно крутану штурвал влево или вправо. И хоть у «Гольфстрима» вряд ли это получится – разогнавшаяся стотонная махина попросту не способна на такие виражи, – дон Риго-и-Ордас предпочитал не рисковать жизнями своих *compaceros*. Он и без того, поди, скрежетал сейчас зубами от ярости. Мыслимое ли дело: какие-то жалкие, трусливые перевозчики умудрились прикончить дюжину матерых солдат, в буквальном смысле перемолов их в фарш!

Высокие борта и огромные колеса надежно защищали нас от попыток вторжения, подобного тому, какое предпринял неудачливый акробат-кабальеро. Впрочем, эти лихие ребята могли запросто взобраться на трейлер прямо на скаку. А с трейлера по сцепке можно было перелезть и на бронекат. Обычно так поступали те глупые и самоуверенные грабители, о которых я недавно упоминал. Это же наверняка планировали сделать и гвардейцы, приближившиеся к заднему борту прицепа. Однако не верилось, что кабальеро способны угодить впросак, словно неопытные любители легкой наживы. Судя по их уверенности, они знали, как им защититься от наших баллестирад. Я разгадать их хитрость пока не мог, и это меня здорово тревожило.

Нажав на взводную педаль, Малабонита отработанным движением натянула тетиву на кормовой «Плаксе», зарядила ее и разложила еще пару десятков болтов на лотке их автоматической подачи. После чего, нервно поджав губы, стала ждать, когда на крыше трейлера появится первая цель. Расстреливать скачущих по обе стороны буксира всадников было непрактично, пусть они и находились в пределах досягаемости «Плаксы». Тратить снаряды следовало лишь на тех кабальеро, которые представляли для нас явную угрозу и приближались на расстояние прямого выстрела. Конечно, мы не забыли пополнить в Аркис-Сантьяго комплект болтов, но кабы я знал, что спустя неделю за нами будет гнаться Кавалькада, то закупил бы столько боеприпасов, что на бронекате не осталось бы свободного места.

Между тем вновь вдохнувший воздух свободы Убби взялся за очистку «Гольфстрима» от кабальеро со всем присущим ему энтузиазмом. В отличие от Гуго и Долорес, со шкиперского мостика я превосходно видел все, что творится на носу буксира. Склон, по которому мы мчались, становился положе, и палуба начала понемногу выравниваться. И чем больше она выравнивалась, тем все увереннее ощущали себя гвардейцы. Вдобавок к шпагам в свободных руках у них появились кинжалы-даги – трехгранные, с мощной крестовиной и пригодные как для защиты, так и для внезапной контратаки. С помощью даг фехтовальщики увеличивали свои шансы нанести противнику смертельный удар, когда северянин повернется к ним незащищенным боком. В качестве же защиты от кистеня у них имелись их быстрые ноги и отменная реакция. Хватит ли им этого для победы? Что ж, проживем – увидим. Или, вернее, подеремся – оценим.

Я подумал, что Сандаварг вступит в бой так же, как у Нэрского Столпа: накинется на кабальеро и, ошеломя тех своим натиском, начнет гонять их от борта к борту, не позволяя скоординировать атаку. Но на сей раз северянин повел себя не в пример сдержаннее. Он прикрылся щитом и укоротил цепь кистеня так, что теперь он едва доставал до палубы. Вряд ли Убби внял моей просьбе побережь от брата Ярнклота бортовое оборудование. Скорее всего, крепыш-коротыш избрал для боя в замкнутом пространстве иную, более осторожную и расчетливую тактику. В тесноте количественное превосходство противников было для Сандаварга на порядок опаснее, нежели столкнись он с ними на открытой пустоши.

Впрочем, уже после их первого столкновения численность гвардейцев сократилась наполовину. Я поглядывал на замершего в ожидании северянина и гадал, почему он не раскручивает свое ядро. Ведь для нанесения удара кистенем даже такому мастеру, как Убби, нужно некоторое время. Вот и кабальеро не зевали, решив взять инициативу и напасть на осторожничающего противника. Сначала по одному бойцу из каждой пары выступили на середину палубы, отрезая Сандаваргу пути для маневров. И когда его внимание переключо-

чилося на движущихся врагов, Уртадо и оставшийся у противоположного борта гвардеец накинулись на Убби сразу с двух сторон.

Однако не успели они сделать и шагу, как тот тоже сорвался с места и метнулся влево, навстречу капралу. Оба нацеленных в бок северянину клинка Уртадо скользнули по щиту, которым Сандаварг затем толкнул его в плечо и отбросил назад. Удар был сильным, и все же капрал устоял на ногах, но благодаря не собственной ловкости, а борту, в какой он врезался спиной.

Чтобы настичь Сандаварга, второму атакующему его кабальеро пришлось сделать несколько лишних шагов. Он спешил, поскольку теперь вместо вражеского бока видел открытую, прямо-таки подставленную под удар спину. Заиклившись на ней, он упустил из виду кистень, свободно висящий у противника на запястье и вроде бы не представляющий в данный момент угрозы. Но думать так было очень ошибочно. Полуобернувшись, Убби резко дернул за цепь, а потом пихнул подлетевшее в воздух ядро ладонью в направлении бегущего на него гвардейца. Ни дать ни взять большой ребенок, забавляющийся пудовым йо-йо!

Не будь на кабальеро доспехов, стукнувший его шипастый шар точно проломил бы ему грудину. Кираса из шкуры змея-колосса спасла гвардейца от увечья, что было, в общем-то, последним везением в его жизни. Ошарашенный внезапным выпадом Сандаварга, он отшатнулся и хотел было кинуться в повторную атаку. Но опоздал: отскочивший от его панциря кистень без остановки описал в воздухе окружность и, набрав разгон, заехал кабальеро по голове. Усиленная изнутри иностальными вставками, его шляпа могла выдержать рубящий удар саблей, но для защиты от такого оружия прочности ей, увы, не доставало.

Хруп!..

Интересно, сколько раз в жизни Сандаваргу доводилось слышать этот омерзительный звук? Звук проломленных им черепов и свернутых шей...

Прикончивший гвардейца кистень вновь взмыл вверх и, направленный тяжелой ладонью Убби, обрушился на капрала. Отброшенный к борту, он уже вновь твердо встал на ноги и, увидев опасность, попытался увернуться. Что ему почти удалось, и кабы не кинувшиеся на подмогу Уртадо *compaceros*, он наверняка избежал бы встречи с братом Ярнклотом.

Оказать медвежью услугу – так мой покойный папаша называл подобную «помощь», хотя он, как и я, смутно представлял себе вымершего зверя, о котором наши предки сложили эту присказку. Двое еще не ввязавшихся в бой кабальеро ринулись на Сандаварга, едва поняли, что их отвлекающая уловка не сработала. Однако в этот момент уклоняющийся капрал метнулся им навстречу и с ходу натолкнулся на ближайшего соратника. Чтобы уйти из-под удара кистеня, Уртадо оставалось сделать всего шаг. Но этого не произошло, и брат Ярнклот долбанул замешкавшегося гвардейца вскользь по затылку. Учитывая вес ядра и силу, с которой оно летело, даже такого касательного удара хватило, чтобы вышибить из капрала дух...

Многокилометровый уклон наконец-то закончился, и мы вновь очутились в хитросплетении скальных лабиринтов. «Гольфстрим» набрал рискованную скорость, поэтому мне потребовалась максимальная концентрация, чтобы успевать и сверяться с картой, и крутить штурвал. Кавалькада не отставала, разве что из-за узких ущелий всадникам пришлось перестроиться, и теперь они двигались позади нас. Гнаться за нами по параллельным ущельям кабальеро не хотели. Знали, мерзавцы, что я буду из кожи вон лезть, дабы не заехать в тупик, а значит, выбранный мной курс однозначно окажется лучше, нежели любой другой.

– Лезут! – прокричала мне с кормы Долорес. – Святой Фидель Гаванский, да сколько же их там?!

Я обернулся и убедился, что мои худшие прогнозы оправдались. Да, помощь святого Фиделя Гаванского или богини всех перевозчиков Авось нам сейчас и впрямь не помешает. Десятка два соскочивших с коней гвардейцев облепили задний борт прицепа как личинки

мух – дохлую змею. Несколько кабальеро с пистолетами и винтовками в руках уже выползали на крышу, опасаясь подниматься в полный рост, поскольку видели нацеленную на них баллестираду.

Что они удумали, хотелось бы знать? Обстрелять нас пулями? Но Долорес надежно укрыта щитком «Плаксы», а попасть в меня из пневматического оружия, находясь на болтающемся из стороны в сторону трейлере, крайне сложно. Скорее Малабонита хорошенько прицелится и перебьет этих горе-стрелков, прежде чем они прикроют своих прорывающихся к сцепке товарищей.

Хотя погодите-ка! Если слухи не лгут, духовое оружие Кавалькады способно стрелять не только пулями, но и адскими дротиками, которые в мире изготавливают от силы два или три умельца. Те самые бесшабашные умельцы, кто еще не лишился рук, рискуя работать с оружейными технологиями Старого Мира...

– Уходи оттуда! – весь исполненный дурных предчувствий, крикнул я припавшей к прицепу «Плаксы» Долорес. – Прыгай в моторный отсек! Быстро! Это приказ!..

Прежде чем жениться на своенравной дочурке алькальда Сесара и впустить ее на борт «Гольфстрима», я провел с ней воспитательную беседу насчет того, чем будут отличаться обычные просьбы ее мужа от его же шкиперских приказов. К моему удивлению, второго, более сурового разговора на эту тему у нас со строптивницей не состоялось. Она раз и навсегда усвоила доселе чуждые для нее принципы субординации. Единственное, что позволяла себе Долорес, получая от меня приказы, это ворчание или язвительный комментарий. Но только не задержку или, того хуже, невыполнение команд своего шкипера.

Вот и сейчас она прокричала мне в ответ какую-то грубость, однако спустя пять секунд уже находилась там, куда я ее отправил, – в моторном отсеке. Да, возможно, я преувеличивал и оружие осаждающих прицеп кабальеро не стреляло метафламмом. Но каждая собака в Атлантике знает: когда есть даже малейшая опасность «би-джи», лучше трижды перестраховаться.

Опасаясь, в свою очередь, угодить под наши снаряды, гвардейцы не стали мешкать и открыли стрельбу сразу, как только выбрались на крышу трейлера. После чего я в который раз за сегодня удостоверился: перешедшая мне по наследству хваленая интуиция Проныр – штука крайне полезная и незаменимая. Одно плохо – она неспособна предугадывать беды далеко наперед. Вот тогда ей действительно цены бы не было, а так...

Пожалуй, впервые в истории «Гольфстрима» по нему стреляли огнем. Я подозревал, что заряженные «би-джи» дротики обладают малым радиусом поражения; кабальеро, безусловно, отважные ребята, но не до такой степени, чтобы превращать себя в потенциальных смертников. Впрочем, беря во внимание, сколько врагов засело на прицепе, даже один их залп мог причинить нам уйму проблем. Поэтому можете себе представить, как екнуло у меня сердце, когда я расслышал хлопки первых выстрелов.

Вначале, как и ожидалось, гвардейцы обстреляли кормовую баллестираду. И она, и щиток были целиком сделаны из столбового металла, так что разрушить орудие метафламм был не в состоянии. Даже порвать на «Плаксе» тетиву, и ту не мог. Я не скупился, когда речь шла о модернизации палубного вооружения, и потому использовал в качестве тетивы только дорогие иностранные тросы, а не дешевую ненадежную пеньку. А вот находишься сейчас Малабонита на своем боевом посту, боюсь, ей сильно не поздоровилось бы. И это в лучшем случае.

Сразу три или четыре черных всполоха слились в один перед щитком баллестирады и прорвались в смотровую щель тысячами смертоносных нитей метафламма. Они же проникли и в прочие, не столь крупные щели и отверстия, какие еще имелись в зоне их поражения. Пара дротиков перелетела через борт и ударилась о палубу рядом с ведущей на мостик лестницей. Эти снаряды упали вдаль друг от друга, что позволило мне оценить, насколько

опасны они по отдельности. Два «би-джи» клубка диаметром около метра мгновенно распустились и тут же взялись медленно таять, оставляя после себя в деревянная настиле палубы усыпанные щепой бреши.

Что ж, теперь все понятно. Начиненного в дротики, воспламеняющегося от удара вещества было всего ничего – ровно столько, чтобы при случайном его взрыве пострадало по возможности меньше солдат. Мне доводилось видеть, как загорается порой в хамаде пересохший на жарком солнце, разный мелкий мусор. Черный всполох от гвардейского дротика был подобен тому, какой образуется вокруг вспыхнувшего клочка бумаги величиной с ноготь. Это было не столь серьезно, как я боялся, но и не настолько безопасно, чтобы сохранять при такой «би-джи»-атаке невозмутимость.

Убедившись, что обстрелянная метафламмом баллестирада молчит, гвардейцы приободрились, поднялись на ноги и, пригнувшись, двинули к сцепке. Предугадать их следующую цель было легко. С переднего края трейлерной крыши они смогут достать своими дротиками до рубки, которая вовсе не имела защиты от «би-джи». Залети парочка таких снарядов в окна, и мне конец. А слиняй я с мостика, конец придет всем нам. Узкие извилистые проходы, по каким мы мчимся, не позволяют отойти от штурвала даже на несколько секунд. И как бы ни дорожил я собственной шкурой, мне требовалось собрать в кулак волю и оставаться на посту.

Уповать на то, что стрелки дружно промахнутся, было бы верхом оптимизма... или, вернее, банального идиотизма. Мне предстояло спастись самому, и при помощи моего единственного на данный момент оружия – штурвала.

– Хэйл, Иван и оба Еремея! – злорадно процедил я сквозь зубы, подражая ублюдку Убби. Жаль, что мои предки не удосужились выдумать для себя и потомков боевой клич, а иначе мне не пришлось бы обращаться сейчас к творческому наследию клана Сандаваргов. – Хэйл, Проныра Третий! Стой, где стоишь! Мое слово!

И, вывернув штурвал вправо, подвел «Гольфстрим» вплотную к стене ущелья. Веками откалывающиеся от нее куски породы лежали у подножия отвесных склонов окаймляющей их осыпью. Этаким естественным плитусом, состоящим в основном из раскрошившихся от ветра и солнца камней. Но зачастую здесь попадались и довольно крупные обломки скал, способные выдержать даже удар колеса бронеката. В обычные дни я не наезжал на них и на подобные осыпи, дабы не подвергать буксир излишней встряске и крену. Однако сегодня выдался совершенно особенный день, и уж коли все у нас с утра пошло наперекосяк, значит, придется и дальше идти вразрез с собственными принципами. В том числе с теми, которые раньше казались мне незыблемыми.

В отличие от боевого клича Сандаварга мой приказ гвардейцам стоять там, где они стоят, прозвучал не как угроза, а как издевательство. А вы устояли бы на ногах, когда пол под вами сначала внезапно накренился, а потом подпрыгнул вверх на полметра? Именно это и случилось с трейлером, который я загнал на глыбистую осыпь. Почти все штурмующие прицеп кабальеро уже взобрались на крышу, а особо ретивые подбегали к ее переднему краю с пистолетами на изготовку. Многие гвардейцы смекнули, что вот-вот произойдет, когда я направил «Гольфстрим» к стене ущелья. Однако мало кто из них успел подготовиться к моему контрудару и удержался на трейлере. Остальные же посыпались с него будто шелуха от арахиса, которую каждый вечер стряхивает со своего одеяла Гуго – большой любитель полакомиться перед сном орехами.

Несколько противников все же успели разрядить по мне свое оружие, правда, меткостью при этом никто из них уже не блеснул. Большинство дротиков вообще не попало в бронекат, распылив метафламмом камни на склонах. Остальные выстрелы вновь ударили в задний борт, и лишь один из них угодил в палубу, аккуратно между уже пробитыми в настиле

брешами. Просто удивительно, как при этом гвардейцы не перестреляли друг друга, чем они, несомненно, доставили бы мне немало радости.

Долго ехать в таком наклонном положении было нельзя. Буксир терял скорость, да и я с трудом управлял им, раскорячившись на накренившейся палубе. И потому после устроенной мной встряски я вывернул штурвал обратно, съехал с осыпи и вернулся на прежний курс. И лишь когда мои ноги вновь уверенно встали на мостик, я оглянулся и оценил нанесенный врагу урон.

Он был не слишком сокрушительным, но проблема «би-джи», к счастью, больше нам не угрожала. Не упавшим с трейлера восьми кабальеро пришлось побросать пистолеты, чтобы срочно ухватиться за низкий поручень, идущий по краю крыши. Насколько повезло гвардейцам, которые этого не сделали, неизвестно. Но падение на камни вниз головой, трейлерные колеса и копыта скачущей следом за нами Кавалькады оставляли мало шансов уцелеть. Пожалуй, даже еще меньше, чем этих же шансов было сейчас у нас...

Наскоро пересчитав зацепившихся за крышу прицепа «везунчиков», я глянул на северянина, все еще бьющегося с группой капрала Уртадо. Глянул и увидел, что своими виражами я круто изменил течение их жаркой схватки. Каким бы проворным ни был Убби, а удержаться на ногах при резком крене бронеката и последующей встряске он не сумел. Как, впрочем, и двое его противников, коим еще не довелось познакомиться с братом Ярнклотом. Приемы, которыми Сандаварг и кабальеро хотели друг друга сразить, закончились тем, что все трое попросту скатились к левому борту. После чего их фехтование переросло в обычную потасовку, в которой уже не было прежней красоты и виртуозности.

Увлекаемый своим тяжелым вооружением, крепыш-коротыш очутился у борта раньше кабальеро. Которые, однако, в отличие от Убби, уже имели кое-какой опыт, поскольку кувыркались по палубе не в первый раз. Это позволило им еще в падении развернуться так, что, когда они подкатились к Сандаваргу, шпага каждого из них была выставлена вперед, словно рог антилопы-единорога.

Убби стукнулся затылком об обшивку, но это не выбило его из равновесия. Он не пролежал у борта ни секунды. Стукнулся и тут же вскочил, стремясь оказаться на ногах раньше врагов и напасть на них первым. Но северянин просчитался. Клинки гвардейцев уже были нацелены на него, а он еще не подобрал щит.

Сандаварг едва успел отразить цепью кистеня один удар и почти увернулся от второго, но нанесящий его гвардеец все-таки достал шпагой отшатнувшегося противника. Правда, укол пришелся ему не в бок, куда изначально метился кабальеро, а в то место, на каком ни один уважающий себя воин не желает заполучить шрам. И немудрено: ведь гордиться им придется разве что перед самим собой и втайне ото всех.

Убби, конечно, подфартило. Пропущенный им удар мог угодить выше и запросто его прикончить. Однако крепыш-коротыш все равно не обрадовался своему везению. Его и без того красное лицо побагровело еще больше, когда он ощутил у себя в правой ягодице острое вражьиго клинка. Взревев не столько от боли, сколько от обиды, Убби, похоже, напрочь позабыл и о щите и о кистене и набросился на обидчика словно раненый лев. Унизивший его гвардеец выдернул шпагу, но для повторного, более точного удара времени ему уже не хватило. Северянин развернулся к лежащему у борта противнику и, перехватив ему предплечье, сначала заехал кабальеро босой пяткой по лицу, а потом резко вывернул тому руку.

За грохотом колес и конским топотом я не расслышал хруст сломанной кости. Но увидел, как рука гвардейца согнулась под таким углом, под каким человеческие руки не способны сгибаться в принципе. Крик боли, который издал кабальеро, тоже не достиг моих ушей – ему было не под силу перекрыть рев разъяренного Сандаварга. А он, обезоружив калеку, не стал сразу добивать его, пусть даже Убби не терпелось с ним расквитаться. Вместо

этого северянин предпочел разобраться с более опасным врагом, который, выставив перед собой шпагу и дагу, поспешно поднимался с палубы.

Он успел встать лишь на одно колено, когда Убби, молниеносно скинув с запястья намотанную на него цепь, одним броском захлестнул ею противнику сразу обе руки. Ее звенья тут же зацепились за крестовины шпаги и даги. Гвардеец рванулся, силясь высвободить оружие, но, пока он дергался, Сандаварг крутанул цепь еще дважды и еще крепче опутал ею врага.

Кабальеро угодил впросак и бросился на Убби, стараясь не дать тому укоротить свой «поводок». Но было слишком поздно. Припадающий на раненую ногу северянин уже держал пленника под контролем. И держал столь же надежно, как до этого он контролировал брата Ярнклота, который находился сейчас на противоположном конце цепи.

Чтобы отразить оба клинка, Сандаваргу стоило лишь стегануть цепью вбок и сбить таким образом вражескую атаку. После чего изловить споткнувшегося гвардейца за шею и свернуть ее одним мощным рывком. А напоследок проделать то же самое с последним живым гвардейцем. Которому, правда, пришлось перед этим сломать и вторую руку, потому что зажатая в ней дага мешала краснокожему дотянуться до горла своего обидчика...

Не считая полученного Убби легкого, но досадного ранения, тот вновь показал себя на высоте. Чему он не преминул громогласно порадоваться. Мне же радоваться было еще рановато: восемь удержавшихся на трейлере кабальеро не оставляли решимости перебраться по сцепке на буксир. Поэтому я крикнул прячущейся в моторном отсеке Малабоните, чтобы она вернулась к «Плаксе» и поскорее предотвратила это вторжение.

Когда гвардейцы узрели вновь нацеленную на них баллестираду, отступить им было слишком поздно. Трое из восьми захватчиков уже перебрались на сцепное устройство и теперь пытались устоять на его распорках, дабы не навернуться под колеса. Еще один смельчак спускался к товарищам по передней стенке трейлера. Четверо сидящих на крыше кабальеро первыми заметили возвращение Долорес и тут же предупредительно загалдели. Предупредительно и испуганно: еще бы, ведь они полагали, что наш бортстрелок угодил под «би-джи» и давно мертв!

«Воскресшая» Малабонита вмиг развеяла это их фатальное заблуждение. Дорвавшись до орудия, она выплеснула всю свою накопившуюся за день ярость на этих отважных, но ненавистных нам парней. Первым делом дочь алькальда Сесара выпустила пару болтов по тем врагам, которые еще не покинули прицеп. И когда половина из этой четверки была перебита, а оставшиеся захватчики попадали ниц и отползли от края крыши, Долорес переключилась на тех врагов, которым скрыться от ее гнева было намного сложнее.

В свое время я истратил уйму снарядов, чтобы научить Малабониту стрелять из палубных орудий. И не зря. В том, как она управлялась с баллестирадами, было нечто поэтичное или даже эротичное. Вот она уверенно наводит «Плаксу» на цель, ненадолго припадает к прицелу и плавно отжимает спусковую скобу. Затем, проследив, насколько удачным выдалось попадание, быстро давит на зарядную педаль и проверяет, ровно ли ложится болт под натягивающуюся тетиву. А когда процесс завершен – отсоединяет натяжитель от храповика, чтобы повторить весь этот цикл сначала. Повторить четко, быстро, но без суеты. Ни единого лишнего движения, никаких сомнений...

Глядя в такие моменты на упоенную охотой Долорес, я чувствовал, что попросту начинаю ревновать ее к «Плаксе» или «Сморкачу». Слишком уж много страсти моя малышка отдавала своим смертоносным игрушкам. И пусть мне тоже было грех жаловаться на недостаток ее любви, все равно меня это немного корбило.

Впрочем, сегодня я был далек от подобных мыслей. Лишь отметил, что рука Малабониты не дрогнула и она отлично справилась с нетипичной для себя задачей: расстрелом прислужников Владычицы Льдов.

Пока они не прорвались в мертвую зону кормового орудия, наша Богиня Смерти сначала прикончила того кабальеро, который шел по сцепке первым. Кожаный панцирь не смог защитить его от выпущенного с короткого расстояния метрового болта «Плаксы». Тот пробил гвардейца навывлет и угодил в бедро идущему следом *compacero*, практически оторвав ему ногу. Оба захватчика, обливаясь кровью, тут же упали со своей переправы в просвет между буксиром и трейлером. А Долорес хладнокровно перезарядила баллестираду и без колебаний выстрелила в следующего противника.

Он также не ушел от верной гибели и повис мертвым на одной из распорок. Зато его оставшийся в одиночестве товарищ не стал дожидаться, когда его тоже продырявят насквозь, и сумел-таки отыскать выход из, казалось бы, безнадежного положения.

Последний захватчик не придумал ничего лучше, как сигануть в тот же просвет, куда только что упали два пронзенных одним болтом кабальеро. При хорошей сноровке и наличии везения выжить после такого прыжка было можно. Конечно, не без травм и кучи ушибов, но тем не менее. Дорожный просвет трейлера был большим, как у бронеката. И если гвардеец подождет в падении ноги и приземлится сразу на корточки, прицеп проедет над ним, не задев его ни днищем, ни мостами. Сам я, правда, таким трюкачеством не занимался и наяву его не наблюдал. Но, судя по шкиперским байкам, кое-кому из получивших отпор бандитов удавалось удрать с буксиров этим рискованным способом.

Спрыгнувший со сцепки кабальеро не догадался поджать ноги. О том, что случилось с ним дальше, думаю, можно не рассказывать...

Двоим уцелевшим под обстрелом гвардейцам пришлось отступить и уползать обратно по крыше несолоно хлебавши. Они покинули трейлер тем же путем, каким на него попали, и вернулись в седла своих рапидо, придержанных скачущими следом *compaceros*. Вошедшая в азарт Малабонита выпустила по ним оставшиеся на лотке болты, но больше ни в кого не попала. Удравшие кабальеро сразу сбавили скорость и растворились в окутанной пылью массе прочих всадников, благоразумно предпочитающих преследовать нас на расстоянии.

Предпринятая доном Риго-и-Ордасом попытка захватить «Гольфстрим» не увенчалась успехом. Вот только нас это слабо утешало. Возможно, атаковать бронекаты на ходу гончие псы Владычицы и не горазды, зато в многодневной изнурительной травле им в Атлантике равных нет. Скорость, с которой двигался буксир, была для стремительной Кавалькады почти что прогулочной. Это означало одно: пока я, обливаясь потом и изнывая от усталости, маневрирую на предельной скорости в скальных лабиринтах, сидящие у нас на хвосте кабальеро будут позевывать от скуки и даже смогут позволить себе кратковременные передышки. И когда я свалюсь от изнеможения, поскольку заменить меня у штурвала некому, бодрые и полные сил гвардейцы вновь накинута на нас, словно хищники. И тогда-то они, будьте уверены, уж нипочем не опростоволосятся.

Не хотелось себе в этом признаваться, но наша победа была, увы, не сладостной, а горькой. Мы не спасли свои жизни, а лишь продлили собственную предсмертную агонию, которая грозила растянуться еще как минимум на сутки. И то если мне невероятно повезет провести «Гольфстрим» ночью по отрогам Хребта, в чем я очень и очень сомневался.

Однако все эти беды грозили обрушиться на нас позже. А в данную минуту мне следовало бояться иной напасти. Той самой, которая, помахивая окровавленным кистенем, хромала сейчас к мостику и тарасилась на меня откровенно недружелюбным взглядом. И что хуже всего — эта ненависть была справедливо заслужена мной до последней капли...

Глава 7

– Эй ты, краснокожая ошибка природы! Да-да, ты, камнегрыз недоделанный, я тебе говорю! А ну убери свои грязные лапы от шкипера! Быстрее, *idiot*, пока я твои кишки по палубе не раскидала!..

Держащий меня за горло Сандаварг недоуменно вскинул брови и, не разжимая хватки, обернулся. Я тоже скосил глаза туда, откуда прозвучала эта угроза, хотя сейчас мне было, мягко говоря, не слишком удобно глядеть по сторонам. И тем не менее я рассмотрел, отчего Малабонита вдруг расхрабрилась настолько, что посмела в открытую угрожать потомку легендарных воинов Севера.

Аргумент у Долорес был в прямом смысле иностальной и сногшибательный. Завидев, что Убби решил не оттягивать нашу с ним нелицеприятную беседу, Малабонита поспешила намекнуть ему о том, чтобы он не слишком горячился. И сделала это так, что северянин понял намек с первого раза. Стремглав перебежав к бортовой баллестираде, Долорес развернула ее и нацелила на Сандаварга, который стоял посреди рубки, приперев меня к стене, и являл собой довольно легкую мишень. Вот только что будет, если он вдруг надумает прикрыться мной как живым щитом? А такое вполне могло произойти, восприми Убби обращение к нему угрозу со всей серьезностью.

– Успокойся, женщина, – прорычал он в ответ Малабоните, раздраженно поморщившись и не переменив позы. – Никто здесь никого не убивает. По крайней мере, пока. Я с твоим мужем всего лишь разговариваю. А почему так грубо, ты прекрасно понимаешь, не маленькая. Ведь так, Проныра?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.